

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
часть 2
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

Е.А. Колосова, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

И.О. Шевченко, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Общественный договор: история и современность

- Жан Т. Тощенко*
Общественный договор в российском исполнении:
реальность и уроки 168
- Марина Б. Буланова*
Идея общественного договора в трудах Михаила Бакунина 184

Социология профессий

- Наталья И. Белова, Полина В. Манохина*
Врачебные кадры московского региона: основные характеристики
и требования работодателей 193
- Галина А. Цветкова*
О жизненном мире работников социальной сферы 204
- Галина В. Баранова, Владислав И. Музалевский*
Особенные характеристики социального самочувствия
военнослужащих 214
- Елена Н. Пятшева*
Профорентация: от тейлоризма до современной
профессиональной среды 224
- Роман И. Анисимов*
Состояние профорентационной работы в «инженерных» вузах 235
- Ирина О. Шевченко*
Профессиональная ориентация в сельскохозяйственных вузах 246
- Елена А. Ирбетская, Ольга В. Китайцева*
Основные стратегии выбора вуза студентами
в современной России 255

Социально-культурные реалии как объект социологического исследования

- Валентина Ф. Левичева*
Что стоит на пути качества качественной социологии? 267

<i>Лариса Н. Вдовиченко</i> Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности	277
<i>Ольга В. Крыштановская, Наталия Н. Мещерякова</i> Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи	288
<i>Альбина А. Гизитдинова</i> Диалектика культурного наследия и современных культурных процессов как условие сохранения межнационального согласия	300
<i>Марина Ю. Милованова, Екатерина А. Золотых</i> Политическая карьера женщин в России и Германии: опыт сравнительного анализа	311

CONTENTS

Social Contract. History and Contemporary Time

- Zhan T. Toshchenko*
Social contract. Russian version. Reality and lessons 168
- Marina B. Bulanova*
Social contract. Pro et contra M. Bakunin 184

Sociology of Professions

- Natalia I. Belova, Polina V. Manokhina*
Medical personnel of the Moscow region. Key characteristics
and employers' requirements 193
- Galina A. Tsvetkova*
About the life world of social workers 204
- Galina V. Baranova, Vladislav I. Muzalevsky*
Special characteristics of the social well-being of military personnel 214
- Elena N. Pyatsheva*
Career guidance: From taylorism
to the modern professional environment 224
- Roman I. Anisimov*
The state of career guidance in “engineering” universities 235
- Irina O. Shevchenko*
Vocational orientation in agricultural universities 246
- Elena A. Irsetskaya, Olga V. Kitaitseva*
Basic strategies for choosing a university for students
in modern Russia 255

Socio-cultural Realities as an Object of Sociological Study

- Valentina F. Levicheva*
What stands in the way of the quality of qualitative sociology? 267
- Larisa N. Vdovichenko*
The role of political culture in the formation
of a common civic identity 277

<i>Olga V. Kryshstanovskaya, Nataliya N. Meshcheryakova</i> The modern socio-structural space of Russia in the views of young people	288
<i>Albina A. Gizitdinova</i> Dialectics of cultural heritage and modern cultural processes as a condition for maintaining interethnic harmony	300
<i>Marina Yu. Milovanova, Ekaterina A. Zolotykh</i> The political career of women in Russia and Germany: the experience of comparative analysis	311

Общественный договор: история и современность

УДК 323.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183

Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки

Жан Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhantosch@mail.ru*

Аннотация. Анализ исходит из того, что общественный договор представляет собой самостоятельный научный и общественный феномен, который олицетворяет различные формы социального согласия (социального контракта) между народом и государством, при учете, что они носят не только открытый, но и латентный характер, отражая глубинные процессы, происходящие в общественном сознании. В статье на основе критериев, присущих общественному договору, характеризуются цели, средства их достижения, эффективность обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства. Дается анализ процесса его формирования и функционирования в современном российском обществе. Особо рассматриваются мировоззренческие установки и ценности, ориентированные на роль труда и образования в жизни общества и государства. Отмечается, что общественный договор можно сравнить с социальным клеем, который проявляет себя через осознанное участие народа в общественном развитии, что говорит о степени его эффективности и действенности в деле сохранения и укрепления государства.

Ключевые слова: общественный договор, государство, общество, народ, общественное сознание, согласие, доверие, Россия

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 168–183. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183

© Тощенко Ж.Т., 2023

Social contract in Russian version: reality and lessons

Zhan T. Toshchenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zhantosch@mail.ru*

Abstract. The analysis proceeds from the fact that the social contract is independent scientific and social phenomenon that embodies various forms of social concord (social contract) between the people and the state, given that they are not only open, but also latent, reflecting the deep processes taking place in the public mind. Based on the criteria inherent in the social contract the article characterizes the goals, means of achieving them, the effectiveness of feedback and participation of the people in managing the affairs of society and state. It gives an analysis of the process of its formation and functioning in modern Russian society. Special consideration is also given to worldview attitudes and values focused on the role of labor and education in the life of society and state. It is noted that the social contract can be compared with social glue, which manifests itself through the conscious participation of the people in social development, which indicates the degree of its effectiveness and efficiency in the state preserving and strengthening.

Keywords: social contract, state, society, people, public consciousness, concord, trust, Russia

For citation: Toshchenko, Zh.T. (2023), "Social contract in Russian version: reality and lessons", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 168–183, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183

Введение

Любое общество может существовать только на основе общественного договора, олицетворяющего степень и уровень согласования интересов государства и народа (его основных классов, социальных общностей и групп). Первыми, кто предложил таким образом трактовать взаимоотношения народа и государства, были мыслители эпохи Просвещения (Т. Гоббс, Д. Локк, П. Гольбах, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо). К этим же временам относятся и идеи А.Н. Радищева, пытавшегося объяснить российские реалии, а также поиски М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина по согласованию политики государства с устремлениями народа. Все они при разных подходах и в разных вариантах утверждали, что общественный договор является порождением разумной воли

народа, человеческим учреждением или даже изобретением (результатом) поисков по обеспечению взаимосогласованного развития. Обобщая их наработки, можно сделать вывод, что общественный договор – это продукт осознанного и стихийного согласования действий двух основных субъектов исторического процесса – государства в лице политической власти и народа в лице общественных объединений, движений, эффективность и результативность которых проявляется не только на открытом, но и латентном уровне в виде доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу». Общественный договор представляет собой самостоятельный социальный феномен, который характеризуется особенной структурой. Важной составляющей соответствия этих основных субъектов общественного договора является поиск ответа на вопрос – а обеспечивается ли *баланс сил и баланс интересов*, который начинается с *повседневной жизни, ее состояния, организации и функционирования*. Именно взаимодействие общественного сознания и государственной политики показывает, насколько оно эффективно и рационально, насколько налажена функционирующая *обратная связь*, которая свидетельствует – состоялся ли, поддерживается ли *социальный контракт* между властью и народом во всем его многообразии и многоаспектности. Образно говоря, существует ли *социальный клей*, который обеспечивает необходимое доверие и поддержку большинства или значительного количества народа, чтобы обеспечить устойчивость существующего государства и общества, их функционирование и дальнейшее развитие. Но чтобы добиться этих показателей, народ всегда в той или иной мере сопоставляет свои устремления, свои интересы со стремлением понять и приять то, куда зовут идти, что ему делать и чего добиваться (подробнее см.: [Тощенко 2023]).

Основные сущностные характеристики общественного договора в России

Состояние общественного договора в современном российском обществе *определяется целями, которые объединяют базовые, основные устремления народа и намерения государства*. С одной стороны, в ней находят отражение чаяния народа, которые питают убеждения большинства людей по справедливому устройству общества, по достижению группового и личного благополучия. С другой стороны, государство в лице политической власти вырабатывает свои цели, претендующие не только на решение неотложных текущих задач, но и на перспективу.

Очевидно, что суть общественного договора призвана отразить Конституция РФ, в которой формулируются принципиальные основы существования государства и общества. В истории Советского Союза были три варианта Конституции: 1924, 1936 и 1977 гг. (если не говорить об их предшественнице – Конституции РСФСР 1918 г.). Современная Россия живет по Конституции 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Напомним, что Конституция обладает высшей юридической силой, закрепляющей основы, полномочия представительных, исполнительных, судебных органов власти и местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина. При этом предполагается, что общественный договор и Конституция страны должны быть взаимно согласованы. Но по данным социологического опроса ВЦИОМ в декабре 2017 г., только 61% россиян считали Конституцию Российской Федерации документом, полностью или скорее полностью отвечающим нуждам страны и ее народа. Иначе говоря, часть народа полагает, что в этом основополагающем документе не в полной мере или с издержками решены их гражданские, экономические, социальные и личные проблемы, что они сомневаются в способности государства в полной мере обеспечить и удовлетворить их потребности и интересы. Значит, налицо расхождение между тем, что политическая власть считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, в реальности существуют разногласия между государством и народом. Это позволяет сделать вывод, что государству в лице политической власти следует не только осмысливать существующие расхождения, знать о них, но и минимизировать их, не доводить ситуацию до социальной напряженности и конфликта.

При этом заметим, что если государство способно провозгласить перспективные и в то же время конкретные и привлекательные цели развития, то большее количество людей примут их, согласятся с ними и поддержат их. При этом они должны быть реальными, восприниматься людьми как достижимые, даже в проблемной ситуации. Цель также означает скрепление и согласовывание того, что хотят и к чему стремятся основные классы, социальные общности и группы, и то, что предлагает власть, не исключая возможных издержек и просчетов в процессе их реализации. На государство ложится высокая ответственность – сформулировать стратегию развития, которая удовлетворяла бы народ не только в реально сложившейся ситуации, но и позволила ему видеть свое будущее, представления о котором скрепляли бы эту желаемую договоренность. То есть умение оформить взаимные стремления и намерения

и в текущей действительности, и на будущее – залог устойчивого существования общественного договора и, соответственно, общества и государства. Напомним, что Гоббс такой целью считал безопасность, Локк – свободу, Руссо – демократию, Монтескье и Радищев – социальное равенство.

В России, согласно социологическим опросам, на первое место выходят требования справедливости. По мнению людей, *общественный договор призван обеспечить постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предложить средства и методы для ее осуществления, чтобы достичь взаимопонимания и поддержки*. История существования Советского Союза показывает, что пришедшие к власти большевики сумели убедить и увлечь большинство народа идеей нового справедливого общества. Она была воплощена в призыве строительства незнаемого историей справедливого (социалистического) общества, в котором был ясно сформулирован понятный и доступный многим принцип – «от каждого по способностям, каждому по труду». Эта формулировка жизнеустройства и в первую очередь трудовых отношений соответствовала умонастроениям большинства трудового народа, хотя в процессе реализации было немало издержек.

Насколько было важно согласование целей государства и народа, показало крушение общественного договора в Советском Союзе в конце 1980-х гг., в период так называемой перестройки. Встреченные почти с восторгом и энтузиазмом провозглашенные цели перестройки быстро померкли в сознании людей, так как они сразу же начали сопровождаться наспех сконструированными, импровизированными подцелями по решению кардинальных проблем экономики, социальной и политической жизни. Эти подцели отражали произвольные идеи стоящих у власти, а народу отводилась роль пассивного следования им. И поэтому вполне естественно, что народ стал требовать внесения существенных корректив в официально проводимую политику, что не было учтено и даже отвергнуто.

Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределенности и малой предсказуемости. До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают. Провозглашенное в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1), означает некую общую установку, которая не конкретизирована до понимания и воплощения ее в текущей трудовой и повседневной

жизни. Такое рассогласование провозглашенных государством целей и насущных ориентаций народа наглядно контрастирует с опытом современного Китая, где на фоне общей цели – строительство социализма с китайской спецификой – был провозглашен принцип: добиться средней зажиточности по сравнению с мировыми стандартами. В реальной общественной практике это означало: среднезажиточное общество, призванное решить проблемы питания одежды и удовлетворения базовых потребностей людей. Этот принцип не только устроил, но и вдохновил миллионы китайцев, около 100 млн которых за последние 10 лет вышли из зоны бедности [Чжан Тянь, Романенко 2009]. В России же попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются нерешенными: с 2012 г. число находящихся за чертой бедности остается примерно одним и тем же – около 20 млн чел., или 12% от численности населения. Намерения, зафиксированные в национальных проектах и нацеленные на решение таких актуальных социально-экономических проблем, как производительность труда, занятость, уменьшение безработицы и бедности, не были реализованы. Более того, многие решения в сферах образования, науки, культуры оказались ошибочными, что сейчас полностью или частично признано даже на официальном уровне. В результате, согласно данным Росстата, при намерении повысить производительность труда на 50% в 2012–2018 гг. (в годы первых национальных программ) в реальности получилось только 5% [Аганбегян 2019]. Эти и подобные конкретные результаты развития позволяют утверждать, что еще не найдены и научно не обоснованы те цели, которые бы в максимальной степени сближали народ и государство. Последнее хотелось бы особо подчеркнуть, так как личное осмысление происходящего и его принятие как касающееся своего жизненного мира создает латентную социально-психологическую почву, которая олицетворяет степень уверенности как в настоящем, так и будущем, что в свою очередь (не)делает человека участником общественного договора.

В современной России общественный договор долгое время строился на либеральной установке: государство должно максимально ограничить себя ролью «ночного сторожа», а человек сам ответственен за свою настоящую и будущую жизнь. Индивидуализм был провозглашен высшим критерием свободы человека. Основным средством достижения благополучия, что нашло отражение в социологических исследованиях, оказалось владение капиталом, финансовыми средствами или причастность (прислуженность, обслуживание) к политической власти. В то же время либеральной политикой рушилась база и основа экономического и социального благополучия: были ликвидированы станкостроение,

авиастроение, автомобилестроение, текстильная промышленность и другие сложившиеся производства, занимающие передовые места в мировой экономике. В результате экономика России потеряла за 1990-е гг. больше, чем во время Великой Отечественной войны. Был потерян значительный человеческий, социальный и научно-технический потенциал, что привело к резкому ослаблению российского государства и к концу 1990-х гг. поставило под вопрос его существование, так как возникла угроза его распада, как это произошло с Советским Союзом. И хотя в начале 2000-х гг. эту тенденцию удалось частично переломить, но не настолько успешно, как требуют объективные потребности общественного договора. Перед Россией по-прежнему остро стоит вопрос о коренном изменении социально-экономической политики, без чего существовать общественный договор не в состоянии.

О том, что общественный договор требует совершенствования, говорят данные всероссийских исследований (РГГУ, 2018–2022 гг.) в различных отраслях экономики и социально-культурной жизни (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, культура, образование и наука). Они показали, что в эти годы от 42,5 до 50% населения считают, что страна развивается в правильном направлении, почти каждый пятый (от 18 до 22,9%) – что такое развитие ошибочно при каждом третьем (до 35%) воздержавшемся от ответа [Интеллигенция 2023, с. 263]. Как показали исследования, серьезной критике подвергаются осуществленные государством акции, такие как приватизация, залоговые аукционы, налоговая политика, пенсионная реформа. Они отвергаются более чем каждым вторым россиянином. Все это позволяет сделать вывод о том, что средства осуществления экономической и социальной политики ставят под сомнение уровень крепости существующего общественного договора. Очевидно, в политику нужно вносить кардинальные изменения, о чем говорят не только многие представители научной мысли, но и практические работники [Глазьев 2019].

Общественный договор – это дорога с двусторонним движением, что предполагает существование обратной связи между народом и властью, постоянную проверку ее эффективности и действенности. Это означает, что *политическая власть должна не только слушать народ, но и слышать его*. Насколько важно слушать и слышать народ и потом действовать согласно его желаниям, в свое время по отношению к советской власти образно выразился Н.А. Бердяев.

Иначе говоря, суть обратной связи между народом и властью заключается в том, что государство, если хочет сохранить обще-

ственный договор, призвано учитывать основные ориентации и потребности людей и на этой основе создавать «правила игры» – гарантировать условия достойного существования людей и обеспечивать их выполнение. Люди в свою очередь соглашаются на государственные требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются.

Утрата постоянных связей с народом – это утрата связи с реальностью – угроза существования политического режима. Она обязательно проявится в возникновении точек напряженности, что наглядно ощущалось в определенные периоды существования СССР (во время политики продрозверстки, в годы коллективизации, а также во времена перестройки). Обратная связь власти и народа в современной России в начале 1990-х гг. базировалась на радикальных и внешне привлекательных обещаниях. Но, когда стали очевидны огромные социальные издержки – огромное увеличение неравенства, падение жизненного уровня, рост безработицы, ослабление социальной защиты, началось снижение доверия. Неумение и нежелание считаться с запросами населения проявилось в таких конфликтных ситуациях, как монетаризация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями) в 2005 г., пенсионная реформа, начатая в 2019 г., оптимизация образования и здравоохранения с начала 2000-х гг., слом прежней организации науки с 2013 г. и др. конфронтационные ситуации, в том числе в регионах.

Одним из показателей измерения обратной связи является доверие. В настоящее время, по данным социологических исследований, оно выглядит так: президенту 2018–2022 гг., в зависимости от отрасли экономики и культуры доверяют от 38 до 63% россиян (не доверяют от 8,2 до 13%), правительству – от 16,5 до 41,2% и не доверяют от 14,5 до 28,8%, Государственной Думе, соответственно, – от 10,7 до 26,8% и от 30,9 до 49,5% [От прекарной занятости... 2022, с. 290–291]. Очевидно, что такой социально-психологический показатель, как доверие, формируется исходя из многих обстоятельств жизни людей, но прежде всего через осознание своего социального положения. Все это позволяет сделать вывод, что резервы для укрепления общественного договора еще значительны.

Общественный договор скрепляет причастность народа к управлению делами общества и государства. Причем эта характеристика не должна пониматься буквально, только как личное участие

каждого человека в деятельности управленческих органов на том или ином уровне социальной организации общества. Помимо непосредственного участия в работе органов управления, на наш взгляд, стоит говорить о возможности влиять на принятие решений всех уровней управления. Именно осознание причастности и вовлеченности в процесс управления делает самих людей более ответственными при организации своей общественной, трудовой и повседневной жизни.

О привлечении россиян к различным формам и методам управления немало говорится в современной России. Однако, как показывают общероссийские социологические исследования 2018–2022 гг., даже при такой «щадящей» формулировке «Можете ли влиять на принятие решений?» были получены в основном отрицательные ответы: 90,5% говорят о невозможности влияния на государственном уровне, 89,3% – на уровне республиканской, краевой и областной власти, 83,9% – на городском, районном уровне и 57,8% – на уровне производственной организации [Интеллигенция 2023].

Общественный договор предполагает обеспечение консенсуса и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами, социальными общностями и группами внутри любого общества. Причем это согласие призвано осуществляться не только по политическим, социально-экономическим и социально-культурным проблемам, но и, что особенно важно, при решении нравственных, духовных проблем как наиболее фундаментальных, обеспечивающих подлинную сущность и природу общественного договора. Такое моральное обеспечение возникает в ходе соблюдения и поддержания доверительных отношений, которые устраняют всякие попытки противостояния, соперничества, предубежденности и строятся на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации остаются неизменными: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

Наконец, важное значение приобретает учет интересов территориальных, этнонациональных и конфессиональных общностей, их особенностей и их роли в укреплении общественного договора на каждом этапе исторического развития страны. В связи с этим актуально утверждение о том, что забвение интересов этих институциональных образований ведет к утрате связи с реальностью, способствует возникновению точек напряжения и, как следствие,

порождает угрозу существования государства и его политического режима (см. [Тенденции 2023; Тощенко 2020]). При трактовке сущности и содержания общественного договора нужно также учитывать, что он не может оставаться неизменным в течение длительного времени. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт развития всех стран, в том числе России, когда опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими критериями. При этом все возрастающее значение приобретают ориентации людей на обеспечение социальной справедливости, суверенитета личности, а также уверенности в своем будущем и будущем своих детей.

Мировоззрение в структуре общественного договора

Важнейшим структурным элементом общественного договора является согласование реально существующего мировоззрения людей и официальной идеологии на основе общности социально-политических ориентиров по организации общественной и повседневной жизни. Советская идеология воплощалась в политике по формированию таких теоретических и практико-ориентированных нововведений, как «советский народ» и «советский человек». Это был уникальный исторический эксперимент, замысел которого ранее продемонстрировали великие буржуазные революции, также ставившие задачу создания человека нового типа и формирования у него таких качеств, как убежденность, гордость, надежда, уверенность, традиционность. Реализация этого эксперимента в советское время обеспечила решение колоссальных по трудности экономических проблем и одновременно формировала ту идейную и мировоззренческую базу, которая делала государство ответственным органом по выполнению своей исторической миссии [Бабкин 2008]. В современной России эти обобщающие и ранее консолидирующие понятия заменены на «россиян», «российский народ», что продолжает вызывать дискуссии и сомнения не только у научной общественности.

В этой связи, на наш взгляд, интересно сравнить влияние мировоззрения в Советском Союзе и современной России двух консолидирующих ориентаций – отношение к труду и отношение к образованию на состояние общественного договора.

В Советском Союзе был сформирован культ труда, что, с одной стороны, опиралось на народные традиции глубокого уважения

к созидательной деятельности, на высокую оценку его носителей, критическое отношение к тем, кто не был вовлечен в его осуществление. С другой стороны, ориентация и установка на труд стали во все возрастающей степени высоко оцениваться и поощряться не только в рамках конкретных производств, но и (что принципиально важно) со стороны государства. Это отразилось в официальной государственной поддержке и поощрении таких инициатив, как ударничество (с началом индустриализации), стахановское движение (в годы первых пятилеток). В конце 1950-х гг. получение звания участника движения за коммунистическое отношение к труду приобрело характер массовости. Такое отношение к труду постоянно закреплялось в связи с курсом по совершенствованию его условий и организации (в стране было развернуто движение по научной организации труда, объединений рационализаторов и изобретателей). Одновременно внедрялась и подвергалась многочисленным экспериментам политика стимулирования в виде как различных способов материального вознаграждения, так и морально-нравственного поощрения (Доски почета на всех предприятиях и по месту жительства, награждение дипломами, почетными грамотами и другие методы поощрения за достижения в труде). Особо следует сказать, что возвеличивание труда было выведено на государственный уровень, проявившись в постоянном внимании и совершенствовании практики награждения государственными наградами [Кравченко 1987; Гощенко 2005].

В современной России произошли существенные качественные изменения по отношению к труду в результате введения частной собственности, ориентация на возможность обогащения не только посредством труда. Отметим, что в 2000-е гг. кардинально поменялись приоритеты работы НИИ труда. Если раньше он занимался научной организацией труда, то теперь на первый план выходят проблемы безработицы («занятости населения»), бедности («уровня жизни») и незащищенности людей («социального страхования»). Объективно возросла почва для социальной напряженности в сфере труда, что не способствует эффективному функционированию общественного договора. В значительной степени померк труд на производстве при одновременном признании важности и перспективности труда в сфере услуг, финансов, торговли.

Что касается образования, то в советской России его культ и возвеличивание стартовал после призыва Ленина на 111 съезде комсомола в 1920 г.: «Учиться, учиться, учиться». На этом пути, начиная с политики ликвидации неграмотности, развертывания начального, затем среднего и высшего образования, Советский Союз достиг высокого уровня грамотности по сравнению со странами,

имевшими более развитую экономическую базу. Именно политика в сфере образования сыграла значительную роль в укреплении общественного договора, так как она создала значительные много-миллионные социальные общности – советскую интеллигенцию и квалифицированные рабочие кадры, которые на деле убеждались, что образование стало мощным социальным и профессиональным лифтом, обеспечивавшим новый, более качественный уровень и образ жизни (см.: [Ключарев 2017]).

Оставаясь важным ценностным ориентиром, в современной России образование во многом лишилось той социальной и нравственной основы. Оно перестало быть общепризнанным социальным лифтом, уступив, по мнению россиян, владению капиталом и причастности к власти, наличию неформальных связей среди сильных мира сего. Упало качество образования, что во многом связано с некритическим заимствованием западных моделей, начиная с болонского процесса.

Таким образом, анализ возможностей по использованию мировоззренческих ориентаций для консолидации российского общества показывает, что общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии и в то же время существования идейных течений, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии, с четким обозначением средств и методов ее достижения.

Заключение

Общественный договор является уникальным явлением. В современных условиях он призван гарантировать существование государства, обеспечить возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем. Две стороны общественного договора – государство и народ – в идеале должны быть его равноправными участниками, иначе могут происходить два взаимоисключающих процесса – или рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека, или установление охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. В современной российской действительности общественный договор имеет существенные резервы по его совершенствованию с точки зрения согласования целей развития, средств их достиже-

ния, мировоззренческого обеспечения, налаживания регулярной обратной связи и, наконец, действенного участия всех социальных общностей и групп в управлении делами общества и государства. Однако в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в немалом числе случаев приводят к деформированным процессам и явлениям, которые не всегда олицетворяют равноправное единство народа и политической власти, что приводит к различным формам напряженности, отражающим слабость существующего общественного договора.

Анализ содержания общественного договора на всех этапах советской/российской истории показывает, что на его устойчивость влияло соблюдение такого важнейшего ориентира, как справедливость. Это особенно наглядно проявлялось в скрепляющем общественный договор представлении людей (народа) о социальном равенстве, о возможности его достижения или о допустимом его частичном отсутствии, но по понятным для большинства причинам. Именно нарушение, особенно вопиющее, служит поводом и причиной всех происшедших или назревающих конфликтов, когда в обществе были созданы/создаются реальные разрывы в социальном положении различных социальных общностей и групп. Существование общественного договора зависит от того, имеет ли народ возможность сопоставить свои устремления, свои интересы с пониманием и приятием того, куда зовет его идти государство, и насколько он согласен с тем, что ему нужно делать и к чему стремиться. В этом отношении заслуживает внимания утверждение А. Токвиля: во всех переломных процессах развития государства народ предпочтет достижение социального равенства, а не демократии.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в настоящее время концепция «общественный договор» является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и общества. Эта концепция включает в себя согласованную политику по преобразованию окружающей социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации», выполненного по гранту Российского научного фонда № 23-18-00093.

Aknowlegement

The article was prepared as part of the project “The Fate of the Social Contract in Russia. The Evolution of Ideas and Lessons of Implementation”, carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00093.

Литература

- Аганбегян 2019 – *Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
- Бабкин 2008 – *Бабкин К.А.* Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М., 2008. URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-980254-konstantin-babkibiografiya-tvorchestvo-karera-lichnayazhizn#ixzz81KWjWHMG>
- Глазьев 2019 – *Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2019.
- Интеллигенция 2023 – Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений: сб. научных статей / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; Ред.-сост. М.С. Цапко, Е.А. Колосова. М.: РГГУ, 2023. 344 с.
- Ключарев 2017 – *Ключарев Г.А.* Непрерывное образование в современном контексте: Монография. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2017. 287 с.
- Кравченко 1987 – *Кравченко А.И.* Социология труда в XX веке: Историко-критический очерк. М.: Наука, 1987. 180 с.
- От precarious занятости 2022 – От precarious занятости к precarious жизни: Колл. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2022. 364 с.
- Тенденции 2023 – Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России / Е.В. Лукин, Е.Г. Леонидова, Н.М. Румянцев, М.А. Сидоров [и др.]; Под науч. ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой, Е.В. Лукина; Вологодский науч. центр Российской академии наук. Вып. 3. Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. 127 с.
- Тощенко 2005 – *Тощенко Ж.Т.* Социология труда. Опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с.
- Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020. 352 с.
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 3–15.
- Чжан, Романенко 2009 – *Чжан Тянь, Романенко М.В.* Строительство среднезажиточного общества в Китае: сущность и социально-экономические проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 4. С. 312–318.

References

- Aganbegyan, A.G. (2019), "On urgent measures to resume socio-economic growth", *Problems of Forecasting*, no. 1, pp. 3–15.
- Babkin, K.A. (2008), *Razumnaya promyshlennaya politika, ili Kak nam vyiti iz krizisa*. [Reasonable industrial policy, or how to get out of the crisis], Moscow, available at: URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-980254-konstantin-babkin-biografiya-tvorchestvo-karera-lichnayazhizn#ixzz81KWjWHMG>
- Glaz'ev, S.Yu. (2019), *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozyaistvennom ukladakh* [Leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
- Ilyin, V.A., Uskova, T.V., Lukin E.V. (eds.) (2023), Lukin, E.V., Leonidova, E.G., Rumyantsev, N.M., Sidorov, M.A. [et al], *Tendentsii razvitiya ekonomiki regionov Severo-Zapada Rossii* [Economic development trends in the regions of North-West Russia.], iss. 3, VolNTs RAN, Vologda, Russia.
- Klyucharev, G.A. (2017), *Nepreryvnoe obrazovanie v sovremennom kontekste*, Monografiya [Continuing Education in the Modern Context, Monograph], 2nd edn., Yurait, Moscow, Russia.
- Kravchenko, A.I. (1987), *Sotsiologiya truda v KhKh veke: Istoriko-kriticheskii ocherk* [Sociology of labor in the twentieth century. Historical and critical essay], Nauka, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2005), *Sotsiologiya truda. Opyt novogo prochteniya* [Sociology of labor. New reading experience], Mysl', Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2020), *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [The trauma society. Between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2022), *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni: Koll. monografiya* [From precarious employment to the precarization of life. Coll. Monograph], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2023), "Social contract as a noumenon. The experience of sociological understanding", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–15.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.), Tsapko, M.S., Kolosova, E.A. (compl. and eds.) (2023), *Intelligentsiya v epokhu kardinal'nykh tsivilizatsionnykh izmenenii: sb. nauchnykh statei* [Intelligentsia in the era of cardinal civilizational changes. Sat. scientific articles], RGGU, Moscow, Russia.
- Zhang Tian and Romanenko, M.V. (2009), "Building a moderately prosperous society in China. The essence and socio-economic issues", *Social and humanitarian knowledge*, no. 4, pp. 312–318.

Информация об авторе

Жан Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhantosch@mail.ru

Information about the author

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhantosch@mail.ru

Общественный договор: pro et contra М. Бакунина

Марина Б. Буланова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina_bulanova@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена эволюции идей общественного договора в таких произведениях М.А. Бакунина, как «Исповедь» (1851), «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867), «Государственность и анархия» (1873). Опираясь на первоисточники, автор показывает интеллектуальную эволюцию мыслителя от критики идеи общественного договора до развития идеи федерализма. Слабым местом теории общественного договора Бакунин считал замену понятия «общества» понятием «государства», тогда как государство не только ставит себя над обществом, но и пытается его поглотить. Он выделял те черты государства, которые не дают возможности заключения с ним общественного договора: отрицание индивидуальной свободы; давление на свободу воли индивида коллективным могуществом; искажение естественного соотношения добра и зла; замена морали религиозной на мораль светскую (атеистическую). Идею общественного договора М.А. Бакунин противопоставляет идее федерализма. Взгляды мыслителя на содержание понятия «федерализм» тоже менялись: если до середины 1860-х гг. шла речь о форме государственного устройства («славянской» или «европейской» федерации), то к концу 1860-х гг. понятие «федерация» приобретает смысл альтернативной организации социальной жизни, освобожденной от власти любого рода. В конечном итоге он приходит к выводу о свободной организации, восходящей иерархии, представляющей совокупность союзов для создания общечеловеческого мира.

Ключевые слова: общественный договор, М. Бакунин, анархизм, федерализм

Для цитирования: Буланова М.Б. Общественный договор: pro et contra М. Бакунина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 184–192. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-184-192

Social contract. Pro et contra M. Bakunin

Marina B. Bulanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina_bulanova@inbox.ru*

Abstract. The article is about an evolution in the ideas of the social contract in such works by M.A. Bakunin, as “Confession” (1851), “Federalism, Socialism and Antitheologism” (1867), “Statehood and Anarchy” (1873). Based on primary sources, the author shows the intellectual evolution of the thinker from criticism of the idea of social contract to the idea of federalism. Bakunin considered the weak point of the theory of social contract to be the replacement of the concept of “society” with the concept of “state”, while the state not only puts itself above society, but also tries to absorb it. He highlighted those features of the state that do not allow concluding a social contract with it; the denial of the individual freedom; pressure on the free will of the individual by collective power; distortion of the natural relationship between good and evil; replacing religious morality with secular (atheistic) morality. The idea of a social contract by M.A. Bakunin contrasts the idea of federalism. The thinker’s views about the concept of “federalism” also changed: if until the mid-1860s. it was a form of state arrangement (“Slavic” or “European” federation), then by the end of the 1860s the concept of “federation” acquired the meaning of an alternative way of social organization, freed from power of any kind. Ultimately, he came to the conclusion of free organization, an ascending hierarchy representing a set of alliances for creating a universal world.

Keywords: social contract, M. Bakunin, anarchism, federalism

For citation: Bulanova, M.B. (2023), “Social contract. Pro et contra M. Bakunin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 184–192, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-184-192

Введение

Михаил Александрович Бакунин, анархист, родился в 1814 г. и прожил бурную 62-летнюю жизнь, оставив яркий след в истории социальной мысли. В последнее время в научном сообществе появился интерес к изучению его идей, связанных с государством, в том числе критикой договорной теории его происхождения [Тощенко 2023]. В данной статье сделана попытка ретроспективного анализа эволюции идеи общественного договора в основных трудах М.А. Бакунина: «Исповедь», «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Государственность и анархия».

Критика теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо

«Большой ошибкой со стороны Ж.-Ж. Руссо было предположение, что первобытное общество основано на *свободном договоре*, заключенном дикарями»¹. Сторонники такой теории берут за основу принцип *nolens volens*². По мнению Бакунина, это полная бессмыслица, так как это договор с человеком, неспособным ни чувствовать, ни мыслить и даже говорить. Эта либеральная точка зрения призывает своих сторонников к представлению об абсолютной свободе древнего человека, в которой он пребывает до заключения этого молчаливого договора. Бакунин не может понять, как первобытный человек может быть свободен, если он полностью зависит от окружающего мира и тех соплеменников, которые его окружают. Индивиду неизбежно придется разделить с другими свою свободу, а это означает впасть в зависимость от тех, кто эту свободу у него отобрал. Поэтому для Бакунина ясно, что данный договор нечестный и предполагает ту или иную форму порабощения.

«Последствия же *общественного договора* поистине пагубны, ибо они приводят к полному доминированию государства»³. Что же в этом случае происходит? Воображаемый сценарий выглядит так. Первобытный человек в своем естественном состоянии совершенно свободен, ориентируется на себя, действует так, как захочет. Но это продолжается только до тех пор, пока он не встретит другого человека с тем же самым способом жизнедеятельности. Потом довольно быстро и тому, и другому становится ясно, что две их свободы не могут сосуществовать вместе. Неизбежно кому-то более сильному, умелому и смелому придется отобрать или часть, или всю свободу у того, кто менее сильный, умелый и смелый. Причем не всегда этот отъем естественной свободы происходит добровольно. Чаще всего – это борьба не на жизнь, а на смерть. Вот здесь и приходит время тому самому договору, по которому первобытный человек получает явные или неявные гарантии того, что он сможет выжить во взаимодействии с другими людьми. Но плата за этот договор высокая, так как в любом случае это отказ от того естественного свободного существования, которое было в прошлой жизни. Причем постоянная угроза со стороны других людей вынуждает образовать организацию для защиты жизни и интересов одних

¹Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 86.

²*Nolens volens* – молчаливый договор.

³Бакунин М.А. Указ. соч. С. 86.

против других. Вот так, как рассуждает Михаил Александрович, в результате заключенного договора складывается не общество, а государство, которое узаконивает не только права индивидов, но и применение насилия в случае их нарушения.

Возможен ли общественный договор с государством?

Мыслитель различает термины «общество» и «государство», ставя в упрек представителям теории общественного договора тот факт, что они постоянно подменяют эти понятия. По Бакунину, «общество – это естественный способ существования совокупности людей независимо от всякого договора»⁴. В основе управления таким обществом лежат нравы и традиции, которые сохраняются и передаются индивидами по своей воле, в силу того, что общество постоянно развивается и пополняется новыми членами. Эти естественные законы «социального тела» не надо путать с теми, которые формируются по прихоти власти, под влиянием воли того или иного законодателя, оправдывающего свои действия тем самым договором, который и привел к формированию государства за счет разрушения общества.

Отсюда Бакунину совершенно ясно, что государство – искусственно созданное неприродное образование, которое стоит вне и над обществом, более того, стремится подчинить и подменить само общество. Мыслитель приводит те характеристики, которые подтверждают сделанные им выводы. Во-первых, представление общих интересов выше индивидуальной свободы. Соображение о том, что у человека забирается часть свободы, не является аргументом для Бакунина: «Свобода неделима: нельзя отечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это все»⁵.

Что же остается у человека? Это – безопасность, которую в той или иной степени гарантирует государство, но и условия гарантий устанавливает оно же. Во-вторых, это подавление индивидуальной воли коллективным интересом. Это подавление присуще в той же мере не только деспотическим, но и демократическим государствам. Государство монополизировало право на выражение общей воли от лица каждого гражданина. В-третьих, искажение естественного соотношения добра и зла: «Тогда все, что было признано составляющим общий интерес, было провозглашено добром, а все ему проти-

⁴ Бакунин М.А. Указ. соч. С. 87.

⁵ Там же. С. 89.

воположное – злом»⁶. Люди свои личные права и частные интересы уступают всеобщим государственным. В-четвертых, замена морали религиозной на светскую (атеистическую). По Бакунину, освобождение государства от морали христианской религии не привело ни к гуманистической идее, ни к новой гуманистической морали. Так, он пишет: «Что же остается, что составляет их мораль? Единственно, государственный интерес»⁷. Во имя этого государственного интереса могут совершаться безнравственные дела, твориться бесчеловечные поступки. Общий вывод: «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности»⁸.

Перечисленные черты не дают возможности М.А. Бакунину признать, что деятельность государства может быть основана на общественном договоре. Сторонники данной теории надеются, что государство в качестве цели и содержания своей деятельности ставит достижение добра и справедливости для всех людей, заключивших с ним договор. Однако как быть с теми, кто по каким-то причинам не заключил его. Получается, что договор существует и действует для ограниченной части людей, поступившихся своими индивидуальными правами и интересами, но другие, не ставшие гражданами данного государства, отторгаются этим же договором или вынуждены заключать договор с целью образования другого государства на тех же или других условиях. По Бакунину, существование одного государства само по себе угрожает существованию другого, поэтому фактически граждане одного государства испытывают враждебные чувства по отношению к гражданам другого государства. Человечество таким образом предстает совокупностью недружественных государств:

Для них нет общего права, нет общественного договора, ибо в противном случае они перестали бы быть абсолютно независимыми друг от друга государствами и стали бы союзными членами одного великого Государства⁹.

Мыслитель делает прозорливый вывод, что только в том случае, если когда-нибудь будет создано единое Государство, войны перестанут сопровождать историю человечества. Есть ли выход из данной ситуации? Бакунин противопоставляет идее общественного договора идею федерализма.

⁶Там же. С. 90.

⁷Там же. С. 91.

⁸Там же. С. 92.

⁹Там же.

Идея федерализма вместо идеи общественного договора

Идея федерализма стала популярной среди передовой русской интеллигенции в 40-х гг. XIX в. В то время она осознавалась как принцип свободной организации сообществ, корни которой можно найти еще в Древней Руси [Костомаров 1861]. Так, размышляя о возможной организации славянской федерации, в 1859 г. А. Герцен писал: «Вот потому-то я так высоко ценю федерализм. Федеральные части связаны общим делом, и никто никому *не принадлежит*: ни Женева Берну, ни Берн Женеве»¹⁰. Бакунин был втянут в научную дискуссию о федерализме через взаимодействие с польскими эмигрантами, решая вопрос о возможности союза между Польшей и Россией на новой основе и необходимости совместной революционной деятельности для достижения этой цели. В «Исповеди» он пишет об идее «основания единой и нераздельной Славянской республики, федеративной только в административном, центральной же в политическом отношении»¹¹. Руководит этой республикой специальный Совет, которому подчиняются все славянские народы, отказавшиеся от прежней государственности и вступившие в федерацию ради цели достижения свободы и счастья. Однако внутри себя отдельный народ может по-прежнему соблюдать свои обычаи, следовать своим традициям, но только в том случае, если соблюдает общие для федерации принципы. К ним относятся: свобода, равенство, братство; коллективное владение землей; свободное перемещение внутри федерации¹². В случае нарушения местным правительством отдельного народа этих принципов каждый славянин может лично обратиться за помощью в Совет Союза.

Несмотря на то что Бакунин сам начал активно продвигать свой проект (и даже обратился к Николаю I, считая, что он действует в интересах России), вскоре ему стало ясно, что на тот момент это неосуществимо. Михаил Александрович решил обратиться к практическому опыту Соединенных Штатов Америки, считая их примером реализованного опыта свободы и блистательного проявления принципа федерализма. Радеющие за госу-

¹⁰ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14: Статьи из «Колокола и другие произведения 1859–1860-х гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 22.

¹¹ Бакунин М.А. Исповедь // Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Кн. 1 / Сост. А.А. Матышев. Л.: Лениздат, 1990. С. 269.

¹² Там же. С. 367–368.

дарство не понимают ценности свободной общественной жизни: «Им непременно нужно государство-проведение, государство-руководитель общественной жизни, податель справедливости и регулятор общественного порядка»¹³. Важно добиться «замены старой организации, основанной сверху донизу на насилии и авторитарном принципе, новой организацией, не имеющей иного основания, кроме интересов, потребностей и естественных влечений населения, ни иного принципа, помимо свободной федерации индивидов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем и всего мира»¹⁴. Однако вскоре Бакунину становится ясно, что и этот “self-government”¹⁵, выражающий волю народа, может быть лишь красивой вывеской, за которой спрятаны интересы правящего меньшинства. Проблема состоит в природе власти как таковой, она способна развратить любого: «Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол или дайте ему власть диктаторскую, о которой так много мечтают наши зеленые революционеры, и он через год делается хуже самого Александра Николаевича»¹⁶.

Имея в виду сущность государства, Бакунин подчеркивает: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государства без рабства, открытого или замаскированного, немислимо – вот почему мы враги государства»¹⁷. Обеспечивая власть одного над другим, самолично решающим, кто достоин свободы, а кто ее лишен, государство усиливает неравенство. Не вдохновляет Бакунина и выдвинутая марксистами идея государства для народа. Возникает вопрос: зачем же отказываться от него в будущем? «Свобода, или анархия, т. е. вольная организация рабочих масс снизу-вверх, есть окончательная цель общественного развития, а всякое государство, не исключая и народного, есть ярмо, значит, с одной стороны порождает деспотизм, а с другой – рабство»¹⁸.

¹³ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм... С. 104.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ М.А. Бакунин разделял трактовку этого термина Пруденом как «анархии».

¹⁶ Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 165–166.

¹⁷ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 482.

¹⁸ Там же. С. 483.

Заключение

Итак, в основных своих произведениях М.А. Бакунин интерпретировал теорию общественного договора как договорную теорию образования государства, считал, что понятия «общество» и «государство» не совпадают. В основе реального процесса образования государства лежит завоевание, насилие, а не договор между людьми.

В процессе своего развития государство приобретает те черты, которые делают невозможным заключение с ним общественного договора. Среди них: отрицание индивидуальной свободы во имя коллективной; подавление индивидуальной воли коллективной; нарушение естественного соотношения добра и зла; отказ от религиозной морали в пользу светской. Государство представлялось мыслителю как господство, порождающее неравенство между людьми, и как рабство, отнимающее у них свободу.

Взамен идеи общественного договора М.А. Бакунин вначале выдвинул концепцию федерации славянской или европейской. Однако в дальнейшем уточнил свою позицию, понимая федерацию как освобожденную от власти форму общественной ассоциации. Государственность трактовалась им как отрицающее свободу неизбежное зло, требующее уничтожения и замены свободной социальной организацией, представляющей федерацию, охватывающую все человечество.

Сильной стороной концепции М.А. Бакунина является выявление противоречий в теории общественного договора, однако замена этой теории идеей федерации также вызывает сомнение, так как мыслитель описывает идеальный процесс освобождения человечества от власти во имя общечеловеческого мира.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (грант РФФ № 23-18-00093).

Aknowlegements

The article was prepared as part of the project “The Fate of the Social Contract in Russia. The Evolution of Ideas and Lessons of Implementation” (the grant of the Russian Science Foundation No 23-18-0009).

Литература

Костомаров 1861 – *Костомаров Н.И.* Мысли о федеративном начале Древней Руси // *Основа*. 1861. № 1. С. 121–158.

Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // *Социологические исследования*. 2023. № 6. С. 3–15.

References

Kostomarov, N.I. (1861), “Thoughts on the federal beginning of Ancient Rus’”, *Osnova*, no. 1, pp. 121–158.

Toshchenko, Zh.T. (2023), “Social contract as a noumenon. Experience of sociological comprehension”, *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 6, pp. 3–15.

Информация об авторе

Марина Б. Буланова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina_bulanova@inbox.ru

Information about the author

Marina B. Bulanova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina_bulanova@inbox.ru

Социология профессий

УДК 616:331.5(470-25)

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-193-203

Врачебные кадры московского региона: основные характеристики и требования работодателей

Наталья И. Белова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, n.i.belova@mail.ru*

Полина В. Манохина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, manokhina.polya@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе имеющихся статистических данных описываются основные характеристики врачебных кадров московского региона – г. Москвы и Московской области. Анализ рынка труда в сфере здравоохранения московского региона проводится через призму «форм собственности медицинского учреждения» (*государственная и частная*) и «вида медицинского учреждения» (амбулаторно-поликлинические и больничные). На основе данных контент-анализа объявлений, размещенных работодателями на ресурсе hh.ru, выявлены требования к врачам, предъявляемые работодателями, и условия, предлагаемые потенциальным работникам в государственных и частных медицинских учреждениях. Частные клиники акцентируют внимание на более комфортных условиях труда, дополнительных льготах и гарантиях, возможности карьерного роста, однако и требования, которые предъявляются ими врачам, намного выше, чем в государственных учреждениях. Это, в свою очередь, позволяет частному работодателю быть в более выигрышном положении на рынке труда, конкурентоспособным в борьбе за высококвалифицированных медицинских работников. Работодатели в сфере здравоохранения весьма быстро реагируют на происходящие изменения, стараясь быть адаптивными, стремясь снизить всевозможные риски как для врачей, так и для пациентов, и в соответствии с этим влияют на перемены на рынке труда: предъявляют новые требования к врачам и предлагают особые рабочие условия.

Ключевые слова: врач, врачебные кадры, государственное здравоохранение, частная медицина

© Белова Н.И., Манохина П.В., 2023

Для цитирования: Белова Н.И., Манохина П.В. Врачебные кадры московского региона: основные характеристики и требования работодателей // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2 С. 193–203. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-193-203

Medical personnel of the Moscow region: key characteristics and employers' requirements

Natalia I. Belova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
n.i.belova@mail.ru*

Polina V. Manokhina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
manokhina.polya@yandex.ru*

Abstract. Based on available statistical data, the key characteristics of the medical personnel of the Moscow area – both Moscow and the Moscow region – are described. The analysis of the labor market in the healthcare sector of the Moscow area is carried out through the prism of “forms of ownership of a medical institution” (public and private) and “type of medical institution” (outpatient and hospital). Based on the data of content analysis of job advertisements posted by employers on the hh.ru resource, the authors reveal requirements that are announced to doctors by employers and the conditions offered to potential employees in public and private medical institutions. Private clinics focus on more comfortable working conditions, additional benefits and guarantees, career opportunities, however, the requirements that they present to doctors are much higher than at public medical institutions. That, in turn, allows a private employer to be in a more advantageous position in the labor market, competitive in the fight for highly qualified medical workers. Employers in the healthcare sector react very quickly to the changes taking place, trying to be adaptive and to reduce all kinds of risks, both for doctors and for patients. According to that, employers influence changes in the labor market: they declare new requirements for doctors and offer special working conditions.

Keywords: doctor, medical personnel, public healthcare sector, private healthcare sector

For citation: Belova, N.I. and Manokhina, P.V. (2023), “Medical personnel of the Moscow region: key characteristics and employers' requirements”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 193–203, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-193-203

Кадровый вопрос в сфере российского здравоохранения в последнее десятилетие является одним из самых актуальных. С одной стороны, всероссийские опросы свидетельствуют, что профессия врача в массовом сознании россиян является одной из самых престижных, конкурс среди абитуриентов, желающих получить медицинскую профессию, всегда высок. Тысячи выпускников ежегодно получают диплом врача. С другой стороны, в стране наблюдается нехватка врачебных кадров [Полякова 2022, с. 69; Фадеева 2018, с. 109], о чем свидетельствуют как статистические данные, так и данные опросов населения и представителей медицинской профессии. На федеральном уровне уже принят ряд норм, предложены меры социального характера, направленные на привлечение и удержание врачебных кадров в государственной медицине. На уровне регионов также предпринимаются действия, направленные на решение кадрового вопроса. Московский регион по многим вопросам, связанным с нововведениями в сфере здравоохранения, является «первопроходцем», реализует пилотные проекты. В этой связи крайне важно выяснить, какова ситуация с обеспеченностью врачами в московском регионе, какие требования к врачебным кадрам предъявляют работодатели и какие условия работы им гарантируют.

Ситуация на рынке труда в сфере здравоохранения московского региона

Рынок труда в сфере здравоохранения достаточно сложно сегментировать, тем не менее его можно рассмотреть по таким основаниям, как «форма собственности медицинского учреждения» (*государственная* и *частная*) и «вид медицинского учреждения» (амбулаторно-поликлинические и больничные), в котором осуществляет свою трудовую деятельность врач.

Согласно имеющимся данным, в московском регионе, в том числе Москве, преобладают медицинские организации частной формы собственности над государственными (соответственно 4123 учр. и 1011 учр.)¹. Косвенным подтверждением роста количества частных медицинских организаций является увеличение спроса на медицинские услуги в коммерческих учреждениях. Так,

¹Рейтинг частных клиник Москвы по продажам в 2021 г. // Официальный сайт ООО «БизнесСтат». URL: https://businessstat.ru/images/demo/clinics_rating_by_sales_moscow_demo_businessstat.pdf (дата обращения 4 августа 2023).

по данным опросов ВЦИОМ, с 2006 по 2012 г. данный показатель практически не менялся, только 6% обращались за медицинской помощью в платные клиники², тогда как в 2019 г. уже 15% опрошенных заявили о том, что посещали платные больницы для получения медицинской помощи. В 2022 г. около трети респондентов (31%) ответили, что в течение года обращались в частные медучреждения, когда заболели³.

Что касается описания характеристик рынка труда по «виду медицинского учреждения», то в целом в московском регионе преобладают амбулаторно-поликлинические учреждения: в Москве⁴ – 4923 учр. (94,5%), Московской области⁵ – 2671 учр. (92,4%). Такая диспропорция в количестве стационарных и поликлинических учреждений вызвана преобразованиями, проводимыми в рамках реформы здравоохранения – «переносом акцентов с оказания стационарной помощи на амбулаторно-поликлиническую» [Белова 2019].

Что касается численного состава врачей московского региона, то в столице в 2022 г. в государственных учреждениях здравоохранения насчитывалось практически 49 тыс. чел., из них более половины (28 тыс. чел.) заняты в амбулаторном звене. Традиционен для этой сферы гендерный перекос в кадровом составе: женщин-врачей – 34 тыс., мужчин – 14 тыс. Средний возраст московского врача составляет 44 года [Инфографика 2022], что не отличается от среднего возраста медицинских работников в целом по стране⁶.

² Государственная поликлиника и самолечение – наш ответ болезням! // ВЦИОМ. 06.12.2012. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaya-poliklinika-i-samolechenie-nash-otvet-boleznyam> (дата обращения 4 февраля 2023).

³ Государственная медицина: в погоне за качеством // ВЦИОМ. 17.11.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения 4 февраля 2023).

⁴ Рейтинг частных клиник Москвы по продажам в 2021 г.

⁵ Анализ рынка медицинских услуг в Московской области в 2017–2021 гг., прогноз на 2022–2026 гг. // Официальный сайт ООО «БизнесСтат». URL: https://businessstat.ru/images/demo/medicine_moscow_region_demo_businessstat.pdf (дата обращения 4 августа 2023).

⁶ Нацмедпалата предложит Минздраву отменить аккредитацию для врачей с большим стажем // Портал Медвестник. 29.04.2022. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Nacmedpalata-predlojit-Minzdravu-otmenit-akkreditaciju-dlya-vrachei-s-bolshim-stajem.html> (дата обращения 3 февраля 2023).

Структура возрастного состава врачебных кадров столицы выглядит следующим образом: треть (35,7%) врачей составляют молодые специалисты до 35 лет, 43% – врачи в возрасте 36–55 лет, каждый пятый (21,3%) в возрасте 56 лет и старше [Коленникова, Токсонбаева 2022, с. 23]. В свою очередь в Московской области в 2021 г. работало 36 тыс. врачей⁷. Других данных, позволяющих охарактеризовать кадровый состав области, в открытом доступе не нашлось.

Напомним, что одним из оснований для сегментации рынка труда в сфере здравоохранения является «форма собственности медицинского учреждения». Соответственно, на отечественном рынке выделены государственная и частная сферы медицины. В этой связи врачи могут осуществлять свою деятельность в одной из вышеназванных сфер здравоохранения либо совмещать работу в частных и государственных медицинских организациях.

Представители различных частных медицинских организаций обращают внимание на растущую конкуренцию за врачей не только с другими частными медицинскими клиниками, но и с государственными учреждениями. Каждый пятый опрошенный (19%) говорит о наличии конкуренции за высококвалифицированного и хорошего специалиста. По их мнению, медицинские работники «становятся менее лояльными и более требовательными к работодателю»⁸.

В этой связи крайне важно выявить, какие требования к врачам предъявляют работодатели и какие условия предлагают потенциальным работникам в государственных и частных медицинских учреждениях.

Требования к врачебным кадрам государственных и частных учреждений: сравнительный анализ

Согласно данным hh.ru, с начала 2022 г. наблюдался дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда в сфере здравоохранения. Количество медицинских работников с активными резюме,

⁷Численность медицинских кадров за 2012–2021 гг. // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64511> (дата обращения 31 августа 2023).

⁸Исследование рынка коммерческой медицины 2018–2019 гг. // Компания EY.03.2020. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/03/ey_healthcare_research_2018-2019_24032020.pdf. С. 86.

то есть находящихся в поиске работы, было значительно меньше, чем предложений. Так, в целом по России «соотношение среднего числа активных резюме к среднему числу активных вакансий» (hh. индекс) в сфере медицины составило 1,5. При этом, по мнению экспертов, идеальным соотношением является hh.индекс – 5. Что касается московского региона, то в мае 2022 года данный показатель был выше, чем в целом по стране и был равен 3,4⁹.

В основу дальнейшего анализа положены результаты авторского исследования¹⁰ – контент-анализа объявлений, размещенных работодателями на ресурсе hh.ru. Перейдем к более подробному рассмотрению полученных результатов.

Сфера здравоохранения – одна из немногих, где оформление на работу осуществляется в соответствии с Трудовым Кодексом РФ ввиду специфики, связанной с деятельностью по охране здоровья и жизни человека. Результаты контент-анализа вакансий свидетельствуют о том, что большинство (77,8%) организаций, независимо от формы собственности, гарантируют оформление врача на работу по трудовому договору. В отдельных случаях возможны иные формы трудоустройства: договор услуг, подряда, ГПХ, самозанятые, ИП (5,9%). При этом в вакансиях *частных* клиник обращается внимание не только на официальное трудоустройство по ТК РФ, но и на возможности подработки и работы по совместительству. Отдельные *государственные* и *частные* медицинские организации московского региона не гарантируют претендентам стопроцентного трудоустройства, а предлагают трехмесячный испытательный срок (2,3%).

Важным и обязательным требованием к претендентам является наличие квалификационного сертификата или документа о прохождении аккредитации по специальности. В преобладающем большинстве объявлений вакансий и *частных*, и *государственных* медицинских учреждений (82,6 и 85,5% соответственно) фигурирует это требование.

В *частных* организациях московского региона требуются врачи, имеющие определенный опыт (3–6 лет и более), без опыта работы

⁹ Новый подход к подбору в медицине: как рекрутеры влияют на развитие бизнеса // HeadHunter. 22.06.2022. URL: <https://hh.ru/article/30463> (дата обращения 11 февраля 2023).

¹⁰ Исследование «Вакансии врачей на hh.ru», ноябрь 2022 г.; метод – контент-анализ вакансий, размещенных на сайте hh.ru; в выборку включены объявления вакансий государственных и частных учреждений здравоохранения московского региона (N = 221). Сбор данных: П.В. Манохина // Архив социологического факультета РГГУ.

практически невозможно устроиться на работу в частные клиники. В свою очередь, *государственные* медицинские организации готовы принимать на работу менее опытных медицинских работников (1–3 года) или совсем без него.

Несмотря на то что *частные* организации практически не берут врачей без опыта работы, ими активно используются технологии, позволяющие молодому врачу в кратчайшие сроки адаптироваться к новым условиям труда: наличие «адаптации и введения в должность, помощь на всех этапах работы» (5,1%), «обучение всему необходимому» (по 1,5%) и наличие «системы наставничества» или предоставление наставника на период испытательного срока (1,5 и 0,7% соответственно) и др. В то время как в вакансиях *государственных* медучреждений отсутствует какая-либо информация о наличии специальных механизмов адаптации и помощи на новом рабочем месте.

В объявлениях *частных* и *государственных* учреждений четко видны различия, связанные с возможностями непрерывного обучения врачей, повышения их профессионализма. Так, частными клиниками предлагаются следующие формы: корпоративное обучение (16,7%), сертификационные курсы, дополнительное обучение по специальности, развивающие тренинги внутри компании (по 10,9%), оплата обучения за счет работодателя (7,3%), в том числе в ведущих медицинских вузах (0,7%) и др. По всей видимости, это обусловлено тем, что *частные* клиники в условиях жесткой конкуренции заинтересованы видеть у себя врачей-профессионалов, поддерживать их стремление к развитию.

В объявлениях практически половины организаций всех секторов обязательным требованием является «умение вести медицинскую документацию» и уметь пользоваться ПК (по 42,9%), либо уточняется, что необходимы навыки более уверенного пользователя ПК (7,7%), что, на наш взгляд, связано с цифровизацией сферы здравоохранения и изменением условий труда врачей.

Какими личностными и профессиональными качествами и навыками должен обладать врач? Прежде всего работодатели *частных* и *государственных* учреждений хотят видеть врачей, «умеющих работать в команде» (42,1%) и владеющих «грамотной речью» (41,6%).

В *государственных* больницах от врачей требуются «организаторские навыки» (23,5%) и «умение работать с большим объемом информации» (17,7%). В свою очередь, в поликлинических организациях отличительными требованиями являются «точность и внимательность к деталям» и «коммуникабельность» (по 9,1% соответственно), «быстрая обучаемость» (4,6%). Кроме того, от потенциальных работников требуется «стрессоустойчивость» (6,1%)

и «доброжелательность» (4,6%) – качества, позволяющие врачу нивелировать конфликтные ситуации, возникающие в процессе оказания помощи.

В то же время отличительными качествами/навыками, требуемыми от врачей, которые указаны в вакансиях *частных* организаций, являются «ответственность» (17,4%) и «точность и внимательность к деталям» (15,9%), а также ряд качеств, связанных со взаимодействием врачей и пациентов: «коммуникабельность» (15,2%), «навыки межличностного общения» (14,5%), «клиенто-ориентированность» (10,9%), «доброжелательность» (7,9%), «бесконфликтность» (5,1%), «вежливость» (4,4%), «умение находить подход к людям» (2,2%). Таким образом, в *частных* организациях при подборе медицинских специалистов уделяется большое внимание качествам и навыкам, в большей мере влияющим на коммуникацию между врачом и пациентом. Кроме того, в проанализированных нами вакансиях частных клиник выявлен еще ряд требований. Так, обращается внимание на «соблюдение принципов медицинской этики и деонтологии» (4,4%) и «знание медицинских стандартов, нормативной базы» (3,6%), что также может способствовать снижению числа конфликтных ситуаций.

Как работодатель характеризует коллектив, в котором придется работать врачу? В вакансиях отдельных *частных* медицинских организаций акцентируется внимание на таких характеристиках коллектива, как «дружный» (15,9%), «команда опытных специалистов» (4,4%), «молодой» (2,9%), «высокопрофессиональный и сплоченный» (2,9%), «коллектив единомышленников» (2,2%), тем самым подчеркивая существование психологически комфортной обстановки в действующем коллективе. Обращается внимание на «стабильность, уважение и поддержку от руководства» (2,2%), либо подчеркивается «адекватность руководства» (0,7%).

В вакансиях *государственных* медицинских учреждений описанию характеристик руководства и коллектива уделяется меньше внимания. Тем не менее в объявлениях встречаются такие сообщения о коллективе: «работа в дружном коллективе» (6,0%), «профессиональный коллектив» (1,2%), «надежный» (1,2%). При этом ни в одной из исследуемых нами вакансий государственных организаций не было найдено описания характеристик/черт руководства учреждения.

Говоря об условиях труда, в вакансиях *частных* медицинских клиник в основном обращается внимание на наличие комфортных условий труда (33,3%), возможность работать на современном оборудовании (27,5%), наличие расширенной системы страхования сотрудников (5,1%), включающей в себя страхование не только

здоровья медицинского работника, но и профессиональной ответственности врачей. Кроме того, предлагается ряд дополнительных гарантий в виде предоставления спецодежды и/или ее химчистки (по 5,1%), наличия комнаты отдыха либо места для приема пищи (2,9 и 1,5% соответственно), питания либо компенсации на питание (по 2,2%).

В то же время в вакансиях *государственных* медицинских организаций условия труда прописаны кратко. Упоминаются лишь гарантии, связанные с обеспечением медицинской формой и организацией питания на рабочем месте (по 2,4%).

В вакансиях *государственных* медицинских организаций московского региона отсутствует информация о самой организации, предложения по трудоустройству и требования к врачу прописаны кратко, зачастую упомянуты только самые основные позиции, что напрямую отражается на привлекательности вакансий. В свою очередь, в объявлениях *частных* медицинских клиник не только подробно прописана информация, но и присутствуют картинки и фотографии, имеется описание медицинской организации, что, безусловно, привлекает внимание, делает вакансию более конкурентной, способствует формированию позитивного имиджа компании.

Во всех проанализированных объявлениях присутствовала информация о предоставлении различных социальных гарантий и льгот, что свидетельствует о том, что без таких мер невозможно привлечь и удержать врачей.

Анализ вакансий работодателей позволяет прийти к выводу, что частные клиники акцентируют внимание на более комфортных условиях труда, дополнительных льготах и гарантиях, возможности карьерного роста, однако и требования, которые предъявляются ими врачам намного выше, чем в государственных учреждениях. При этом с увеличением числа мер поддержки, оказываемых врачам, усиливаются и требования, предъявляемые работодателями к медицинским специалистам. Повышаются требования, связанные с компьютерной грамотностью врачей, в связи с цифровизацией сферы здравоохранения. Растет востребованность коммуникативных навыков, стрессоустойчивости, качеств, которые могут позволить предотвращать конфликтные ситуации между врачом и пациентом, организаторских способностей и умения работать с большим объемом медицинской документации. Работодатели в сфере здравоохранения весьма быстро реагируют на происходящие изменения, стараясь быть адаптивными, стремясь снизить всевозможные риски как для врачей, так и для пациентов, и в соответствии с этим влияют на перемены на рынке труда: предъявляют новые требования к врачам и предлагают особые рабочие условия.

Литература

- Белова 2019 – Белова Н.И. Реформа российского здравоохранения в оценках профессионального сообщества и населения // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Сб. статей XX Междунар. теоретико-методол. конф. РГГУ, 9 апр. 2019 г. М.: РГГУ, 2019. С. 303–308.
- Инфографика. Кадры московской медицины. 2022 – Инфографика. Кадры московской медицины // Московская медицина. 2022. № 2 (48). С. 21.
- Коленикова, Токсонбаева 2022 – Коленикова О.А., Токсонбаева М.С. Кадровый потенциал московского здравоохранения. Тенденции 2017–2021 гг. // Московская медицина. 2022. № 2 (48). С. 22–29.
- Полякова 2022 – Полякова И.А. Трансформация российского здравоохранения в оценках населения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 66–74.
- Фадеева 2018 – Фадеева Е.В. Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 107–117.

References

- Belova, N.I. (2019), “Reform of Russian healthcare in assessments of professional community and the population”, *Sud'by rossiiskoi intelligentsii: proshloe, nastoyashchee, budushchee*, sb. statei XX Mezhdunar. teoretiko-metodolog. konferentsii [Fates of the Russian intelligentsia. Past, present, future. Collection of articles of the XX International theoretical and methodological conference, RSUH, April 9, 2019], RGGU, Moscow, Russia.
- Fadeeva, E.V. (2018), “Optimisation of healthcare and pension reform as factors for crowding medical intellectuals out of the public sector of healthcare”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4 (14), pp. 107–117.
- Infographics. Personnel of Moscow medicine (2022), *Moscow medicine*, no. 2 (48), p. 21.
- Kolennikova, O.A., Toksonbaeva, M.S. (2022), “The personnel potential of Moscow healthcare. Trends of 2017–2021”, *Moscow medicine*, no. 2 (48), pp. 22–28.
- Polyakova, I.A. (2022), “Transformation of Russian healthcare into in estimates of the population”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 66–74.

Информация об авторах

Наталья И. Белова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; n.i.belova@mail.ru

Полина В. Манохина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; manokhina.polya@yandex.ru

Information about the authors

Natalia I. Belova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; n.i.belova@mail.ru

Polina V. Manokhina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; manokhina.polya@yandex.ru

УДК 364-4

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-204-213

О жизненном мире работников социальной сферы

Галина А. Цветкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Qaltsvet@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена специфика и тенденции жизнедеятельности работников разных отраслей социальной сферы как некое единое целое, что отличает представленное исследование от других изысканий, отражающих особенности состояния дел в какой-либо одной отрасли социальной сферы. Выявлены этапы трансформации социальной сферы с учетом различных факторов (политических, экономических, правовых процессов, санкций недружественных стран и пр.). Показаны и обоснованы новые формы соучастия граждан в формировании и получении социальных услуг (беззаявительная система и др.). Основой публикации являются социологические исследования различного уровня, а также актуальные статьи средств массовой информации, позволившие раскрыть реальное состояние и особенности функционирования социальной сферы, представить специфику социально-профессиональной структуры.

Ключевые слова: жизненный мир, социальная сфера, работники, социальные слуги, жизнедеятельность, потребительское поведение, формы соучастия

Для цитирования: Цветкова Г.А. О жизненном мире работников социальной сферы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 204–213. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-204-213

About the life world of social workers

Galina A. Tsvetkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Qaltsvet@yandex.ru*

Annotation. The article presents the specifics and trends in the life activities of workers in different sectors of the social sphere as a sort of unified whole, which distinguishes the presented research from other studies that reflect the

© Цветкова Г.А., 2023

specifics of the state of affairs in any single sector of the social sphere. The stages of transformation of the social sphere are identified, taking into account various factors (political, economic, legal processes, sanctions of unfriendly countries, etc.). The author shows and justifies new forms of participation of citizens in the formation and receipt of social services (non-declaration system, etc.). The publication is based on sociological research at various levels, as well as current articles in the media, which made it possible to reveal the real state and features of the functioning of the social sphere, and to present the specifics of the socio-professional structure.

Keywords: life world, social sphere, workers, social servants, life activity, consumer behavior, forms of participation

For citation: Tsvetkova, G.A. (2023), "About the life world of social workers", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 204–213, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-204-213

Постановка проблемы

Работники социальной сферы – одна из многочисленных социально-профессиональных общностей в России (более 5 млн отдельных категорий работников социальной сферы и науки работает только в учреждениях государственной и муниципальной собственности¹), без большинства из которых сложно представить решение социальных задач, возникающих у россиян. Постоянное обращение к ним жителей давно стало закономерным социальным явлением. Ибо, охватывая все отрасли данной системы, деятельность представителей непромышленного сектора экономики всегда распространялась и распространяется на все этапы жизненного пути людей (от рождения и до ритуальных услуг), охватывая все слои общества. В настоящее время, с учетом сложившейся внешнеполитической обстановки, особое внимание обращается на защитников Отечества, участвующих в специальной военной операции (СВО). Для их социальной защиты (военнослужащих и членов их семей) законодателями федерального уровня создана целостная система мер (77 законов). Для поддержки граждан, предприятий и регионов с целью противодействия санкциям недружественных стран принято 192 за-

¹ Данные стат. наблюдения работников социальной сферы и науки за январь–март 2023 г. Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm (дата обращения 23 августа 2023).

кона, разработано более 300 мер². В этих условиях, безусловно, социальная значимость специалистов современной сферы услуг абсолютна.

Об актуальности жизненного мира работников социальной сферы свидетельствует и провозглашение ее одной из базовых национальных целей развития страны³, что предполагает совершенствование и развитие форм и методов социальных услуг на основе принципиально новой модели потребительского поведения. Многочисленные запросы россиян объявлено удовлетворять с учетом их базовых ценностей и интересов, формируя условия, обеспечивающие достойную жизнь современному обществу, что обусловлено тесной взаимосвязью социальной сферы и социальной политики государства.

В настоящее время социальная сфера услуг – это наиболее динамично развивающийся социальный сектор экономики по сравнению с другими историческими этапами России. Более того, она чрезвычайно чувствительна к изменениям социально-экономической и политической ситуации, а также гораздо мобильнее других сфер. Объем рынка платных услуг населению за первое полугодие 2023 г. к I полугодью 2022 г. вырос на 103,8%⁴. Следовательно, появились предпосылки к расширению социальных услуг, изменению профессионального пространства его работников. Сомнение в этом вызывает оплата их труда, существенно дифференцированная по территориальному уровню муниципальных образований (регионов), видам услуг и их клиентскому спросу.

Неоднородный характер направлений индустрии услуг проявляется и в непростых условиях (11 экономических санкций недружественных стран, СВО), что отражается на благосостоянии работников, вызывая социально-психологическую напряженность, нарушение ими норм профессионального этикета и пр. Требуется пересмотра роль государства как основного регулятора и базового работодателя специалистов, работающих в области обслуживания. Наводит на размышление продолжительное недофинансирование социальной сферы, ставшее уже хроническим.

² Материалы встречи Президента России В. Путина и Председателя ГД В. Володина. 31.07.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57690/> (дата обращения 10 августа 2023).

³ Указ о национальных целях развития России до 2030 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63728> (дата обращения 12 августа 2023).

⁴ Данные Росстата «Социально-экономическое положение России (январь–июнь 2023 г.)». М., 2023. С. 262.

Следовательно, общественная острота поднятой нами проблемы присутствует, что предопределяет потребность ее социологического осмысления.

Для подготовки статьи применены документы правительства, министерств и ведомств России, эмпирические данные центров социологических исследований (АНО «Левада-Центр», Центр конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и др.), публикации официальных СМИ («Парламентская газета», «Российская газета» и др.). Учитывая отмеченное, обратимся к реальному состоянию заявленного сектора экономики. Ибо от этого зависят условия работы и качество жизни, а значит, жизненный мир работников сферы услуг.

Организационно-структурные особенности сферы услуг

Результаты анализа последних десятилетий указывают на социально-экономические качели, проявляющиеся в структурной трансформации секторов экономики из-за множества обстоятельств. Так, *целевой отказ государственных органов власти от проведения активной промышленной политики* в начале 90-х гг. XX в. сократил вдвое промышленное производство. Значительно пострадало не только производство машин и оборудования – на 68%, но и обрабатывающие сектора: текстильное и швейное производство (к 1998 г. снизилось приблизительно на 77%). Однако с 1991 по 2020 г. доля валовой добавленной стоимости (ВДС) в секторе услуг выросла с 37 до 56%. В настоящее время российские социально-экономические показатели социальной сферы соответствуют среднему уровню развивающихся стран. В развитых странах вклад сектора услуг в ВВП значительно выше. В США доля сектора услуг в ВВП составляла 78% (2020 г.).

В то же время структура сферы услуг в России развивается нестабильно и дифференцированно. Если в 2008 г. оптовая и розничная торговля занимали наибольшую долю в добавленной стоимости экономики (20,3%), то уже с 2011 г. в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) розничная и оптовая торговля сократились. А в июле 2023 г. активность бизнеса в сфере услуг выросла высокими темпами за более чем год (данные компании S&P Global). Сфера услуг после пандемии COVID-19 восстановилась: индекс потребительской уверенности, отражающий совокупные

потребительские ожидания населения, во II квартале по сравнению с I кварталом 2023 г. возрос на 3%⁵.

В этом контексте нельзя не отметить и очередные изменения в государственной политике, повлекшие преобразования в сфере услуг. Ибо в 2012 г. начались обсуждения *о необходимости импортозамещения*, что вызвало *очередное колебание социально-экономических качелей от сферы услуг* в сторону промышленного производства. В начале 2022 г. представители власти уже открыто заявили, что «изменение структуры экономики в результате структурной трансформации – “обратная индустриализация” экономики и *снижение доли сектора услуг*»⁶.

Таким образом по результатам социально-экономического анализа организационно-структурных процессов в сфере услуг устойчивых сдвигов не выявлено. Хотя социальная сфера услуг вышла из кризисных условий пандемии. Положительные изменения наблюдались, но, как указывают эксперты банка России, лишь в области финансовой и страховой деятельности. Некоторые подвижки выявлены и данными Сбериндекса, отражающими потребительские затраты населения на кафе и рестораны на уровне 23–26% (2022 г.). Что несколько ниже уровня расходов в допандемийном 2019 г., но чуть выше, чем в 2021 г.

На наш взгляд, *государственная политика, направленная на структурную трансформацию экономики* – перераспределение социально-экономической активности продолжается, но уже преимущественно осуществляется в сторону промышленного сектора экономики (в рамках импортозамещения), а не сферы социальных услуг.

В то же время результаты социологических исследований (АНО «Левада-Центр») неоднократно указывали на нарушения прав в сфере услуг: на медицинскую помощь, социальную защиту, справедливую оплату труда и пр.⁷ Исходя из этого можно сде-

⁵Итоги выборочного обследования Росстата (с 01.05. по 10.05.2023 г.) о потребительских ожиданиях населения за II квартал 2023 г. Опрошено 5,1 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше, проживающих в частных домохозяйствах, во всех субъектах России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/96_21-06-2023.html (дата обращения 12 июля 2023).

⁶Материалы доклада «О чем говорят тренды» // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования Банка России. 2023. № 5 (64). Июль.

⁷Данные исследования «Верховенство права» АНО «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2020/05/20/verhovenstvo-prava/> (дата обращения 15 июля 2023).

лать вывод, что россияне ожидают от государства прежде всего обеспечения социальных услуг. Несомненно и то, что в обществе присутствует запрос на формирование и совершенствование сферы социальных услуг с учетом требований современного времени, удовлетворяющей жизненные потребности россиян.

Ретроспективный анализ сферы услуг

Термин «социальная сфера» введен в научный оборот в 60-е гг. XX в. в связи с разработкой социально-экономических планов различных городов, включающих деятельность учреждений, оказывающих социальные услуги. Определенная преемственность изучения социальной сферы учеными современного периода (В.Г. Андреенков, А.Г. Гладышев, Т.И. Заславская, В.Н. Иванов, Г.И. Осадчая, П.Д. Павленок, В.И. Патрушев, Б.Н. Миронов, Ж.Т. Тощенко, С.А. Шавель, В.Н. Ярская и др.) сохранилась. В то же время тематика изысканий стала более многоаспектной. Под сущностью социальной сферы исследователи понимают разный контекст: *объект социальной политики* – совокупность социальных отношений и условий (труда, быта, досуга и др.); *совокупность отраслей экономики*, направленных на удовлетворение социальных потребностей людей и пр. Учитывая многогранность социальной сферы, универсальный способ классификации ее элементов отсутствует. Деление на группы происходит в рамках целей и задач, поставленных исследователями.

О социальной значимости представителей сферы услуг было заявлено еще в середине 50-х гг. XX в. при выявлении тенденций развития социологии занятости. В этот период 58% диссертаций исследовали занятия и мобильность «профессиональных работников»: юристов, учителей, врачей [Smigel 1954] и др. При этом учеными была обоснована важная особенность: социальные институты (к которым относится и сфера услуг) постоянно воспроизводятся во времени и пространстве с помощью повторяющихся действий индивидов. Следовательно, спектр услуг обусловлен особенностями общественного сознания и поведения, что подтверждается результатами историко-социального среза общественного мнения, отмечавшего укоренившийся в сознании не только потребителей, но и сервисных производителей стереотип об «остаточном» принципе исследуемой сферы. На первый план выходили различия между социальными группами и их ролью в общественной организации труда. Среди различий ведущим выступал характер труда,

указывающий на соотношение физических и умственных усилий работников.

По сути, это концентрированное выражение квалификации работников, поэтому обращение к специфике базового понятия считаем целесообразным. В социологической литературе 70-х гг. XX в. работников сферы услуг именовали по-разному: «служащие-неспециалисты», «работники исполнительского труда обслуживания» и пр. К ним относили и тех, кто был занят менее квалифицированным трудом, не требующим для своего выполнения образования даже в объеме техникума и тем более на уровне вуза. Ибо они, утверждал М.Н. Руткевич, как правило, выполняли сравнительно простые, стереотипные операции, требующие приблизительно такого же уровня образования, как у неквалифицированного рабочего [Руткевич 1970]. В то же время востребованность соответствующих профессий (продавцов, кассиров и др.) была большой.

Важные результаты были получены учеными и при поисках ответа на вопрос о соотношении деятельности работников услуг и работников физического труда. Во время проведения социологических исследований (80-е гг. XX в.) было обнаружено, что работники сферы услуг, как и работники физического труда, в процессе выполнения работы часто ощущали некоторое дистанцирование от собственных эмоций. Улыбка, являясь элементом их профессиональных обязанностей, формировала эмоциональный стиль сферы услуг. Это актуально и сегодня, ибо прописано в положениях Делового этикета работников индустрии услуг, то есть официально утверждено.

Но, к сожалению, благосклонный прием пациентов на предприятиях обслуживания был и остается проблемным. Так, по критерию «доброжелательность, вежливость работников» количество зафиксированных в планах работы организаций социальной сферы проблем и мероприятий по устранению выявленных недостатков организациями социальной сферы в общей структуре недостатков – не более 8% (по результатам независимой оценки качества)⁸, т. е. является минимальным.

Действенным инструментом влияния покупателей на устранение проблем в социальной сфере XX в. была книга жалоб и предло-

⁸ Данные всероссийского опроса, проведенного ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России (2020 г.) по выявлению эффективных практик оказания услуг организациями социальной сферы и профилактических мер по устранению недостатков. Участвовали представители органов власти 53 субъектов России. URL: <https://vcot.info/research/> (дата обращения 1 сентября 2023).

жений потребителей. Но с 2021 г. для организаций розничной торговли (интернет-магазинов и офлайн-магазинов) она отменена. Выявлены проблемы базовых понятий. Термин «социально значимый объект» не имеет общепрофессионального определения, хотя используется в ряде законов (Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ и пр.). Нет и единого официального понятия «многолетняя семья»⁹. Следовательно, развитию сферы услуг не в полной мере способствуют и теоретические изыскания, что требует социологического осмысления.

Социально-профессиональный потенциал работников сферы услуг

Численный состав кадров сферы услуг насчитывает более 25 млн человек (2022 г.)¹⁰. К 2030 г. запланировано создание еще около миллиона новых рабочих мест¹¹. Подготовка к этому осуществляется: расширен перечень профессий (мастер вертикального транспорта и пр.). Многие из них уже востребованы, ибо в профессиональные обязанности включены новые дистанционные формы обслуживания. С 2020 г. система социального казначейства работает в беззаявительном формате (назначение маткапитала происходит без бумаг). И таких услуг насчитывается восемь (например, назначение пенсий по инвалидности и пр.). С 2024 г. спектр подобных услуг расширится (для назначения пенсии по потере кормильца документы не потребуются). В настоящее время в беззаявительном формате обслуживаются более 17 млн россиян.

Согласно результатам обследования Росстата и Центра конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, количество занятых в большинстве организаций сферы услуг остается стабильным на протяжении последних четырех кварталов. Во II квартале текущего года об отсутствии изменений численности работников организаций заявили 83% респондентов, о расширении штатов сообщили 6 и 11% – об их сокращении. Социально-профессиональные особенности сферы услуг проявляются в возрастных группах:

⁹ Соколова М. Глава Правительства заявил, что понятие многолетней семьи нужно закрепить законодательно // Парламентская газета. 2023. 23 марта.

¹⁰ Доклад М. Мишустина (2022 г.). URL: <http://government.ru/news/45073/> (дата обращения 10 июля 2023).

¹¹ Выступление министра труда и социальной защиты А. Котякова // Российская газета. 2022. 13 янв.

здесь работают специалисты от 18 до 64 лет, из них свыше половины – в возрасте 25–44 лет. Мужчин в 1,5 раза больше, чем женщин. Это, на наш взгляд, обусловлено видами предоставляемых услуг (строительство, транспорт и пр.). Для 86% специалистов работа в сфере услуг – это основная занятость, а для 14% – подработка. Характерно, что 3 млн работают в одиночку, порядка 6,4 млн человек – на предприятиях (штат до 15 человек)¹², что указывает на приоритетность коллективных форм занятости в сфере услуг. Положительно можно оценить и то, что данная сфера для основной части работников – это постоянное место работы.

Рост вакансий на предприятиях сферы услуг уже наблюдается, так как в июле 2023 г. наем персонала компании увеличили впервые с ноября 2021 г. Востребованность строительных работников выросла на 23% в первой половине 2023 г. по сравнению с тем же периодом 2022 г. Активно ищут сотрудников из административной и ИТ-сфер (прирост в 3,6 и 3,4 раза соответственно). Более чем в три раза возросло число вакансий и в областях маркетинга, рекламы, PR и логистики¹³. Исходя из отмеченного, можно сделать следующий вывод: сектор социальных услуг расширяется, социально-профессиональный потенциал работников сферы услуг востребован, что является свидетельством некоторой их адаптации к условиям современного периода времени.

Заключение

Современное состояние социальной сферы отмечено новыми рисками и ситуациями неопределенности, но предпосылки к ее стабильному развитию есть. Хотя ряд проблем и упущений имеет долговременный характер, что во многом является следствием отсутствия целостной социальной политики. Настоятельная потребность исправления этого обусловлена социальной ролью и статусом самой сферы, ее многофункциональностью, многосубъектностью и многоуровневостью решения важных социальных проблем. Отсюда многогранность жизненного мира работников социальной сферы услуг.

¹² Мониторинг Росстата 2023 г. Опрос около 20 тыс. руководителей предприятий сферы услуг и 5 тыс. респондентов, представляющих взрослое население России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm (дата обращения 23 августа 2023).

¹³ В России на 23% вырос спрос на специалистов в сфере строительства. URL: <https://ko.ru/news/v-rossii-na-23-vyros-spros-na-spetsialistov-v-sfere-stroitelstva/> (дата обращения 13 августа 2023).

Кадровый состав данной сферы, несмотря на специфику работы, относительно стабилен и самоорганизован в области внедрения новых форм и методов обслуживания. Однако одной из злободневных проблем остается профилактика, связанная с соблюдением принципов служебной этики. Явным способом борьбы с этим должна стать культура поведения руководителей предприятий, способствующая всестороннему развитию жизненного мира их работников в целом.

Литература

- Руткевич 1970 – *Руткевич М.Н.* В.И. Ленин и проблемы развития интеллигенции // Доклады к VII Международному социологическому конгрессу. Варна, сентябрь 1970 г. Свердловск, 1970. С. 9–10.
- Smigel 1954 – *Smigel E.O.* Trends in Occupational Sociology in the United States: A Survey of Postwar Research // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. № 4. P. 399.

References

- Rutkevich, M.N. (1970), “Lenin and the issues of the intelligentsia development”, *Doklady k VII Mezhdunarodnomu sotsiologicheskomu kongressu. Varna, sentyabr' 1970* [Reports to the VII International Sociological Congress, Varna, September 1970], Sverdlovsk, USSR, pp. 9–10.
- Smigel, E.O.* (1954), “Trends in Occupational Sociology in the United States: A Survey of Postwar Research”, *American Sociological Review*, vol. 19, no. 4, p. 399.

Информация об авторе

Галина А. Цветкова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Qaltsvet@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Tsvetkova, Dr. of Sci (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Qaltsvet@yandex.ru

УДК 355.11:304

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-214-223

Особенные характеристики социального самочувствия военнослужащих

Галина В. Баранова

Академия ФСО России, Орел, Россия orel.bgv@gmail.com

Владислав И. Музалевский

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Орловский филиал, Россия, vladmuza@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается одна из значимых социальных категорий, влияющих на стабильность армии, заключающаяся в социальном самочувствии военнослужащих. На основе анализа научных трудов, посвященных изучению социального самочувствия индивидов, социальных групп, общностей, особенностей жизни военнослужащих как отдельной категории граждан, имеющих профессиональную направленность, сочетающуюся с образом жизни, а также авторских исследований, сформирована совокупность особенных показателей. Такой подход позволяет осуществлять мониторинг социального самочувствия в разных воинских подразделениях с целью принятия своевременных управленческих решений для обеспечения достойных условий жизнедеятельности военнослужащих, адекватных современной ситуации в стране и мире, способствующих мотивации всех субъектов Российской армии к качественному выполнению служебных задач для обеспечения устойчивости государства.

Ключевые слова: военнослужащие, социальное благополучие, качество жизни, характеристика, показатель, стабильность, устойчивость

Для цитирования: Баранова Г.В., Музалевский В.И. Особенности характеристики социального самочувствия военнослужащих // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 214–223. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-214-223

© Баранова Г.В., Музалевский В.И., 2023

Special characteristics of the social well-being of military personnel

Galina V. Baranova

FSO Academy of Russia, Orel, Russia, orel.bgv@gmail.com

Vladislav I. Muzalevsky

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Orel, Russia,
vladmuza@mail.ru*

Abstract. The article considers one of the significant social categories affecting the stability of the army, which consists in the social well-being of military personnel. Based on the analysis of scientific works that deal with the study of the social well-being of individuals, social groups, communities, as well as the specifics of the military personnel life as a separate category of citizens with a professional orientation combined with a lifestyle, a set of special indicators was formed. Such an approach makes it possible to monitor social well-being in various military units in order to make timely management decisions to ensure decent living conditions for military personnel, adequate to modern conditions in the country and the world, contributing to the motivation of all subjects of the Russian army to the quality performance of official tasks to ensure the stability of the state.

Keywords: military personnel, social well-being, quality of life, characteristic, indicator, stability

For citation: Baranova, G.V. and Muzalevsky, V.I. (2023), "Special characteristics of the social well-being of military personnel", *RSUH|RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 214–223, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-214-223

Введение

Стабильность государства в современном мире при обострении геополитических противоречий и конфликтов является одной из важных задач в системе государственного управления. Сегодняшняя обстановка в мире и в России показывает, что залог обеспечения стабильного развития государства базируется на множестве показателей, характеризующих состояние социально-экономической, социально-политической, социально-культурной жизни общества. Вместе с тем современный период глубокого реформирования мира, обстоятельства, сопряженные с СВО, показали, что одним из

детерминирующих факторов стабильности страны является состояние Российской армии, обеспечение стабильности состояния военной сферы, которое поддерживается достаточно широким спектром характеристик. Одной из социальных категорий, влияющих на качество выполнения воинскими подразделениями служебных задач, что в свою очередь определяет устойчивость армии к защите государства, является социальное самочувствие военнослужащих, способствующее их мотивации к достижению целей, успехов в любых обстоятельствах.

Характеристики социального самочувствия военнослужащих

С позиции отечественной социологической науки понятие «социальное самочувствие» вошло в обиход в конце прошлого века, в период широкого распространения в социологии эмпирических исследований. Анализ различных подходов к интерпретации этого понятия российскими исследователями показал, что, несмотря на имеющиеся разночтения, в целом понятийный аппарат достаточно сформирован, и на его основании выделены и охарактеризованы главные факторы социального самочувствия индивидов, социальных групп, общностей [Кученкова 2016], которые в качестве общих категорий используются авторами статьи при анализе социального самочувствия военнослужащих.

Вместе с тем скажем, что военнослужащие принадлежат к особой социальной группе граждан, на которую возложены обязанности по подготовке к вооруженной защите страны и непосредственное ее осуществление¹. Это люди, добровольно выбравшие свой профессиональный и жизненный путь, сопряженный с особой ответственностью и сложностью профессиональной деятельности, в том числе и с риском для здоровья, а зачастую и не простыми бытовыми условиями, так как их жизнь связана с необходимостью выполнения поставленных задач в любое время и при любых обстоятельствах. Профессиональная деятельность военнослужащих осуществляется в строгом соблюдении иерархии отношений по вертикали, причем не столько между конкретными индивидами (что не исключается в процессе жизнедеятельности военнослужащих), сколько между выполняемыми ими ролями [Гришин 2000].

¹Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853 (дата обращения 21 мая 2023).

Поэтому исследование социального самочувствия военнослужащих целесообразно осуществлять с позиции не просто индивидов, а социальной группы.

В авторском исследовании социальное самочувствие военнослужащих интерпретируется через интегрированную характеристику этой категории граждан как отдельной социальной группы, составляющие которой отражают восприятие субъектами существующих и изменяющихся внешних условий касательно всех сфер жизнедеятельности, внутренних обстоятельств, сопряженных с особенностями их жизнедеятельности, своего положения в социуме на базе субъективных морально-нравственных, ценностных установок, а также требований в соответствии с их способностями и возможностями по отношению к социуму.

Согласно авторскому подходу к сущности понятия этого феномена, для осуществления мониторинга в данной статье раскрывается решение задачи, касающейся выделения не только общих характеристик этого феномена, базирующихся на сущностном понимании собственно понятия «социальное самочувствие» для индивидов, групп, общностей, но и особенных, связанных непосредственно с жизнедеятельностью этой категории граждан.

Безусловно на социальное самочувствие военнослужащих оказывают влияние *внешние условия*, сопряженные с управленческой государственной деятельностью федерального уровня и социальных институтов государства, к которым относятся политическая обстановка, экономическая ситуация, социальная защита, экологическая ситуация; предвоенная или военная обстановка, соответствие существующих разного рода (правовых, нормативных) процедур, направленных на разрешение противоречий.

Но поскольку жизнедеятельность военнослужащих непрерывно сопряжена с Вооруженными Силами и их конкретными подразделениями, то на их самочувствие существенное влияние оказывают *внутренние факторы*, характеризующие условия армейской жизни, достаточную сложность воинской деятельности, ее динамичность; строгая субординация в отношениях; взаимозависимость выполнения задач членами воинских подразделений [Гришин 2000].

В зависимости от внешних и внутренних воздействий формируются *объективные условия* жизнедеятельности военнослужащих, влияющие на их социальное самочувствие, изменение которых зависит от руководства страны и руководителей воинских коллективов. Основные из них заключаются в поддержании на должном уровне: бытовых условий для выполнения служебных задач и достойной жизни; социальной справедливости на всех иерархических

уровнях взаимодействия военнослужащих; коммуникации (прежде всего своевременного доведения необходимой информации); ответственностей имеющихся у военнослужащих средств тем функциям, которые на них возложены; адекватных возрастных соотношений между руководителями воинских коллективов и подчиненными; соответствия профессиональной подготовки военнослужащих выполняемым ими служебным задачам².

Не менее значимо оказывает влияние *субъективное* восприятие тех условий и ситуаций, в которых находятся военнослужащие с учетом их адаптации к непростым условиям их жизнедеятельности. В этом контексте отметим, что данная категория граждан обладает качеством стойкой адаптации, то есть способностью вырабатывать оптимальные когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии в зависимости от ситуаций и их изменений на базе сформированных ценностных ориентаций, социально-культурных приоритетов, осознанных требований к социуму. На формирование этих качеств военнослужащих направлены образовательные и воспитательные программы в военных заведениях, а также стратегии жизнедеятельности в армейской среде, ориентированные на мотивацию и контроль инструментальных ориентаций на конкретные формы взаимодействия военнослужащих в обществе на принципах высокой морали, нравственности, чувства долга, ответственности, патриотизма [Якушина 2008].

В определенной мере на самочувствие военнослужащих оказывает влияние состояние здоровья, свойства характера, темперамента, эмоции, менталитет, религия, достаточный опыт или отсутствие навыков общения конкретных субъектов военных организаций и т. п. [Арзамаскин 2002].

Данные социологических опросов, осуществленных авторами с целью выявления особенных показателей социального самочувствия военнослужащих, проведенного в четырех различных воинских подразделениях³, позволили выделить наиболее приоритетные характеристики этого феномена.

Наибольшее предпочтение военнослужащие отдают социальной защищенности. При ответах на вопросы анкеты оценить по пятибалльной шкале (от «совсем не влияет» до «влияет очень сильно») ряд характеристик, предложенных респондентам из числа

² *Алексин И.А.* Теория и практика воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: ВУ, 2003. 377 с.

³ Опрошено 268 военнослужащих, из них: 43 – не имеют офицерского звания, 56 – младший офицерский состав, 58 – средний офицерский состав, 52 – старший офицерский состав, 59 – уволенные в запас.

военнослужащих, среднее значение оценки этого показателя равно 4,64. Выражается социальная защищенность военнослужащих в совокупности правовых и социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации, в контексте единой системы⁴ правовой и социальной защиты, обеспечивающих предоставление материальной и нематериальной помощи, обеспечение жильем, пенсионное обеспечение, охрана жизни и здоровья для поддержания достойного уровня их жизни. Ключевыми особенностями социальной защиты военнослужащих являются обязанности государства по предоставлению особых льгот и гарантий не только в период прохождения ими военной службы, но и после увольнения, посредством финансирования за счет средств федерального бюджета [Коровников 2003].

Большое значение для военнослужащих имеет социальная поддержка (4,23). Она включает в себя совокупность видов взаимодействий и гарантий, способствующих регулированию отношений в социокультурном пространстве, преодолению трудностей, созданию условий для осуществления достижения целей, способствуя обеспечению состояния, при котором члены военных подразделений способны морально и физически решать служебные задачи. Важными характеристиками социальной поддержки учеными выделяются [Коровников 2003] и подтверждаются в ходе авторских исследований такие виды деятельности военных руководителей, которые направлены на решение возникающих у военнослужащих и их семей проблем посредством: реагирования на разного рода обращения к руководству и жалобы; оказания нуждающимся военнослужащим реальной помощи (материальной, физической и т. п.); поддержания тесного взаимодействия с региональной государственной властью для организации достойной жизни военнослужащих и их семей (работа для супругов, образовательные учреждения для детей и т. п.); мониторинга состояния отдельных военнослужащих и воинских коллективов для своевременного выявления проблем и реагирования на них.

Выявлению особенных характеристик социального самочувствия военнослужащих послужили и научные труды, в которых наряду с осмыслением условий жизни в совокупности характеристик этого феномена рассматривается социальная напряженность, вызванная неудовлетворенностью условиями и процессами, происходящими в обществе, армейской среде, воинских коллективах,

⁴Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853 (дата обращения 21 мая 2023).

и предлагаются способы оценки конфликтной напряженности в вооруженных силах [Янин 1993].

С целью выделения особенных показателей социального самочувствия военнослужащих, характеризующих в большей мере внутренние и субъективные особенности жизнедеятельности воинских подразделений и входящих в них индивидов, в процессе авторского исследования респондентам предлагалось из предложенного списка выделить характеристики, которые, по их мнению, влияют на самочувствие военнослужащих в процессе несения службы, и оценить (по предложенной пятибалльной шкале) степень их влияния.

Анализ полученных результатов позволил сформировать совокупность особенных показателей, влияющих на социальное самочувствие военнослужащих и определить их приоритеты по степени влияния (см. рис. 1). Ранжированием показателей (по весовым характеристикам) обнаружено, что наибольшее влияние (с весом $> 0,04$) оказывают те, которые расположены в верхнем ряду рис. 1, а наименьшую степень (с весом $\leq 0,02$) – в нижнем.

Обеспеченность подразделения всем необходимым для нормальной жизнедеятельности и выполнения служебных задач	Социальная справедливость при распределении материальных и духовных благ	Социальная защищенность субъектов воинского коллектива	$W > 0,04$
Социальная поддержка субъектов воинского коллектива при распределении материальных и духовных благ	Соответствие между функциями и средствами, имеющимися в распоряжении у военнослужащих для выполнения этих функций	Профессиональная подготовка субъектов воинского коллектива	$W > 0,03$
Соответствие уровня разработанности правовых и других нормативных процедур разрешения межличностных противоречий, возникающих во взаимоотношениях военнослужащих, особенностям воинского подразделения	Соответствие закрепленного уставом характера отношений военнослужащих тому типу отношений, которые возникают в процессе служебной деятельности военнослужащих	Соответствие социальной адаптации военных руководителей к своему должностному статусу, профессиональной адаптации военных руководителей к своему должностному статусу	$W > 0,2$
Соотношение ряда категорий военнослужащих начальников по возрасту с подчиненными	Адаптация субъектов к условиям длительной изоляции	Отлаженность коммуникации (передачи информации) в коллективе	$W \leq 0,02$

Рис. 1. Показатели социального самочувствия военнослужащих⁵

⁵ Коэффициент конкордации, то есть согласованности между ответами разных подразделений $D > 0,7$ для каждой из выделенных характеристик.

Одновременно (в совокупности) решалась задача выявить особенные характеристики взаимодействий в воинских коллективах, потенциально негативно влияющие на социальное самочувствие военнослужащих, способствующие развитию конфликтных отношений и взаимодействий между субъектами, которые, в свою очередь, отражаются на адекватности реагирования в сложных ситуациях, что оказывает воздействие на решение задач, поставленных перед подразделениями. На вопрос «Какие условия, обстоятельства, факты при жизнедеятельности воинских коллективов, с Вашей точки зрения, негативно влияют на самочувствие их членов в процессе решения общих задач? Оцените по предложенной шкале степень их влияния на Вас лично» более 75% отвечающих с высокой корреляцией⁶ (относительно каждого из показателей для различных воинских подразделений) выделили значимо влияющие характеристики (см. рис. 2). На данном рисунке показатели расположены в иерархической последовательности по рядам в зависимости от их ранжирования по весовым коэффициентам степени влияния.

Рис. 2. Показатели негативного влияния на социальное самочувствие военнослужащих

⁶ Коэффициент конкордации между ответами разных подразделений превышал по всем показателям 0,7.

Высокий показатель корреляции между результатами разных подразделений для каждой из выделенных характеристик предоставляет возможность включать значимые из них в оценку социального самочувствия. Такой подход к анализу этого феномена целесообразен при разработке адекватного инструментария для мониторинга социального самочувствия военнослужащих. Своевременное выявление проблем способствует поддержанию (через целенаправленное управление) достойного уровня состояния субъектов Российской армии в процессе решения важнейших государственных задач, сопряженных с обеспечением безопасности страны.

Заключение

Выделение не только общих показателей социального самочувствия граждан, но и особенных, присущих военнослужащим как отдельной социальной группе, способствует разработке адекватных оценочных способов для сравнительного анализа состояния различных подразделений. Своевременное регулирование положения, касательно социального самочувствия и настроения в воинских подразделениях, является одним из условий предупреждения негативных процессов в Вооруженных Силах, что способствует устойчивости Российской армии и является залогом стабильности государства.

Литература

- Арзамаскин 2002 – *Арзамаскин Ю.Н.* Морально-психологическое обеспечение в вооруженных силах России. М.: ВУ, 2002. 416 с.
- Гришин 2000 – *Гришин А.П.* Управление социальными процессами в конфликтных ситуациях в воинских коллективах: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2000. 144 с.
- Коровников 2003 – *Коровников А.В.* Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование. М.: Юрист, 2003. 254 с.
- Кученкова 2016 – *Кученкова А.В.* Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Якушина 2008 – *Якушина Н.В.* Ценности и ценностные ориентации военнослужащих российской армии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 3. 2008. С. 324–336.
- Янин 1993 – *Янин С.В.* Комплексный анализ феномена социальной напряженности в российских Вооруженных Силах: Дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. 204 с.

References

- Arzamaskin, Yu.N. (2002), *Moral'no-psikhologicheskoe obespechenie v vooruzhennykh silakh Rossii* [Moral and psychological support in the armed forces of Russia], VU, Moscow, Russia.
- Grishin, A.P. (2000), *Management of social processes in conflict situations in military collectives*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Korovnikov, A.V. (2003), *Sotsial'naya zashchita voennosluzhashchikh: stanovlenie, razvitiie i pravovoe regulirovanie* [Social protection of military personnel. Formation, development and legal regulation], Yurist, Moscow, Russia.
- Kuchenkova, A.V. (2016), "Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2 (4), pp. 118–127.
- Yakushina, N.V. (2008), "Values and value orientations of servicemen of the Russian army", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, iss. 3, pp. 324–336.
- Yanin, S.V. (1993), *Complex analysis of the phenomenon of social tension in the Russian Armed Forces*. Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Галина В. Баранова, доктор социологических наук, Академия ФСО России, Орел, Россия; 302015, Россия, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; orel.bgv@gmail.com

Владислав И. Музалевский, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал, Орел, Россия; 302028, Россия, Орел, ул. Октябрьская, д. 12; vladmuza@mail.ru

Information about the authors

Galina V. Baranova, Dr. of Sci. (Sociology), Academy of the FSO of Russia, Orel, Russia; bld. 35, Priborostroitel'naya Street, Orel, Russia, 302015; orel.bgv@gmail.com

Vladislav I. Muzalevsky, postgraduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Oryol branch. Orel, Russia; bld. 12, Oktyabrskaya Street, Orel, Russia, 302028; vladmuza@mail.ru

УДК 331.5:37.04

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-224-234

Профориентация: от тейлоризма до современной профессиональной среды

Елена Н. Пятшева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena.pyatsheva@hotmail.com*

Аннотация. Сегодня социально-экономическое положение России формируется с учетом экономических и геополитических вызовов, под влиянием научно-технического прогресса и цифровизации, изменений рыночной конъюнктуры, где главными индикаторами качества социальной среды населения выступают занятость и безработица, реагируя на любые трансформации в развитии страны, тем самым поднимая актуальные вопросы востребованности труда и профессионального будущего для населения. С одной стороны, это подчеркивает острую необходимость поиска предложений и новых путей решения вопросов профессиональной подготовки и переподготовки трудоспособного населения, особенно молодежи, которые будут соответствовать потребностям современного рынка труда, высокой занятости населения, эффективному раскрытию личного потенциала и таланта каждого индивида. С другой стороны, это позволяет молодому поколению принять активное участие в социально-экономической деятельности России, увидеть свое место на рынке труда сегодня, сформировать интерес к выбору своей профессии и получению профессиональных навыков.

Ключевые слова: рынок труда, профориентация, выбор профессии, спрос

Для цитирования: Пятшева Е.Н. Профориентация: от тейлоризма до современной профессиональной среды // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 224–234. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-224-234

© Пятшева Е.Н., 2023

Career guidance: From taylorism to the modern professional environment

Elena N. Pyatsheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
elena.pyatsheva@hotmail.com*

Abstract. Today, the macroeconomic situation of Russia is formed taking into account economic and geopolitical challenges, globalization, the influence of scientific and technological progress and digitalization, comprehensive changes in market conditions, where the main quality indicators of the social environment of the population are such important indicators as employment and unemployment, instantly reacting to any transformations in the socio-economic development of the country, thereby raising the current questions of the demand for labor and professional future for the population. On the one hand, it underlines the urgent need to find proposals and new ways to solve the issues of vocational training and retraining of the able-bodied population, especially young people, which will fully meet the needs of the modern labor market, high employment, effective disclosure of the personal potential of each individual. On the other hand, it allows the younger generation to take an active part in the development of scientific, financial, socio-economic activities of Russia, to see their place in the labor market today, thereby forming a keen interest in choosing their profession and obtaining professional skills.

Keywords: labor market, career guidance, choice of profession, demand

For citation: Pyatsheva, E.N. (2023), "Career guidance: From taylorism to the modern professional environment", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 224–234, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-224-234

В XIX–XX вв. в США Ф.У. Тейлором были сделаны попытки обоснования причин, которые легли в основу для создания системы методов, норм и принципов, необходимых для рационального управления производственной деятельностью и организации системы труда, включая подбор кадров и формирование достойной оплаты труда. Основная цель тейлоризма сводилась к повышению экономической эффективности за счет роста производительности труда [Ерманский 1940, с. 7].

Развитие в России земледелия, солеварения, рыбных, охотничьих и рудных промыслов, ремесленного дела считается началом формирования профорентации, когда знания передавались от мастера к подмастерьям. Необходимость освоения Урала и Сиби-

ри в период XVI–XX вв., развитие промышленности и различных промыслов способствовало формированию семейных династий (Строгановых, Демидовых, Шаховских, Голицыных, Всеволожских, Лазаревых и др.). В конце XIX в. все крупные промышленные города (Екатеринбург, Петербург, Сольвычегодск, Томск, Тула, Уфа и др.) имели конторы (бюро), занимающиеся подбором квалифицированных кадров (персонала). Генезис трансформации профориентации отражен в научных трудах О.П. Апостолова [Апостолов 2011, с. 7, 61], Е.В. Гудковой [Гудкова 2004, с. 7] и др.

Согласно «Кающемуся энциклопедисту», опубликованному в конце XIX в. в царской России, традиционно выбор профессии был актуален только для молодежи из разночинцев, поэтому осуществлялся либо из расчета или случайного выбора, либо на основе признания или семейных традиций.

Уже в начале XX в. изучение профориентации в России развивалось по двум основным направлениям – последователи тейлоризма и антитейлористы (критики). Последователи тейлоризма (А. Аронов, А. Гацук, О. Ерманский, В. Железнов, Р. Поляков, Н. Саввин, Н. Сарровский, И. Озеров) придерживались мнения, что для повышения производительности труда и благосостояния граждан необходимо использовать научно-технический прогресс.

Антитейлористы (Г. Алексинский, В. Воронцов, П. Маслов, В. Ленин, И. Поплавский), критикуя это направление науки, подчеркивали отсутствие культуры у рабочих и предпринимателей, связывая это с всеобщей российской отсталостью населения и возможностью работодателей использовать рабочую силу для эксплуатации и только в своих личных интересах.

Революция 1917 г. способствовала перемене отношения В.И. Ленина к тейлоризму, так как в условиях смены политического строя и последствий Гражданской войны для возрождения молодой советской страны и подъема экономики необходим был опыт использования тейлоризма, где национализированные заводы, фабрики и предприятия не могли функционировать без привлечения трудовых ресурсов и их рационального использования для подъема экономики. При этом интенсивный труд противоречил идеологии пролетариата – привилегированности социалистического класса, являясь основанием создания Центрального института труда (ЦИТ) под руководством А.К. Гастева в 20-х гг. XX в.

На базе ЦИТ А.К. Гастев создает научно-исследовательский институт и систему – научную организацию труда (НОТ), которая начинает функционировать в условиях экономической отсталости и ограниченности мировой культуры, занимаясь вопросами всех сфер общественного производства, разрабатывая методы стимулиру-

рования эффективности труда трудящихся благодаря имеющемуся опыту и инновациям. А.К. Гастевым были выделены шесть основных требований к труду, без реализации которых невозможно эффективное управление производством: дисциплина и соответствие должностным инструкциям, делегирование полномочий, иерархичность управления, за выполнение плана обязательная ответственность работника, соблюдение производственных норм и правил. Это легло в основу направления науки «социальный инженеризм» [Гастев 1972, с. 26–27].

По мнению А.К. Гастева, главным элементом производства является эффективный человеческий труд, который необходим для выполнения производственных программ. Только с помощью личной инициативы были выполнены пятилетки 30-х гг. XX в., увеличивая темпы индустриализации для экономического роста СССР.

Среди критиков тейлоризма, в частности стахановского движения, выступал профессор О.А. Ерманский, делая акцент на интенсивности труда, которая должна достигаться, по его мнению, за счет научной обоснованности и оптимальности, предложив к использованию «физиологический оптимум» (концепцию нормальной интенсивности труда). Именно напряженные методы работы вызывали много критики, несмотря на научные достижения тейлористов [Ерманский 1940].

Благодаря О.А. Ерманскому в концепции «физиологического оптимума» были выделены основные тезисы теории организации труда и совершенствования системы управления. Была разработана методология рационализации крупного машинного производства, обоснована идея оптимизации использования всех видов энергии и факторов производственной деятельности, которая сегодня называется «синергетический эффект» или закон синергии, а также принцип физиологического оптимума, который сегодня используется как коэффициент полезности (рациональности), рассчитываемый как соотношение полезного результата и энергетических затрат.

Развитие профориентационной деятельности в России совпадает с общемировыми тенденциями [Милославский и др. 2016, с. 904]. Профессиональная ориентация – система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии (с учетом особенностей личности и потребностей народного хозяйства в кадрах), на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве (профориентация, выбор профессии, ориентация на профессию (латинское *professio* – род занятий и французское *orientation* – установка)¹.

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978. Т. 20. С. 75.

В Конвенции № 142 МОТ «О профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов» были определены основные положения по развитию профориентационной деятельности и профессиональной подготовки, которые должны учитывать национальные, региональные, местные возможности/потребности в развитии человеческого капитала и уровень социального, социально-культурного и экономического развития общества в вопросах занятости населения².

Переход России к рыночной экономике способствовал новому определению профориентации как обобщенному понятию одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющемуся в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда³.

На основе данного постановления выделены семь основных положений профориентации.

1. В рамках профессионального информирования предполагается знакомство/оповещение населения с актуальными изменениями в области производственной деятельности, условий и состояния рынка труда.

2. Профессиональное консультирование направлено на точечную помощь населению, с учетом потребностей общества, сделать разумный и сознательный выбор профессионального пути.

3. Профессиональный подбор носит рекомендательный характер с учетом особенностей профессиональной деятельности, включая различную диагностику (медицинскую, физиологическую и психическую и др.).

4. Профессиональная пригодность работника для каждого конкретного случая определяется на основе нормативов и должностных инструкций, что является частью профотбора.

²Конвенция № 142 Международной организации труда «О профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов» [рус. англ.] URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения 23 июля 2023).

³Постановление Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20 апреля 2023).

5. Профадаптация (социальная или производственная) позволяет за счет комплекса мер, направленных на благоприятную социализацию работников, повышать профессиональные качества, работоспособность и профессионализм.

6. Профессиональное воспитание способствует формированию положительных навыков – трудолюбия, профессиональной ответственности.

7. Профессиональное развитие личности способствует карьерному росту, повышению квалификации.

Акцент на профорентации сделан в п. 3 ст. 66 и п. 1 ст. 75 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», где сказано, что среднее общее и дополнительное образование направлено на получение профессиональных навыков и ориентацию обучающихся, что в дальнейшем будет способствовать созданию оптимальных условий для начала их профессиональной деятельности⁴.

Методические рекомендации по реализации проекта «Билет в будущее» в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» установили систему мер ранней профорентации для 6–11-и классов, предусматривающую профессиональные пробы для осознанного выбора будущих профессий⁵.

Следующую трактовку профорентации дают Всемирный банк, Совет Европейского союза и экспертная группа Еврокомиссии по непрерывной ориентации, а также ОЭСР – профессиональная ориентация направлена на оказание помощи людям любого возраста и в любой момент их жизни по вопросам выбора направления обучения, профессиональной подготовки и сферы профессиональной деятельности и управления собственной карьерой⁶.

Профессиональную ориентацию как социально-экономический феномен более подробно начали изучать с конца XIX в. с различных точек зрения – социологи, управленцы, психологи, урбанисты, экономисты и многие другие ученые.

⁴Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.03.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 22 августа 2022).

⁵Распоряжение Минпросвещения России от 23.09.2019 № Р-97 «Об утверждении методических рекомендаций о реализации проекта “Билет в будущее” в рамках федерального проекта “Успех каждого ребенка”». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 12 января 2023).

⁶OECD and European Commission, Career guidance: A handbook for policy makers, Organisation for Economic Cooperation and Development. Paris, 2004.

По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, общественное разделение труда и специализация трудовой деятельности являются основой социализации индивида, что в дальнейшем способствовало появлению профессий⁷. Данной проблематикой также занимались М. Вебер [Вебер 2002, с. 345], Э. Дюркгейм [Дюркгейм 1991, с. 65], Г.Т. Парсонс [Парсонс 2000, с. 202] и др.

Профориентация и проблемы профессионального выбора раскрыты и отражены в работах по психологии труда А. Адлера [Адлер 202, с. 76], К.А. Абульханова-Славской [Абульханова-Славская 1991, с. 34], Э. Роу [Роу 1956].

Вопросами профессионального самоопределения и профориентации в рамках исследований школьников и студентов занимались Е.И. Головаха [Головаха 1989], Е.А. Климов [Климов 1996], С.И. Крягжде [Крягжде 1981], Н.С. Пряжников, М.И. Ретивых [Ретивых 1990] и др. Также данная проблематика нашла отражение в исследованиях социологии труда И.С. Кона, Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратана, В.А. Ядова.

Отдельного внимания заслуживает психологический подход, предложенный Е.А. Климовым, который определяет систему «человек–профессиональная среда» на основе пяти основных компонентов: профессиональная среда, предметы и средства труда, социальная и физическая среда. Проводится компонентно-целевой анализ, использующий личную мотивацию работников, что позволяет классифицировать типы профессий и предметы труда (табл. 1).

В заключение стоит отметить, что 2023 г. объявлен Годом педагога и наставника, реализация проекта «Билет в Будущее» позволит выявить и объединить лучшие профориентационные практики по всей России и во всех школах страны.

⁷Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 489; Маркс К. Капитал. Т. I // Там же. Т. 23. М., 1984. С. 363.

Таблица 1

Матрица типов профессий

№ п/п	Тип профессий	Альтернативные обозначения	Основа	Виды профессий/специальностей
1	Биономические	«человек–природа»	Работа с природными явлениями и объектами (живая природа)	агроном, ветврач, зоотехник, эколог, доярка, садовод
2	Технологические	«человек–техника»	Объединяют работу с техникой, техническими устройствами и науками (неживая природа)	машинист, сварщик, электрик, швея, водитель, шахтер
3	Социономические	«человек–человек»	В основе заложено общение между людьми, иногда в сложных условиях, напряженность работы и личностных коммуникаций	учитель, врач, юрист, журналист, воспитатель, следователь, психолог, администратор, гид, менеджер
4	Сигнономические	«человек–знаковая система»	Работа с символами, знаками, цифрами, кодами, формулами, таблицами, текстами	программист, связист, радист, переводчик, кассир, бухгалтер, корректор, чертежник, аудитор, налоговый инспектор
5	Эргономические	«человек–художественный образ»	Художественное отображение действительности	писатель, актер, музыкант, модельер, дирижер, композитор

Источник: [Климов 2004]

Благодарности

Статья выполнена в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)».

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of State Assignment No. 1021091313151-0-5.4.1 “Social factors of labor productivity. State, issues, solutions (FSZG-2022-0001)”.

Литература

- Абульханова-Славская 1991 – *Абульханова-Славская А.К.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 230 с.
- Адлер 2002 – *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 212 с.
- Апостолов 2011 – *Апостолов О.П.* Профессиональная ориентация в России (опыт, проблемы, перспективы). М.: ИП М.В. Татаринов, 2011. 183 с.
- Вебер 2002 – *Вебер М.* Основные социологические понятия. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 424 с.
- Гастев 1972 – *Гастев А.К.* Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М.: Экономика, 1972. 478 с.
- Головаха 1988 – *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.
- Гудкова 2004 – *Гудкова Е.В.* Основы профориентации и профессионального консультирования. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 125 с.
- Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. 576 с.
- Ерманский 1940 – *Ерманский О.А.* Стахановское движение и стахановские методы. М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. 372 с.
- Климов 1996 – *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д.: Финист, 1996. 205 с.
- Климов 2004 – *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с.
- Крягжде 1981 – *Крягжде С.И.* Управление формированием профессиональных интересов. Вильнюс, 1981. 196 с.
- Милославский, Алиева, Соловьев 2016 – *Милославский В.Г., Алиева Н.Х., Соловьев С.М.* Теория и практика профориентации в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 905–911.
- Парсонс 2000 – *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

- Ретивых 1990 – *Ретивых М.В.* Как помочь выбрать профессию. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 156 с.
- Роу 1956 – *Роу А.* Психология профессий. Нью-Йорк: Уайли, 1956. 360 с.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, A.K. (1991), *Strategiya zhizni* [Strategy of life], Mysl, Moscow, Russia.
- Adler, A. (2002), *Praktika i teoriya individual'noi psikhologii* [Practice and theory of individual psychology], Izd-vo In-ta psikhoterapii, Moscow, Russia.
- Apostolov, O.P. (2011), *Professional'naya orientatsiya v Rossii (opyt, problemy, perspektivy)* [Professional orientation in Russia (experience, issues, prospects)], IP M.V. Tatarinov, Moscow, Russia.
- Durkheim, E. (1991), *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor], Nauka, Moscow, Russia.
- Ermanskii, O.A. (1940), *Stakhanovskoe dvizhenie i stakhanovskie metody* [Stakhanov movement and Stakhanov methods], SOTSEKIZ, Moscow, Russia.
- Gastev, A.K. (1972), *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to work. Practical introduction to the science of labor organization], Ekonomika, Moscow, Russia.
- Golovakha, E.I. (1988), *Zhiznennaya perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi* [Life perspective and professional self-determination of youth], Naukova dumka, Kiev, Russia.
- Gudkova, E.V. (2004), *Osnovy pororientatsii i professional'nogo konsul'tirovaniya* [Fundamentals of career guidance and professional counseling], Izd-vo YuUrGU., Chelyabinsk, Russia.
- Klimov, E.A. (1996), *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination], Finist, Rostov/Don, Russia.
- Klimov, E.A. (2004), *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination], Akademiya, Moscow, Russia.
- Kryagzhde, S.I. (1981), *Upravlenie formirovaniem professional'nykh interesov* [Management in the professional interests formation], Vilnius, Russia.
- Miloslavskii, V.G., Alieva, N.Kh. and Solov'ev, S.M. (2016), "Theory and practice of career guidance in Russia. Issues and prospects", *Young scientist*, no. 7 (111), pp. 905–911.
- Parsons, T. (2000), *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action], Akademicheskii Proect, Moscow, Russia.
- Retivyykh, M.V. (1990), *Kak pomoch' vybrat' professiyu* [How to help choose a profession], Priok. kn. izd-vo, Tula: Russia.
- Roe, A. (1956), *Psikhologiya professii* [The Psychology of Occupations], Wiley, New York, USA.
- Weber, M. (2002), *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts], Knizhnyi dom "Universitet", Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Н. Пятшева, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena.pyatsheva@hotmail.com

Information about the author

Elena N. Pyatsheva, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; elena.pyatsheva@hotmail.com

Состояние профориентационной работы в «инженерных» вузах

Роман И. Анисимов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, anisimov.r@rggu.ru*

Аннотация. Анализируется состояние профориентационной работы в вузах, осуществляющих обучение по инженерным специальностям. Была сформирована выборка из 24 российских вузов, и затем на основе анализа сайтов этих вузов были сформированы три группы вузов. Вузы со слабым, средним и высоким уровнем профориентационной работы. Вузов со слабым и средним уровнем профориентации в выборочной совокупности оказалось половина, половина вузов имеют высокий уровень работы с абитуриентами и школьниками и осуществляют не только информирование о специальностях вуза, но и формируют интерес к инженерной деятельности. Эти вузы наряду с традиционными методами профориентации разрабатывают и внедряют инновационные формы работы с школьниками (кванториумы и дома научной коллаборации). Вузы с высоким уровнем профориентационной работы трансформируются в образовательные агломераты непрерывного образования (школа – СПО – университет).

В работе было предложено объяснение причин отсутствия большого спектра профориентационной работы в половине инженерных вузов. Это отсутствие финансирования и кадровая проблема. Предложены пути решения проблем.

Ключевые слова: инженер, профессиональная ориентация, инженерный вуз

Для цитирования: Анисимов Р.И. Состояние профориентационной работы в «инженерных» вузах // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 235–245. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-235-245

The state of career guidance in “engineering” universities

Roman I. Anisimov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anisimov.r@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the state of career guidance work in universities that provide training in engineering specialties. A sample of 24 Russian universities was formed and then, based on the analysis of the websites of those universities, three groups of universities were formed: universities with poor, average and high levels of career guidance.

It turned out that half of the universities have a poor and average level of career guidance in the sample, half of the universities have a high level of work with applicants and schoolchildren and carry out not only informing about the specialties of the university, but also form an interest in engineering. These universities, along with traditional methods of career guidance, develop and implement innovative forms of work with schoolchildren (quantoriums and houses of scientific collaboration). Universities with a high level of career guidance are transformed into educational agglomerates of continuing education (school – college – university). The paper explained the reasons for the lack of a large range of career guidance work in half of engineering universities. It is a lack of funding and a personnel issue. Ways of solving issues are proposed.

Keywords: engineer, career guidance, engineering university

For citation: Anisimov, R.I (2023), “The state of career guidance in ‘engineering’ universities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 235–245, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-235-245

Введение

В связи с последними геополитическими и геоэкономическими событиями в мире особую актуальность приобретает проблема реиндустриализации страны и импортозамещения товаров с высокой добавленной стоимостью. Перед обществом стоят задачи восстановления целых отраслей промышленности, которые были практически утеряны с распадом СССР. Стоит отметить, что необходимо не простое восстановление промышленности, а ее качественное обновление, соответствующее новому технологическому укладу. То есть нужно не только восстановить индустриальное производство, но и сделать его одним из лучших в мире. В противном случае Рос-

сия останется в зависимом положении от более развитых стран, что создает угрозу национальной безопасности страны. Ключевую роль в технологическом развитии любой страны играют инженеры. Без квалифицированного инженера, даже имея самое современное оборудование, невозможно создать современную продукцию. Человек является основным субъектом инновации и творчества, что влияет на рост производительности труда. Важнейшую роль в подготовке квалифицированных инженерных кадров играет система высшего инженерного образования, которая, за исключением ряда ведущих вузов, в настоящий момент испытывает целый комплекс проблем, связанных с качественной подготовкой инженеров. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного ассоциацией инженерного образования России о качестве подготовки инженерных кадров:

В ответах на вопрос о состоянии инженерного образования в России: 36% назвали его критическим, 17% высказались о его глубоком системном кризисе, 30% заявили о его стагнации, 17% охарактеризовали его как удовлетворительное [Мансуров и др. 2019].

Стоит отметить, что Российская Федерация занимает лидирующие позиции в мире по количеству выпускаемых инженеров. В 2020 г. доля выпускников российских вузов по специальности «Инженерные, обрабатывающие и строительные отрасли» составляла 22,1%, в Германии – 24,7, в США – 7,3, Франция – 11,2, Японии – 17,9, Южная Корея – 19,6%¹. В 2022 г. по инженерным специальностям обучалось 862 тыс. 118 человек, что составляет 32,6% от всех обучающихся студентов России². Большое количество бюджетных мест на инженерные специальности влечет снижение проходного балла (например, в 2022 г. средний проходной балл на некоторые технические вузы или их филиалы составлял 40 баллов) и соответственно поступление на бюджетные места абитуриентов с низкой мотивацией к обучению, не готовых к освоению инженерной специальности. А это в свою очередь ставит перед вузами и системой высшего образования проблему профессиональной ориентации школьников и абитуриентов в своей будущей профессии.

Исследователи выделяют две составляющие профессиональной ориентации, «во-первых, это – распространение сведений о специальности; во-вторых, формирование интереса к той или иной

¹ Образование в цифрах: 2022: Краткий стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 504–505.

² Мониторинг эффективности вузов 2022. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения 27 ноября 2022).

специальности» [Кандыбович, Разина 2022]. Профорентация начинается еще со школьной скамьи и, как правило, проходит в три этапа: подготовительный, основной и уточняющий. На *первом этапе* изучаются устремления школьника, а также проводится информирование (профпросвещение) о специальностях в вузах. На этом этапе вузами организуются выездные занятия, экскурсии, школьные психологи проводят профтестирование на предмет склонностей школьника к тому или иному виду профессий. *Второй этап* – основной. На этом этапе вузы могут проводить целенаправленную работу по выявлению старшеклассников, склонных к той или иной профессии и ознакомлению с ней (зачастую на базе вуза). *Третий этап* – уточняющий. На этом этапе проводится контроль успехов выпускников школ в профессиональном обучении, анализируются успехи и недостатки, вырабатываются усовершенствованные методики профорентаций [Кандыбович, Разина 2022]. Таким образом, профорентация – сложный и долгий процесс подготовки к обучению в вузе. Это не только дни открытых дверей и подготовка к сдаче ЕГЭ. Основная цель профорентации – определить склонности человека и сформировать интерес к будущей профессии. В конечном итоге сверхцель профорентации – сделать человека счастливее, экономику – более производительной, а общество – более гармоничным, так как работая там, где ему интересно, не испытывая дискомфорта и делая то, к «чему лежит душа», человек, во-первых, работает лучше, а во-вторых, его жизнь становится счастливее. Поэтому профорентация является важной составляющей социальной политики и не должна игнорироваться обществом. К сожалению, в настоящий момент нет понимания важности профорентационной работы, школьники в своем выборе ориентируются на баллы ЕГЭ, модные названия специальностей, выбор родителей или финансовые ресурсы семьи. В результате неосознанного выбора будущей профессии человек или бросает учиться, или мучается весь период обучения, а вполне возможно, и всю жизнь, занимаясь тем, к чему у него нет ни склонностей, ни способностей. Он будет несчастлив на своей работе и с большой степенью вероятности будет «отравлять» жизнь своих близких.

Проблема слабой профорентационной работы касается не только жизни человека, но и напрямую влияет на процесс обучения. Вузам выгоднее привлекать сильных, мотивированных на обучение студентов, которые уже имеют представление о том, чем они будут заниматься, где и кем работать. У таких студентов вызывает интерес их будущая специальность, и главное, они готовы работать по ней, а не поступили в «инженерный» вуз из-за низкого проходного балла, отсрочки от армии, желаний родителей и дру-

гих слабо связанных с будущей специальностью мотивов. Вузы занимаются профориентацией, но качество этой работы разное, и, таким образом, в нашем исследовании мы поставили следующие задачи: определить уровень профориентационной работы в вузах, занимающихся подготовкой инженерных кадров, выявить вузы с наиболее успешными практиками профориентационной работы, на их основе выработать рекомендации по совершенствованию профориентационной работы среди «инженерных» вузов.

Выборка исследования

В 2022 г. подготовку по инженерным специальностям осуществлял 671 вуз, где обучались свыше 862 тыс. человек³.

Для анализа профориентационной подготовки нами было отобрано по три вуза в каждом федеральном округе. Условия отбора были следующие: численность обучающихся по инженерным специальностям – не менее 400 человек. Из трех вузов каждого региона как минимум один должен входить в рейтинг 100 лучших вузов по инженерно-техническому направлению, составленному RAEX⁴. Для анализа было отобрано 24 вуза, в которых в общей совокупности в 2022 г. обучалось 121 323 человека. Мы отобрали следующие вузы: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова (33-е место в рейтинге RAEX), Воронежский государственный технический университет (47-е место в рейтинге RAEX), Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (60-е место в рейтинге RAEX), Калининградский государственный технический университет, Ухтинский государственный технический университет, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина (61-е место в рейтинге RAEX), Уфимский государственный нефтяной технический университет, Кубанский государственный технологический университет (35-е место в рейтинге RAEX), Волгоградский государственный технический университет, Донской государственный технический университет (68-е место в рейтинге RAEX), Кабардино-Балкарский государ-

³Мониторинг эффективности вузов 2022.

⁴Рейтинг вузов по инженерно-техническому направлению (2021). URL: https://raex-rr.com/pro/education/Russian_universities_by_directions/engineering-technical_rating/2021/ (дата обращения 28 ноября 2022).

ственный университет им. Х.М. Бербекова (66-е место в рейтинге RAEX), Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Тюменский индустриальный университет, Уральский государственный горный университет (21-е место в рейтинге RAEX), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (46-е место в рейтинге RAEX), Новосибирский государственный технический университет, Омский государственный технический университет (39-е место в рейтинге RAEX), Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Северо-Восточный государственный университет, Комсомольский-на-Амуре государственный университет (57-е место в рейтинге RAEX).

Далее был проведен анализ сайтов вузов с целью выявления уровня и качества профориентационной работы вуза.

Профориентационная работа в вузах – результаты

По итогам нашего анализа профориентационной работы можно выделить три группы вузов.

Первая группа. Вузы со слабым уровнем профориентации школьников. К ним относятся вузы, на сайтах которых не отражается информация об их работе с абитуриентами. Сюда же можно отнести вузы, в которых есть структурное подразделение, отвечающее за работу с абитуриентами, но информация об этой работе отсутствует. Таких вузов в нашем исследовании оказалось треть. Мы допускаем, что в них ведется профориентационная работа, проводятся дни открытых дверей, но ставим под сомнение ее результативность. Мы не можем представить, как происходит информирование абитуриентов о мероприятиях вуза, какие там существуют курсы, как вузы работают со школами и т. д.

Вторая группа. Вузы со средним уровнем профориентации. Здесь находятся вузы, которые проводят дни открытых дверей, как правило, имеют курсы подготовки к ЕГЭ и ОГЭ, структуры СПО. Эти вузы имеют «традиционный» набор инструментов для привлечения абитуриентов, а сама профориентация направлена на выпускников школ, т. е. отсутствует глубокая и ранняя профориентационная работа. Эти вузы включают только информационный аспект профориентационной работы, т. е. останавливаются на

подготовительном этапе профориентации (профпросвещении), не формируя интерес у школьников к выбранной профессии и не выявляя наиболее мотивированных ребят. Всего к этой группе относятся пять вузов.

Третья группа. Вузы с высоким уровнем профориентации (12 вузов). Эти вузы разрабатывают инновационные подходы к профориентации, активно работают со школами, подготавливают и реализуют программы ранней профориентации школьников и обеспечивают не только их информирование, но и выявляют талантливых ребят, склонных к инженерной деятельности. Во-первых, они знакомят абитуриентов не только с вузом, но и с особенностью своей будущей профессии. Например, ряд вузов в дополнение к традиционным дням открытых дверей устраивают мастер-классы по выбранным профессиям, демопоказы, «полезные субботы», в которых рассказывают об интересных открытиях и новинках в профессии. Во-вторых, как правило, профориентационные мероприятия проходят в течение года, а не только в период приемной кампании, и даже в период летних каникул (летние профильные школы). Помимо этого, часть этих вузов активно применяет профориентационные тесты, которые можно пройти офлайн или онлайн (стоит отметить, что, как правило, эти тесты платные, но оплата невысокая). В-третьих, можно наблюдать глубокую профориентационную работу не только с выпускниками, но и со школьниками. В ряде вузов работа начинается с 1-го класса. Основные направления работы со школьниками – это кружковая и проектная деятельность. Вузы с высокой профориентационной подготовкой, как правило, создают отдельные подразделения (вполне возможно, с автономным управлением) для реализации этой работы, которые функционируют параллельно с традиционными управлениями по довузовской подготовке, за которыми остаются функции подготовки к сдаче ЕГЭ и организации дней открытых дверей. Некоторые вузы инженерного профиля разрабатывают инновационные практики профориентационной работы – кванториумы и дома научной коллаборации. Кванториум – новый формат дополнительного образования, предназначенный для ускоренного развития ребенка по различным научно-исследовательским и инженерно-техническим направлениям. Дом научной коллаборации – аналог советского дома творчества молодежи, но функционирующий на базе вуза, использующий его оборудование, где, как правило, преподают сотрудники вуза. В основном в кванториумах и домах научной коллаборации создаются кружки или осуществляется проектная деятельность, курируемая вузом, где школьников знакомят и обучают различным аспектам инженерной работы. Помимо этого, вузы с высоким уровнем профориентаци-

онной работы создают инженерные классы в среднеобразовательных школах или собственные лицеи, предуниверсарии и школы. Например, «Школа инженерного резерва» на базе Тюменского индустриального университета. В ней обучаются школьники с 1-го по 11-й класс с целью

...формирования инженерной ментальности у обучающихся образовательных учреждений региона, путем обучения инженерным навыкам по техническим направлениям⁵.

На протяжении обучения в Школе ученик посещает лекционные и практические занятия, знакомится с предприятиями Тюменской области посредством экскурсий и мастер-классов. Направления подготовки подразделяются на проектные, академические и олимпиадные. Проектные основываются на разработке проекта, академические – на изучении теоретической части курса, олимпиадные осуществляют подготовку обучающихся к профильным олимпиадам.

Вузы с высоким уровнем профориентационной работы, по сути, превращаются в образовательные агломераты непрерывного образования (школа – СПО – университет). В одном университете даже функционирует «народный университет», осуществляющий обучение пенсионеров. Для реализации этих задач университеты, как правило, привлекают средства региональных правительств или участвуют в федеральных проектах, а также работают с промышленными предприятиями регионов.

Выводы

В целом работу по профориентационной подготовке инженеров в вузах можно признать удовлетворительной, так как половина образовательных учреждений слабо либо посредственно работает на данном направлении. Вторая половина вузов, наоборот, демонстрирует в хорошем смысле экспансию на другие области образования (школы, СПО, дополнительное образование) и превращается в современный образовательный агломерат по различным уровням подготовки. В итоге эти вузы получают, во-первых, высокомотивированных абитуриентов, во-вторых, хорошо обучающихся студентов, в-третьих, успешных специалистов. Вторая половина

⁵ Сайт школы инженерного резерва. URL: <https://shir.tyuiu.ru/about/> (дата обращения 3 июля 2023).

вузов или вообще не занимается профориентационной работой или действует по давно проторенной колее стандартной работы с абитуриентом (дни открытых дверей, курсы по ЕГЭ и ОГЭ, языковые программы). Эти вузы тоже набирают студентов, и среди них попадают высокомотивированные абитуриенты, но мы предполагаем, что в массе своей сюда проходят люди с более низкой мотивацией к обучению, чем в вузы с высоким уровнем профориентационной работы. На основе анализа нашей выборочной совокупности соотношение этих вузов 50 на 50, и, конечно, здесь возникает вопрос: почему одни вузы перестраивают свою политику в отношении профориентации, а другие нет?

На наш взгляд, мы имеем две причины описанного выше положения. Первая причина – финансовая. Для организации полноценной профориентационной работы с будущими инженерами нужно оборудование, кадры, увеличение административно-управленческого аппарата, а для всего этого нужно финансовое обеспечение. Но Российская Федерация, на наш взгляд, выделяет недостаточно средств для обеспечения не только полноценной профориентации, но и для обычного учебного процесса. Выше были представлены данные о количестве студентов, обучающихся по инженерным специальностям, и здесь Россия в мировых лидерах по сравнению с ведущими странами, однако сравнение с этими же странами по финансированию образования дает обратную картину. Государственные расходы на высшее образование в России в 2020 г. составляли 24 893 млн долл. Для сравнения, в Германии – 57 888 млн долл., в США – 249 145 млн долл., во Франции – 29 852 млн долл., в Японии – 30 245 млн долл., в Южной Корее – 16 897 млн долл. Соответственно расходы на высшее образование в расчете на одного обучающегося в 2020 г. составляли: в России – 14 928 долл., Германии – 19 324, США – 34 036, во Франции – 17 940, Японии – 20 657, в Южной Корее – 12 685⁶. Мы предполагаем, что вузам тяжело находить финансовые ресурсы для развертывания полноценной профориентационной работы, а та, что есть, делается либо за счет абитуриентов (платные курсы), либо за счет бесплатной дополнительной работы сотрудников и преподавателей (дни открытых дверей), ни о каком развитии здесь речи идти не может.

И все-таки, несмотря на недостаточность финансирования, мы наблюдаем, что половина вузов имеет высокий уровень профориентации, и поэтому мы предполагаем, что проблема вузов, не занимающихся профориентацией, лишь отчасти лежит в области финансов. Еще одной проблемой является кадровый вопрос.

⁶ Образование в цифрах: 2022. С. 499–500.

Во-первых, руководство вузов может находить средства на организацию профориентации (гранты, региональная помощь, контракты с предприятиями), и сами лица, ответственные за довузовскую подготовку, должны проявлять инициативу в организации инновационных мероприятий, а не только выполнять необходимый минимум.

Для решения финансовых проблем необходимо увеличить бюджетные расходы на высшее образование. Для решения кадровой проблемы предлагается создать обучающие программы, провести ряд конференций, где люди могли бы обменяться опытом организации глубокой и расширенной профориентационной работы. Также руководство вузов должно пересмотреть подходы к вузу и перейти от установки «вуз – получение высшего образования» к «вуз – образование для всех». Это потребует создания дополнительных образовательных структур в организации, а также изменение отношения к ним как к таким же элементам образовательного процесса, как и традиционные факультеты и институты, а не как финансовое обременение организации.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)».

Acknowledgments

Done within the framework of State Assignment No. 1021091313151-0-5.4.1 “Social Factors of Labor Productivity. Status, Issues, Solutions (FSZG-2022-0001)”.

Литература

- Кандыбович, Разина 2022 – *Кандыбович С.Л., Разина Т.В.* Профессиональная ориентация и профессиональный отбор в вузы на современном этапе // Человеческий капитал. 2022. № 1 (157). С. 124–137. DOI: 10.25629/НС.2022.01.13.
- Мансуров и др. 2019 – *Мансуров В.А., Семенова А.В., Стрельцова И.А.* Модернизация инженерного образования в России: проблемы и решения // Теория и практика общественного развития. 2019. № 11 (141). С. 17–24. DOI: 10.24158/типор.2019.11.2.

References

- Kandybovich, S.L. and Razina, T.V. (2022), “Professional orientation and professional selection for higher education institutions at the present stage”, *Human capital*, no. 1 (157), pp. 124–137, DOI: 10.25629/HC.2022.01.13.
- Mansurov, V.A., Semenova, A.V. and Streltsova, I.A. (2019), “Modernization of engineering education in Russia: Problems and solutions”, *Theory and Practice of Social Development*, no. 11 (141), pp. 17–24, DOI: 10.24158/tipor.2019.11.2.

Информация об авторе

Роман И. Анисимов, кандидат социологических наук, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anisimov.r@rggu.ru

Information about the author

Roman I. Anisimov, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; anisimov.r@rggu.ru

Профессиональная ориентация в сельскохозяйственном вузе

Ирина О. Шевченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется состояние профориентационной работы в вузах, осуществляющих обучение по сельскохозяйственным специальностям. Для анализа было отобрано 14 вузов. На основе контент-анализа сайтов вузов, подсчета количества упоминаний в СМИ по ключевым словам и изучения научной литературы было выявлено, что вузы прилагают много усилий для привлечения абитуриентов. Проводятся следующие профориентационные мероприятия: дни открытых дверей университета, профилирующие лекции, мастер-классы, квесты и конкурсы. Вузы участвуют в ярмарках специальностей, организуют экскурсии и выставки, проводят курсы для абитуриентов, сотрудничают со средствами массовой информации и ведут блоги в соцсетях.

Продвинутые вузы создают профильные аграрные классы, преподаватели университета ведут научные проекты школьников. Организуются чемпионаты и конкурсы, например «Юннат», “VetSkills” и др., региональные этапы Всероссийской олимпиады для школьников по профильным предметам, тематические образовательные интенсивы для школьников.

Но в результате кадровые проблемы сельского хозяйства не решаются: многие выпускники не работают по специальности. Для закрепления специалистов на селе необходимы воссоздание социальной инфраструктуры на селе (школы, больницы, клубы) и работа по повышению престижа сельского хозяйства как отрасли.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, сельскохозяйственный вуз, агрономия, ветеринария

Для цитирования: Шевченко И.О. Профессиональная ориентация в сельскохозяйственном вузе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 246–254. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-246-254

Vocational orientation in agricultural universities

Irina O. Shevchenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sheviren@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the situation in agricultural universities career guidance work. 14 universities selected to that end. Based on content analysis of university websites, counting the number of keyword mentions in the media and studying scientific literature, it was revealed that universities spend a lot of effort to attract applicants. The following career guidance events are held: university open days, profile lectures, master classes, quests and competitions. Universities participate in the speciality fairs, organize excursions and exhibitions, conduct courses for applicants, cooperate with the media and are blogging on social networks.

Advanced universities create specialized agricultural classes in schools; university professors supervise schoolchildren's scientific projects. Championships and contests are organized, for example, "Junnat", "VetSkills", etc., as well as regional stages of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in profile subjects, thematic educational intensives for schoolchildren.

But as a result, the personnel issues of the agriculture enterprises are not solved: many graduates do not work in their speciality. In order to retain specialists in rural areas, it is necessary to develop the social infrastructure in rural areas (schools, hospitals, clubs) and to make efforts to restore the prestige of agriculture as a whole.

Keywords: vocational orientation, agricultural university, agronomy, veterinary medicine

For citation: Shevchenko, I.O. (2023), "Vocational orientation in agricultural universities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 246–254, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-246-254

Введение

Под профессиональной ориентацией понимается система научно обоснованных мероприятий, направленных на помощь человеку в выборе профессии, профессиональном самоопределении и трудоустройстве с учетом особенностей личности и социально-экономической ситуации на рынке труда [Сергеев 2023]. Иными словами, профориентация – это система мероприятий по выявлению того, что может и хочет личность в профессиональном плане, и мероприятия по профориентации исходят из интересов личности.

Профориентация начинается в школе. В настоящее время проблемам выбора профессии придается серьезное значение, вплоть до принятия решений на государственном уровне:

С целью решения задач по развитию экономики и укреплению технологического суверенитета Российской Федерации Минпросвещения России с 1 сентября 2023 г. внедряет в образовательных организациях, реализующих основные общеобразовательные программы... Единую модель профессиональной ориентации – профориентационный минимум¹.

Согласно экспертным оценкам, глобально существуют три модели профориентации: традиционная, индустриальная, постиндустриальная [Сергеев 2021]. Традиционная модель – это когда выбора, по большому счету, нет: сын кузнеца становится только кузнецом. В России это до сих пор кое-где существует. Например, в моногородах, где работу можно найти только на градообразующем предприятии. Или когда родители говорят: «У нас вся семья работает в полиции, значит, и тебе туда надо», и другие варианты даже не рассматриваются. Индустриальная модель профориентации – это когда человек выбирает из множества профессий и соотносит выбор со своими склонностями. Эта модель была распространена в XX в., до сих пор во многих странах она ключевая. В Германии, Швейцарии, Австрии, например, она хорошо работает. Постиндустриальная модель – это когда профессий как таковых нет, но есть человек со своими особенностями, на базе которых можно сформировать сложносочиненные компетенции и придумать на их основе уникальную профессию. Это большой вызов для профконсультантов, когда нужно не профессию порекомендовать, а сформулировать сложную компетенцию и подумать, где она может быть востребована. Данные специалистов по профориентации пару лет назад продемонстрировали, что выборов по индустриальной модели становится меньше, она сужается, а постиндустриальная и традиционная, наоборот, расширяются².

¹ Письмо Министерства просвещения РФ от 1 июня 2023 г. № АБ-2324/05 «О внедрении Единой модели профессиональной ориентации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406995316/> (дата обращения 15 июля 2023).

² Мы, профориентологи, тоже в каком-то смысле про развивающее обучение // Skillbox Media. Образование 4.0. URL: <https://skillbox.ru/media/education/interview-kirill-kuznetsov/> (дата обращения 15 июля 2023).

Сельскохозяйственные профессии – агрономы, ветеринары и др. – относятся к группе профессий «человек–природа» и предполагают работу в сельской местности в тесном взаимодействии с растениями или животными. Не всякий человек способен к такой деятельности, он должен любить природу, обладать глубокими знаниями в растениеводстве, животноводстве и, кроме того, обладать специфическими качествами: выносливостью, наблюдательностью, внимательностью [Тощенко 2022]. Кроме того, проживание в селе (деревне) предполагает сельский образ жизни, к которому горожанин может оказаться непривычным/не готовым. Поэтому с большей вероятностью останется работать на селе или вернется в село после получения образования местный житель, выходец из этих мест. Воспроизводство традиционной модели выбора профессии – как у родителей – в сельских семьях имеет большую вероятность. Или же выбор осуществляется подрастающим человеком самостоятельно, осознанно, но с желанием остаться на родине и заниматься сельскохозяйственным трудом. Мероприятия по профессиональной ориентации будут успешными при учете особенностей сельскохозяйственных профессий.

Отбор сельскохозяйственных вузов для исследования профориентации

Сельскохозяйственные вузы решают тотальную для всех регионов проблему дефицита квалифицированных кадров в сельском хозяйстве, который особенно заметен в базовых профессиях – агрономы, ветеринары. Однако условия у всех вузов разные, и связано это не только с разными возможностями материального обеспечения учебного процесса, но и с ролью сельского хозяйства в регионе.

Всего в России 150 вузов с сельскохозяйственными специальностями (большая часть – аграрные вузы, и в части университетов есть с соответствующим профилем подготовки). С одной стороны, направление «Сельское и рыбное хозяйство» стабильно держится на четвертом месте в рейтинге зачисления студентов, следуя за лидерами приема – «Здравоохранением», «Информатикой» и «Образованием». С другой стороны, «в обществе сформировался стереотип, что сельское хозяйство – это тяжелый труд с применением тяжелой и устаревшей техники и технологий, и, как следствие, снижается общее количество обучающихся в аграрных вузах. Численность бюджетных студентов за последние 30 лет сократилась с 261 тыс. до 165 тыс., то есть практически в 1,5 раза. Отмечается низкий балл ЕГЭ – если в Московской государственной академии

ветеринарной медицины он достигает 71 балла, то в Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии – 49 баллов. Мы видим уменьшение численности научно-педагогических работников – за последние 10 лет практически в два раза, удельный вес молодых работников до 40 лет составляет только 15,7%»³, – указывают эксперты.

Отдельного рейтинга аграрных вузов не существует. В любом случае лучшие еще можно назвать, а худшие – нет. Специфика сельского хозяйства в разных регионах существенно различается, вузы ориентируются на местные кадры и местные предприятия. Там, где сильное машиностроение, будет развита агроинженерия (механизация и автоматизация сельского хозяйства), соответственно, будет больше сильных абитуриентов и выпускников с более высокой зарплатой. Где развито химическое производство – будет специализация «агрехимия». А где-то больше животноводства, поэтому более развиты ветеринария и санитарно-ветеринарная экспертиза.

Отбор вузов для исследования осуществлялся таким образом: было взято пять сильных, согласно Национальному агрегированному рейтингу, российских вузов (сайт Минсельхоза) и Ветеринарная академия им. Скрябина как флагман, три средних и пять слабых, точнее, пять вузов «снизу» по численности набора (не факт, что худшие, просто специальностей у них меньше и ресурсов, соответственно, тоже).

В первую сотню рейтинга вошли пять сельскохозяйственных вузов: 1) Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева; 2) Ставропольский государственный аграрный университет; 3) Башкирский государственный аграрный университет; 4) Уральский государственный аграрный университет; 5) Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова.

Было принято решение считать лучшими эти пять специализированных сельскохозяйственных вузов, не-аграрные университеты (где агроспециалисты – побочный продукт) в анализ не включать.

Из вузов-«среднячков» были взяты: Красноярский государственный аграрный университет, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Донской государственный аграрный университет.

³Эксперт: Численность бюджетных студентов в аграрных вузах РФ... // Агентство городских новостей. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3016927> (дата обращения 10 июля 2023).

Из слабых (малочисленных) вузов было отобрано пять: Дагестанский ГАУ им. М.М. Джамбулатова, Вятский государственный агротехнологический университет, Приморская государственная сельскохозяйственная академия, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Ярославская государственная сельскохозяйственная академия.

Рейтинг сельхозвузов в самих регионах отражает степень престижности профессий аграрного сектора на фоне других профессиональных сфер деятельности региона. Так, в Смоленске СГСХА находится на 6-м месте из 9, в Махачкале Дагестанский ГАУ – на 7-м из 13, в Ростове-на-Дону Донской ГАУ – на 9-м из 19, Омский ГАУ – на 4-м из 19, Красноярский – 3-м из 14. Но рейтинг, составленный независимым агентством по баллам ЕГЭ, лишь косвенно отражает мотивированность абитуриентов. В любом вузе найдутся как целеустремленные, так и «случайные» студенты.

Факультет среднего профессионального образования (или техникум как структурное подразделение) есть в каждом крупном аграрном вузе. Со студентами СПО вузы также проводят профориентационную работу, но с точки зрения перспективы получения высшего образования школьники более перспективны, поскольку сдают ЕГЭ в обязательном порядке.

Профориентация в сельскохозяйственных вузах

Для анализа состояния профориентации в конкретных вузах были использованы следующие методы исследования: 1) контент-анализ сайтов вуза (качественный, содержание работы и мероприятия); 2) подсчет количества упоминаний в СМИ по ключевым словам: «профориентация», «агроклассы», «день открытых дверей», «олимпиады», «конкурсы для школьников», «ярмарка профессий»; 3) изучение научной литературы, статей в специализированных журналах и на профильных порталах.

В результате проведенного исследования были выявлены основные мероприятия по привлечению школьников, которые проводят все аграрные вузы: 1) Дни открытых дверей университета; 2) посещение школ города и, что важнее – районных центров своей области с информированием о вузе, мастер-классами преподавателей и студентов и др.; 3) участие в межвузовских профориентационных мероприятиях: ярмарке специальностей (варианты: ярмарке учебных мест, фестивале профессий «Мир профессий» и др.), организация экскурсий, выставок, «Уни-

верситетских суббот», «Профи-дебютов», и др.; 4) организация работы курсов подготовки учащихся к вступительным испытаниям; 5) сотрудничество с городским центром профориентации для школьников, организация квестов и прочих завлекательных мероприятий; 6) информирование в СМИ, а также посредством блога в соцсетях.

Более *продвинутые вузы* к вышеупомянутым формам работы добавляют: 1) создание профильных аграрных классов («Агроклассов») в базовых школах, межшкольных образовательных центрах, а также с проведением части занятий в лабораториях вузов и в онлайн-режиме. Проводятся слеты выпускников агроклассов; 2) участие преподавателей университета в научных проектах школьников, экспертно-консультативное обеспечение учителей школ по повышению эффективности проектно-исследовательской работы в рамках актуальных для вуза направлений; 3) организацию и проведение Всероссийской научно-практической конференции «На пути к познанию» (входит в федеральный перечень мероприятий); 4) организацию и проведение чемпионатов и конкурсов «Молодые профессионалы», «Юннат», «Молодые таланты», “VetSkills”, «АгроНТИ» (проект Национальной Технологической Инициативы) среди учащихся сел и малых городов; 5) организацию и проведение регионального этапа Всероссийской олимпиады для школьников по профильным предметам (биология, физика, химия); 6) организацию и проведение тематических образовательных интенсивов для школьников во время каникул на выезде.

Далеко не каждый вуз ведет активную профориентационную работу, о чем свидетельствует степень насыщенности информационного пространства. *Прежде всего вуз, заинтересованный в привлечении школьников, определяется по наличию программы профориентационной деятельности на сайте вуза, а также по количеству актуальных откликов в СМИ на ту или иную профориентационную акцию вуза.*

Из 14 обследованных вузов такую развернутую программу на своем сайте имеют РГАУ-МСХА, Уральский и Смоленский вузы. О профориентационных мероприятиях для школьников Дагестанского ГАУ информации мало даже в прессе, и та в основном про общение руководства вуза с руководством районов. Также мало в Интернете таких сообщений о Саратовском и Ставропольском вузах, несмотря на развитую агроиндустрию в данных регионах.

Выводы

Аграрные вузы прилагают много усилий, чтобы привлечь абитуриентов, и в целом им это удается, хотя конкурсы при поступлении на сельскохозяйственные специальности невысокие.

Но в результате кадровые проблемы сельского хозяйства не решаются: многие выпускники не работают по специальности. Проблема закрепления специалистов на селе лежит в другой плоскости – необходимы воссоздание социальной инфраструктуры на селе (школы, больницы, клубы и т. д.) и работа по повышению престижа сельского хозяйства как отрасли.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)».

Acknowledgments

Done within the framework of State Assignment No. 1021091313151-0-5.4.1 “Social Factors of Labor Productivity: Status, Issues, Solutions (FSZG-2022-0001)”.

Литература

- Сергеев 2021 – *Сергеев И.С.* Влияние социокультурного уклада семьи на профессиональное самоопределение детей и подростков // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1. С. 115–130. DOI: 10.24412/2307-4264-2021-01-115-130.
- Сергеев 2023 – *Сергеев И.С.* Образовательная профориентация – методологическая основа профориентационной работы с детьми и молодежью // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 1. С. 24–44. DOI: 10.52944/PORT.2023.52.1.002.
- Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76. DOI: 10.31857/S013216250019104-7.

References

- Sergeev, I.S. (2021), “Influence of the socio-cultural structure of the family on the professional self-determination of children and adolescents”, *Vocational Education and Labor Market*, no. 1, pp. 115–130, DOI: 10.24412/2307-4264-2021-01-115-130.
- Sergeev, I.S. (2023), “Educational career guidance – Methodological basis of professional orientation work with children and youth”, *Vocational Education and Labor Market*, vol. 11, no. 1, pp. 24–44, <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.52.1.002>.
- Toshchenko, Zh.T. (2022), “On professions classification. Socio-technological dimension (a methodological analysis)”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 66–76, DOI: 10.31857/S013216250019104-7.

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sheviren@yandex.ru

УДК 378(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266

Основные стратегии выбора вуза студентами в современной России

Елена А. Ирсетская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия, e.irs@rggu.ru*

Ольга В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olga_kitaitseva@rggu.ru*

Аннотация. В статье описаны стратегии, которые применяют молодые люди при выборе образовательного учреждения для получения высшего профессионального образования: стратегия, учитывающая престижность вуза; стратегия, опирающаяся на рекомендации ближнего окружения и стратегия случайного выбора вуза.

На основании результатов ежегодного мониторинга «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН, выявлены статистически значимые ценностные детерминанты, которые влияют на следование современными российскими студентами каждой из описанных стратегий. Дана характеристика ценностного профиля каждой группы студентов в соответствии с выбранной ими стратегией.

Ключевые слова: социология образования, образовательные стратегии, выбор вуза, студенческая молодежь

Для цитирования: Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Основные стратегии выбора вуза студентами в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 255–266. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266

Basic strategies for choosing a university for students in modern Russia

Elena A. Irsetskaya

*Russian State University for the Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, e.irs@rggu.ru*

Olga V. Kitaitseva

*Russian State University for the Humanities,
olga_kitaitseva@rggu.ru*

Abstract. The article describes the strategies that young people use when they choose an educational institution to receive higher professional education: a strategy that takes into account the prestige of the university; a strategy based on recommendations from the nearest environment and a strategy for randomly selecting a university.

Based on the results of the annual monitoring “Students of Russia: civic culture and life strategies” conducted by the Center for Political Science of the ISPR FSRC RAS, statistically significant value determinants were identified that influence the adherence of modern Russian students to each of the described strategies. The characteristics of the value profile of each group of students are given in accordance with their chosen strategy.

Keywords: sociology of education, educational strategies, choice of university, student youth

For citation: Irsetskaya, E.A. and Kitaitseva, O.V. (2023), “Basic strategies for choosing a university for students in modern Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 255–266, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-255-266

Введение

В современном социологическом знании вопросы планирования карьеры студентами, а также анализ возможных путей профессиональной реализации для молодежи приобретает все большую актуальность. Решение, принимаемое абитуриентом при выборе того или иного образовательного учреждения, во многом определяет дальнейшее будущее молодого человека. Современный рынок образовательных услуг предлагает широкие возможности для удовлетворения практически любых образовательных предпочтений. Процесс выбора абитуриентом вуза отражает реал-

лизацию его запросов, а также набора мотивационных факторов, которые могут быть объединены соответствующей стратегией в процессе принятия решения о поступлении в соответствующий университет.

Выявление образовательных запросов – значимая задача для современных вузов, в первую очередь в связи с возрастающей конкуренцией на рынке образовательных услуг, а также в связи с текущими изменениями института высшего образования в целом. Многие эксперты отмечают усиление так называемой косвенной конкуренции между университетами, что вызвано формированием новых инструментов, позволяющих сравнивать вузы. В XXI в. появилась возможность получить оценку сравнения вузов на основе объективных показателей, что во многом позволило сделать большой шаг вперед на пути преодоления неверифицируемых данных об эффективности вузов, основанных на сторонних или внутренних оценках его деятельности. Сегодня идет процесс институционализации и закрепления подобной социальной практики, на которую опирается абитуриент при выборе вуза, имея возможность получить информацию о рейтинге университета и публикационной активности через базы данных публикаций их цитирования, таких как “Web of Science” и “Scopus”¹.

Рейтинги вузов являются ориентиром в процессе образовательного выбора студентами. Так, ректор МГУ В. Садовничий обращается в своих выступлениях к вузам с призывом присоединяться к московскому международному рейтингу «Три миссии университета», что будет способствовать получению оценки вуза исключительно на основании объективных показателей, на которые не влияет политическая конъюнктура.

Отталкиваясь от рейтингов, вузы и государственные органы управления задают стратегические цели и оценивают успешность их реализации. Рейтинги влияют на выбор университета студентами и профессорами и на выбор потенциальных партнеров для международного сотрудничества².

¹Глобальная конкуренция за таланты // Официальный сайт Российского совета по международным делам. 2017. 6 марта. URL: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnaya-konkurenciya-zalantany/?sphrase_id=103295802. (дата обращения 24 августа 2023).

²Герасимова Е. Университетам по-прежнему нужны соревнования // Независимая газета. 2023. 2 авг. URL: https://www.ng.ru/education/2023-08-02/8_8789_competition.html. (дата обращения 5 августа 2023).

Для изучения образовательных потребностей в выборе студентами вуза обратимся к основаниям теоретико-поведенческой социологии, которая дает нам возможность подойти к анализу индивидуального поведения студента через влияющие на него факторы социальной природы, а также выявить групповые стратегии и выделить типовые группы студенческой молодежи в процессе выбора вуза, отличающиеся доминирующими мотивационными трендами, на которые опирается молодой человек. «Социальное поведение – система действий, обусловленная, по М. Веберу, смыслами, посредством которых социальный субъект (личность или группа) участвует в социальных отношениях» [Скалабан и др. 2020].

В данной работе мы будем анализировать, в первую очередь, складывающиеся взаимодействия между студентом как социальным субъектом, который обладает определенными образовательными потребностями, и университетом, предлагающим образовательные услуги, как актор образовательного рынка. Образовательная стратегия, которую выбирает студент, является частью его жизненной стратегии и формируется в процессе взаимодействия с университетом.

Проблемы изучения мотивации студентов при выборе вуза, а также использование мотивирующих факторов как способа улучшения учебно-образовательного процесса отражены в работах таких исследователей, как М.Ю. Кузьминов, С.Н. Курилов, Е.А. Вощуковой и др. [Курилов, Кузьминов 2017; Вощукова 2017].

Среди авторов, исследовавших проблему выбора образовательных стратегий, отметим работы А.И. Голубева, Д.Л. Константиновского, Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чередниченко, В.С. Куракиной [Голубев 2015; Константиновский и др. 2011].

Вопросу анализа профориентации как системного подхода при выборе образовательного учреждения, использующего комплексные методы, осуществляемые образовательными организациями в процессе работы с молодежью, посвящены работы Э.Б. Аваковой, С.С. Бразевич, А.А. Кузнецова, Я.В. Дидковской, Г.А. Чередниченко и других [Авакова и др. 2019].

Описание стратегий выбора высшего учебного заведения молодежью в зависимости от степени его селективности, а также особенностей реализации процесса подготовки к поступлению в вуз содержатся в работах Г.В. Андрущак, И.А. Прахова, М.М. Юдкевич и других³.

³ *Андрущак Г.В., Прахов И.А., Юдкевич М.М.* Стратегии выбора высшего учебного заведения и подготовки к поступлению в вуз (Проект «Образовательные стратегии абитуриентов»): Информационный бюллетень. М.: Вершина, 2008.

Образовательные стратегии выбора вуза

На основе социологического исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии»⁴, проведенного Центром политологии ИСПИ ФНАСЦ РАН в январе-феврале 2022 г. в пяти регионах РФ, авторам представляется возможным провести анализ и выявить образовательные стратегии, которым следовали студенты, выбирая тот или иной вуз, где они обучаются. На основе согласий или несогласий с 14-ю суждениями, высказанными в вопросе «Кто и что повлияли на решение обучаться в том вузе, где Вы учитесь?», оцените утверждения по шкале от 1 до 5, где 1 означает полное несогласие, а 5 – абсолютное согласие. Авторами проведен разведывательный факторный анализ методом главных компонент и вращения методом Varimax.

Было выделено три фактора (объясняющие 48,9% общей дисперсии), позволяющие сгруппировать исходные 14 суждений в три блока, которые в свою очередь могут быть проинтерпретированы как три различных образовательных стратегии выбора вуза. Далее для измерения степени приверженности студентов каждой из трех стратегий были сконструированы индексы. Их значения вычислялись как средний балл по суждениям, имевшим наибольшие факторные нагрузки по каждому из трех выделенных факторов. Факторные нагрузки исходных переменных были не менее 0,578.

Первый индекс «Престижность вуза» объединил следующие альтернативы, которые оценивали респонденты при ответе на вопрос «Кто и что повлияли на решение обучаться в том вузе, где Вы учитесь?»: его репутация как передового вуза; соответствовало моим представлениям о современном учебном процессе.

Второй индекс «Рекомендации ближнего окружения». Сюда вошли следующие суждения: рекомендовали родители; посоветовали учителя; личный пример знакомых, родственников, обучающихся (обучавшихся) в данном вузе; семейные традиции, в нем работают мои родственники.

⁴Выборка целевая, квотирована по направлениям подготовки и уровням образования. В выборку вошли студенты федеральных вузов, Национальных исследовательских университетов и региональных вузов, проходящих обучение в рамках бакалавриата, специалитета и в магистратуре по основным укрупненным направлениям подготовки. Сбор данных проводился на платформе Google forms с помощью стандартизованного бланка анкеты. Объем выборочной совокупности после ремонта выборки составил 522 человека, из них по Москве – 214 человек.

Третий индекс «Случайное поступление» включает такие суждения, как: относительно легко было поступить в учебное заведение по интересующему меня направлению; случайное стечение обстоятельств (наугад: «авось будет неплохо»).

Выводы о специфике каждой из трех стратегий были сделаны на основании регрессионного анализа, детерминанты для которого выделялись на основе корреляционного анализа и анализа средних значений. Выделенные детерминанты были взяты из таких групп, как социально-демографические характеристики, регион проживания, жизненные ценности (на основании степени важности для респондента оценочных суждений в вопросе: «Люди по-разному оценивают, что для них в жизни наиболее важно. Что из перечисленного ниже важно для Вас лично?»), а также ценность высшего образования (на основании степени значимости для респондента оценочных суждений в вопросе: Определите, пожалуйста, чем является для Вас высшее образование. Оцените каждый из нижеизложенных постулатов – цифру от 1 до 10, согласно условию, что 1 равна самой низкой оценке, а 10 – самой высокой). В приведенных ниже таблицах представлены только значимые детерминанты.

Стратегия 1 *«Престижность вуза»*

Выяснилось, что для студентов, которым важен престиж вуза, свойственно ставить цель получить высокую профессиональную подготовку, они четко знают, чем хотят заниматься в жизни, и университетское образование является важным фактором на пути достижения их амбициозных целей.

На реализацию цели по выбору престижного и статусного вуза главным образом влияет желание достижения высокой должности, власти, возможности организовывать работу, распоряжаться и управлять другими. Также для таких ребят значимо добиться уважения со стороны коллег.

В целом такие студенты преимущественно хотят добиться уважения, статуса и власти в профессиональном поле. Они не склонны воспринимать учебу как тяжелую обязанность. И даже имея достаточно денег, чтобы в будущем не работать, они все равно хотели бы поступить в вуз и получить профессию.

Таблица 1

Значимые детерминанты стратегии «Престижность вуза»
при выборе направления обучения,
стандартизированные β -коэффициенты

Детерминанты	Стандартизированные β -коэффициенты
Наиболее значимая ценность в жизни – достижение высокой должности; власть, возможность организовывать работу, распоряжаться и управлять другими	0,122*
Наиболее значимая ценность в жизни – уважение к себе со стороны коллег, друзей	0,121*
Высшее образование – тяжелая обязанность.	-0,115**
Высшее образование – подготовка к профессиональной деятельности	0,196***

Примечание: скорректированный $R^2 = 10,5\%$.

*** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

Стратегия 2 «Рекомендации ближнего окружения»

Следующий индекс «Ближнее окружение» объединил студентов, которые придерживаются стратегии выбора вуза на основании рекомендаций и советов ближнего окружения. Было выявлено, что юноши чаще, чем девушки, склонны следовать данной стратегии. Также такой подход чаще близок не москвичам, чем москвичам.

Таблица 2

Значимые детерминанты
стратегии «Рекомендации ближнего окружения»
при выборе направления обучения,
стандартизированные β -коэффициенты

Детерминанты	Стандартизированные β -коэффициенты
Пол (М-1)	0,093*
Москвичи (1)	-0,118**
Наиболее значимая ценность в жизни – достижение высокой должности/власти, возможность организовывать работу, распоряжаться и управлять другими	0,122*
Наиболее значимая ценность в жизни – иметь круг общения, с кем приятно отдыхать, проводить свободное время	0,204***
Наиболее значимая ценность в жизни – моральное совершенство: честность, доброта, жизнь в соответствии с совестью	0,121*

Примечание: скорректированный $R^2 = 5,2\%$.

*** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

В целом можно отметить, что для приверженцев стратегии выбора вуза, учитывающих мнение ближнего круга общения, характерно желание достижения высокой должности и власти с возможностью организовывать работу других людей, учитывая принципы честности, доброты, жизни в соответствии с совестью, морального совершенства, а также формировать вокруг себя комфортный, доброжелательный круг общения, состоящий из людей, с которыми приятно отдыхать, проводить свободное время.

Стратегия 3 *«Случайное поступление»*

Также была выявлена стратегия поступления в вуз, когда студенты случайно, по стечению обстоятельств попадали на учебу в тот или иной вуз. При этом данная группа студентов не планировала

поступление в конкретный вуз заранее, и для этих ребят обстоятельства поступления во многом сложились неожиданным образом и носили случайный характер. Такую стратегию при выборе вуза описывает индекс «Случайное поступление».

Таблица 3

Значимые детерминанты стратегии
«Случайное поступление» при выборе направления обучения,
стандартизированные β -коэффициенты

Детерминанты	Стандартизированные β -коэффициенты
Высшее образование – бегство от взрослой жизни	0,104*
Высшее образование – стиль жизни	0,217***

Примечание: скорректированный $R^2 = 7,9\%$.

*** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$, * – $p < 0,05$.

Для студентов, которые реализуют такую стратегию выбора вуза, характерно восприятие обучения как стиля жизни. Они отмечают, что, будучи студентами, могут ежедневно делать то, на что у других редко появляется время или же его вообще нет. В статус студента они вкладывают смысл не получение знаний и подготовку к будущей специальности, а стиль жизни. Кроме того, для таких студентов учеба в университете – это «вечная молодость», которая позволяет убежать от ответственности взрослой жизни, а также отложить выполнение обязанностей, появляющихся у человека в связи с окончанием университета и вступлением во взрослую жизнь. Обучение в университете воспринимается как индульгенция, которая дает возможность никогда не стать взрослым.

Достаточно часто подобная стратегия реализуется на основании ресурсного потенциала результатов единого государственного экзамена. Выбор образовательной организации делается на основании того, что баллов ЕГЭ будет достаточно для поступления на бюджетную форму обучения или преодоления порога проходного балла в конкретный вуз.

Выводы

Выбор современными молодыми людьми образовательной организации для получения высшего образования во многом связан с тем местом, которое занимает высшее образование в системе ценностей молодых россиян. Согласно представленным данным, можно выделить три основные стратегии выбора студентами образовательного учреждения, которые определяются престижностью вуза, рекомендацией ближнего окружения студента и, наконец, случайным стечением обстоятельств, в результате которого молодой человек становится студентом образовательного учреждения.

Несмотря на то что большинство студентов при выборе вуза ориентируются на статус и престиж образовательного учреждения, конкретное направление подготовки, возможность реализации амбициозных жизненных задач, все же окончательный выбор вуза зависит от результата ЕГЭ и возможности поступления на бюджетную форму обучения, что в конечном итоге провоцирует стратегию случайного выбора вуза. Стратегия влияния ближнего круга окружения при выборе вуза не актуальна у современных россиян и выявляется чаще у молодых людей, окончивших школу в регионах. Результаты исследования могут быть использованы образовательными организациями для формирования образовательных программ с расширенными возможностями, соответствующими запросам целевой аудитории, что позволит привлечь в образовательную организацию наиболее мотивированных студентов.

Литература

- Авакова и др. 2019 – *Авакова Э.Б., Бразевич С.С., Кузнецов А.А.* Профессиональное самоопределение учащейся молодежи: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2019. № 3. С. 218–221.
- Вощукова 2017 – *Вощукова Е.А.* Опыт использования междисциплинарной интеграции для повышения мотивации к изучению физики // Дискуссия. 2017. № 6. С. 95–100.
- Голубев 2015 – *Голубев А.И.* Образовательные стратегии студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3. С. 99–101.
- Константиновский и др. 2011 – *Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердиченко Г.А., Хохлушкина Ф.А.* Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ЦСПиМ. 2011.

- Курилов, Кузьминов 2017 – *Курилов С.Н., Кузьминов М.Ю.* Выбор абитуриентами вуза: опыт исследования мотивов и факторов (на примере НИУ МЭИ) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 3. С. 88–98.
- Скалабан и др. 2020 – *Скалабан И.А., Осьмук Л.А., Колесова О.В., Черепанов Г.М.* Дороги старые и новые: образовательные стратегии российских абитуриентов в выборе университета обучения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 50–62.

References

- Avakova, E.B., Brazevich, S.S. and Kuznetsov, A.A. (2019), “Professional self-determination of studying youth. Sociological analysis”, *State and municipal management. Scientific notes*, no. 3, pp. 218–221.
- Golubev, A.I. (2015) Educational strategies of student youth // *Power and management in the East of Russia*. № 3.
- Golubev, A.I. (2015), “Educational strategies of student youth”, *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3, pp. 99–101.
- Konstantinovskiy, D.L., Voznesenskaya, E.D., Cherednichenko, G.A. and Khokhlushkina, F.A. et al. (2011), *Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы* [Education and life trajectories of youth. 1998–2008], TsSPiM, Moscow, Russia.
- Kurilov, S.N., Kuzminov, M.Yu. (2017), “How students choose a higher education institution: choice factors analysis: (Example: Moscow Power Engineering Institute)”, *Sociological science and social practice*, vol. 5, no. 3, pp. 88–98.
- Skalaban, I.A., Osmuk, L.A., Kolesova, O.V. and Cherepanov, G.M. (2020), “Roads old and new: educational strategies in university choice by Russian Studies”, *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 2, pp. 50–62.
- Voshchukova, E.A. (2017), “Experience in the use of interdisciplinary integration to improve motivation to learn physics”, *Discussion*, no. 6, pp. 95–100.

Информация об авторах

Елена А. Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; e.irs@rggu.ru.

Ольга В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga_kitaitseva@mail.ru

Information about the authors

Elena A. Irsetskaya, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miususkaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Financial university under the government of RF, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradsky Avenue, Moscow, Russia, 125167; e.irs@rggu.ru

Olga V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miususkaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kitaitseva@mail.ru

Социально-культурные реалии как объект социологического исследования

УДК 316:303.4

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-267-276

Что стоит на пути качества качественной социологии?

Валентина Ф. Левичева

АНО «Институт «Справедливый мир»», Москва, Россия,
levvf@mail.ru

Аннотация. Последние годы заметно увеличилось число исследований, выполненных в рамках качественной методологии. Возросло и количество публикаций, в которых данные, полученные с помощью качественных методов, дополняют, иллюстрируют количественные результаты. В статье показано, с какими рисками сталкивается социолог, поверхностно воспринимающий общий тезис о совместимости и взаимодополнительности количественных и качественных методов. Обсуждается проблема смешивания методов (mixed methods research). Описаны часто встречающиеся «узкие места» и погрешности в публикациях. Показано, что большие ресурсные возможности качественных данных дают дополнительные возможности обоснования и интерпретации результатов конкретных исследований лишь при соблюдении определенных методологических требований и условий.

Ключевые слова: качественная социология, верификация и интерпретация данных, интервью, достоверность результатов, сочетание количественных и качественных методов, стратегия смешивания методов

Для цитирования: Левичева В.Ф. Что стоит на пути качества качественной социологии? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 267–276. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-267-276

© Левичева В.Ф., 2023

What stands in the way of the quality of qualitative sociology?

Valentina F. Levicheva

A Just World Institute, Moscow, Russia, levvf@mail.ru

Abstract. In recent years, the number of studies performed completely within the bounds of the qualitative paradigm of sociology has noticeably increased. The number of publications in which data obtained using qualitative methods are complementary to, and illustrate, quantitative results has also increased. The article shows the risks faced by a sociologist who superficially perceives the general thesis about the compatibility and complementarity of quantitative and qualitative methods. The issue of the mixed methods research is discussed. The article describes frequently encountered “bottlenecks” and errors in publications. It is shown that large resource capabilities of qualitative data provide additional opportunities for substantiation and interpretation of the results of specific studies only if certain methodological requirements and conditions are met.

Keywords: qualitative sociology, data verification and interpretation, interviews, reliability of results, combination of quantitative and qualitative methods, mixed methods strategy

For citation: Levicheva, V.F. (2023), “What stands in the way of the quality of qualitative sociology?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 267–276, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-267-276

Введение

В настоящее время качественная парадигма является общепризнанной в зарубежной и отечественной социологии. Споры о самой принадлежности социологическому знанию результатов, полученных с помощью качественных методов, ушли в прошлое. Завершилась институционализация качественной социологии. Уже несколько поколений будущих социологов постигают азы качественной методологии с помощью университетских курсов. Набирает известность специализированный журнал социологов-качественников «Интеракция. Интервью. Интерпретация», на страницах которого недавно прошла коллективная дискуссия «Куда идет качественная методология» [Здравомыслова и др. 2022].

В стране сложилось несколько профессиональных групп и школ «качественников», обладающих богатым опытом эмпири-

ческих исследований. Именно в этой научной среде формируются внутриметодологические нормы и стандарты проведения качественных исследований и интерпретации их результатов. Однако за ее пределами социологи часто не учитывают контекстуальные и инструментальные тонкости получения и представления качественных данных, зависящие от используемых вариантов качественной эпистемологии.

Цель статьи – разобрать часто встречающиеся ошибки представления и анализа данных, полученных качественными методами, прежде всего с помощью глубинного интервью, и описать некоторые нормы и стандарты, допустимые и приемлемые в различном тематическом репертуаре социологических исследований, в которых используется стратегия смешивания методов. В основе анализ опубликованных статей в различных российских журналах, диссертационных текстов, а также рукописей, представленных на рецензирование редакциями журналов.

Источники качественных данных

Значительное внимание исследователей заслуживает описание процедуры обоснования отбора информантов. Именно их жизненный опыт – поведенческие практики, накопленные и осмысленные переживания, эмоции, взгляды, оценки и позиции, – отраженный и зафиксированный в текстах интервью, становится исходным материалом для анализа и концептуализации. Социальные маркеры, по которым отбираются информанты, должны соответствовать исходной цели исследования и решаемой проблеме. Подобные маркеры служат показателями «типичности» представителей изучаемых социальных групп и общностей, поэтому необходимо указывать основание для отбора при описании эмпирической базы исследования и после цитаты из интервью (допустимо указание не всех, а значимых для контекста маркеров). Хороший пример оформления – указание необходимых характеристик в отдельном приложении (в виде таблицы, например).

При описании исследования, проведенного с помощью метода глубинного интервью, многие пользуются привычным для социолога термином «выборка». При этом речь идет не о «теоретической выборке», которая формируется путем процедур насыщения качественных данных дополнительной информацией об изучаемом феномене с целью построения предварительной минитеории в стратегии Grounded theory [Семенова 2021, с. 111]. На наш взгляд, термин «отбор» предпочтителен, так как в нем заключено «зерно»

понимания ограниченной возможности обобщений, заложенной в основания методологии качественной социологии.

К сожалению, даже после более 30-летнего существования социологии как университетской учебной дисциплины встречается некорректное использование подсчетов результатов в процентах при 30–40 исходных интервью или прямое сравнение высказываний информантов с данными количественных опросов вне всяких методологических размышлений об основаниях корректности подобных сопоставлений.

Не стоит забывать, что вопрос о количестве собранных глубинных интервью касается не только трудоемкости их сбора или доступности информантов (что, конечно, свидетельствует об опытности, профессионализме, а иногда и удачливости социолога, сумевшего пробиться к тем, кого никакими количественными выборками не достать), а прежде всего проблемы *верификации и интерпретации данных*. Поэтому социолог должен быть крайне осторожен в обобщениях результатов интервью, собранных по сконструированному самим же исследователем лекалам, очерчивающим локальную социальную группу.

Исследование в рамках выделенного сегмента социальной реальности, с одной стороны, позволяет из «невидимого» делать «видимое», т. е. выявить существенно более глубокие социальные связи, формирующие жизненный опыт и мир информанта (то, что просто невозможно при анкетном опросе), а с другой – с неизбежностью ограничивает его, сдерживает социологические концептуализации.

В целом подобная локализация подхода, лимитирование границ анализа и интерпретации – органическая составляющая качественной методологии. Нередко именно она служит основанием упреков в «мелкотемье» и сегментарности исследований. Однако ограничение объема сырых данных вовсе не является сужением границ понимания общества, в котором мы живем здесь и сейчас. В этом смысле стратегии качественных исследований подобны «путешествиям» по разным социальным группам и общностям, т. е. пребыванию в тех социальных слоях (территориальных, профессиональных, статусных, творческих, возрастных, поколенческих, городских и сельских, этнических и конфессиональных и т. п.), знакомство с которыми, а тем более их изучение, невозможно в рамках профессиональной жизни конкретного социолога или даже целого социологического института. Качественная методология раздвигает личный жизненный опыт самого социолога, приоткрывая многообразную картину жизни современников, – тех разных людей, из жизней которых складывается общество. Она дает шанс

для анализа «внутреннего социального устройства», понимания многослойных, разнообразных, неформальных и часто несоизмеримых социальных практик, сплетение которых и есть наше общество. Таким образом мы приближаемся к достоверному знанию о нас, а не уходим от него, продуцируя фантомы и мифы.

Проблемы интерпретации качественных данных

Нетривиальной методологической проблемой является разделение и контаминация языковых конструкций респондента и социолога-интерпретатора. Информант, как правило, общается с интервьюером на языке обыденного общения с включением, возможно, каких-то опривыченных профессиональных или социально-средовых выражений. Чем более полно удастся зафиксировать в транскрипции особенности его речевого поведения, включая интонации и эмоциональные выделения, умолчания и пр., тем больше открываются возможности для исследователя-интерпретатора. Однако и подводных камней на этом этапе предостаточно. Довольно распространены случаи, когда социолог просто следует за своими информантами, избирательно пересказывая тексты интервью:

...исследования, основанные на интервью, порой просто воспроизводят собственные рассказы информантов, дополняя их (для отвода глаз) несколькими категориями социальной науки [Сильвермен 2019, с. 44].

Такое «буквалистское» прочтение, своего рода «обнуление» концептуальной интерпретации, приводит к искажениям данных, когда социолог просто не в состоянии отделить разные слои опыта, переживаний и рефлексивных пост-истолкований информантов, накладывая на них собственный натуралистичный, а на самом деле упрощающий, фильтр пересказа. В «тяжелых» случаях, которые подробно разбирает Д. Сильверман, происходит искажение собственно качественной стратегии исследования, тогда как «качественное исследование – не просто набор процедур, а аналитический проект, отличный от журнализма» [Здравомыслова и др. 2022, с. 50].

С другой стороны, концептуальная интерпретация качественных данных глубинных интервью, как правило, является *поливариантной* и связана с выбором социологом версии профессионального языка концептуализации. При интерпретации необходимо учитывать *высокие смысловые ресурсы качественных данных*, ко-

торые могут быть истолкованы с помощью различных языковых конструкций, теоретическая загруженность которых не всегда очевидна и может обладать разными смысловыми перспективами. Тем не менее именно подобная высокоресурсность качественных данных дает возможность добиться более глубокого понимания социальных феноменов, которым небезосновательно гордятся социологи-качественники. Поэтому в научных публикациях, сообщающих о результатах качественных исследований и претендующих на их достоверность, необходимо «приоткрывать» сырые данные, приводя не обрывки цитат (устраивающие автора статьи), а контекстуально целостные эпизоды из интервью (что не всегда, конечно, возможно, учитывая объем статьи). В диссертационных работах (как и в ВКР) предпочтительно включение в приложение наряду с гайдом хотя бы одной транскрипции интервью в полном объеме для демонстрации квалификационных компетенций.

Тем самым расширяются возможности выбора концептуальных перспектив интерпретации качественных данных и уточняются траектории триангуляционного поиска количественных данных, поддерживающих полученные результаты. В противном случае произвольно надерганные цитаты из интервью, сопровождающие столь же произвольно выбранные результаты количественных опросов (под видом вторичного анализа), оставляют впечатление авторской предвзятости или вообще выводят публикации из ряда научных.

Проблемы валидности качественного исследования

Как известно, качественная методология резко сужает возможности использования стандартизованных процедур исследования. Именно поэтому выбор стратегии проведения качественного исследования должен быть тщательно продуман и обоснован. Целеполагание качественного эмпирического исследования всегда строится на платформе своего рода «свидетельских показаний», «взгляда изнутри», позволяющей узнать: «как это складывается», «что за этим стоит для человека», «чем это является на самом деле». Отсюда – решение об уместности/неуместности использования глубинного интервью в конкретном проекте и в целом валидности качественного исследования.

Гибкость и чувствительность метода, резкое снижение исследовательской дистанционности между социологом и респондентом – решающие преимущества глубинного интервью по

сравнению с массовыми опросами, обеспечивающие получение новой, часто неожиданной информации. Вместе с тем сама полевая технология проведения интервью вносит те «возмущения» в сырые данные, которые невозможно игнорировать. К обучению студентов-социологов практическим навыкам проведения интервью, особенностям коммуникативных взаимодействий в ходе бесед и приемлемым поведенческим приемам, помогающим «раскрыться» информантам, надо относиться очень внимательно, заранее подчеркивая зависящие от них вербальные эффекты, которые могут оказаться в текстах интервью.

Крайне важными становятся компетенции в языках и словарях сообществ, которые мы исследуем, в эмоциональной стороне работы, расширении репертуара чувствительности и эмпатии, навыках владения телом и голосом [Здравомыслова и др. 2022, с. 25].

Тема языка крайне важна и для тех социологов, которые используют интервью с экспертами, чтобы подтвердить/опровергнуть/поставить под сомнение результаты количественных опросов, однако слабо разбираются в особенностях профессионального дискурса (и профессиональных практик в целом) своих информантов. Между тем подобная исследовательская небрежность ставит под сомнение общую совместимость качественных и количественных методов.

Использование разных технологий сбора качественной информации. Можно ли заменить в ходе исследования непосредственное общение онлайн-коммуникациями?

Вопрос о том, получили ли мы с новыми технологиями новые инструменты для повышения доверия и контроля над неизбежным субъективизмом исследователя-качественника, остается открытым [Здравомыслова и др. 2022, с. 27].

Интернет-технологии, с одной стороны, значительно упрощают и удешевляют исследование, с другой – онлайн-общение трансформирует эмоциональный контур интервью, снижает уровень взаимного доверия и может приводить к односложным и кратким ответам информанта.

Однако смешение в одном проекте разных форматов интервью (классических, непосредственных и опосредованных интернет-технологиями) важно оговаривать. Не во всех исследованиях это оправдано, а в ряде случаев неприемлемо. Поэтому необходимо указывать в описании исследования вариант используемой технологии сбора данных.

К новым исследовательским практикам относится и использование сетевых коммуникаций, всевозможных реплик и оценок из специально отобранных чатов, в которых общаются информанты. Такого рода информация может быть весьма полезной при исследовании острых конфликтных ситуаций в повседневной жизни людей. Например, при диагностике коммуникативных практик школьников, учителей и родителей в ситуации буллинга в школе, типичных претензий жителей к управляющим компаниям, резонансных случаев конфликтов в системе здравоохранения и т. п. Однако эти данные не могут быть произвольно выделены из конкретных ситуаций и столь же произвольно притянуты к интервью с учителями, жителями, врачами. Схематизируя исследование и жертвуя контекстами источников данных, их «внутренней начинкой», привязкой ко времени и обстоятельствам, социолог рискует не только утратой значительного массива информации, но и самой достоверности его результатов.

Несколько слов нужно сказать об ограниченных возможностях использования в социологических проектах опубликованных текстов интервью, проведенных журналистами, если эти тексты не являются отдельным предметом исследования. Если журналист приводит мнение какого-либо лица (госслужащего, ученого, предпринимателя и пр.), то это мнение может быть приведено в социологической статье с точной ссылкой. Сомнительно обращение с текстами журналистских интервью как с сырыми данными качественного исследования или использование их наряду и вместе с качественными данными. Важно понимать, что различаются не только целевые установки журналистских и социологических опросов, принципиальное значение имеет технология коммуникаций и обработка данных. Это же относится и к модулируемым мероприятиям, таким как пресс-конференции должностных лиц, пресс-подходы депутатов, данные пресс-служб корпораций и пр.

Проблема взаимодополнительности и совместимости качественных и количественных методов. К сожалению, стратегия смешивания методов (см., напр.: [Савинская и др. 2016]) недооценивается исследователями. Зачастую результаты качественных исследований используются лишь в качестве иллюстрации к интерпретации количественных данных. Совмещение в одном исследовательском проекте (в одной диссертации, в одной статье) количественных и качественных методов нуждается в специальном обосновании. Упрощенный подход, использующий качественные данные в качестве своего рода «оживляжа» количественных результатов, лишь имитирует взаимодополнительность методов и

служит, скорее, показателем тенденциозности и ангажированности исследователя.

О верифицируемости и достоверности результатов качественных исследований. Полученные данные должны быть корректно обработаны и представлены. Транскрипции глубинных интервью обеспечивают доступность (хотя бы и ограниченную) верификации предлагаемых интерпретаций и выводов. Они должны быть заархивированы, т. е. получить условное обозначение (год сбора, шифр (имя), номер), должна использоваться нумерация строк или страниц. Документированность транскрипции интервью означает также указание конкретных социальных маркеров из тех, на основе которых проходил отбор информантов. Именно эти маркеры следует указывать при введении цитаты из текста интервью или в скобках после нее.

Заключение

Практическая востребованность эмпирических качественных исследований в настоящее время только увеличивается. Сложилась целая область общественной жизни, информация о которой скудна и разрознена. Среди них: трудовая деятельность самозанятых, креативная индустрия, внутренние неформальные взаимодействия в государственных институциональных структурах и корпорациях, лоббистские транзакции групп интересов и др. Освоение качественной методологии и методов исследования существенно дополнило бы понимание внутренних механизмов, неформальных норм и правил, регулирующих социальные взаимодействия и поведенческие практики представителей различных социальных групп в нашем обществе.

Эта работа, как и формирование общей социологической исследовательской культуры, начинается со студенческой скамьи. Поэтому важно сформировать своего рода социологическую интуицию видения общества «изнутри», научить индуктивной «восходящей» траектории интерпретации полученных данных [Семенова 2021]. А главное – продемонстрировать студентам на их собственном опыте работы в качественном проекте все возможности, преимущества и ограничения использования качественных методов. В таком случае и оформление полученных результатов не будет казаться чем-то второстепенным и незначительным.

Литература

- Здравомыслова и др. 2022 – Здравомыслова Е.А., Ярская-Смирнова Е.Р., Омельченко Е.Л., Штейнберг И.Е. Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия // Интеракция, Интервью, Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 9–32.
- Савинская 2016 – Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.Ю., Круглова К.Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.
- Семенова 2021 – Семенова В.В. ИНТЕР-энциклопедия: Grounded theory. Устная история // Интеракция, Интервью, Интерпретация. 2021. Т. 13. № 1. С. 106–119.
- Сильвермен 2019 – Сильвермен Д. Что считать качественным исследованием? Предостерегающий комментарий // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 44–51.

References

- Savinskaya O.B., Istomina A.G., Larkina T.Y., Kruglova K.D. (2016), Conceptual ideas about the strategies of the “mixed methods research”. Stages of development and modern discussions, *Sociological Studies*, no. 8, pp. 21–29.
- Semenova, V.V. (2021), “INTER-Encyclopedia. Grounded Theory. Oral History”, *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 13, no 1, pp. 106–119.
- Silverman, D. (2019), “What Counts as Qualitative Research? Some Cautionary Comments”, *Sociological Studies*, no. 8, pp. 44–51.
- Zdravomyslova, E.A., Yarskaya-Smirnova, E.R., Omelchenko, E.L. and Shteynberg, I.E. (2022), “Where Does the Qualitative Methodology Go? Collective Discussion”, *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 14, no. 1, pp. 9–32.

Информация об авторе

Валентина Ф. Левичева, доктор философских наук, профессор, Институт «Справедливый мир», Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 32; levvf@mail.ru

Information about the author

Valentina F. Levicheva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, A Just World Institute, Moscow, Russia; bld. 32, Bolshaya Dmitrovka Street, Moscow, Russia, 107031; levvf@mail.ru

Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности

Лариса Н. Вдовиченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vdlarissa45@yandex.ru*

Аннотация. В современной политической ситуации возрастает роль политической культуры как важного фактора в процессе формирования общей гражданской идентичности. От этого зависит поддержание необходимой стабильности в обществе и сохранение его целостности. Статья посвящена изучению таких аспектов политической культуры, которые связаны с формированием общегражданской идентичности россиян. В последние годы наблюдаются некоторые изменения в приоритетах политической культуры россиян, сознание и жизнь которых подвергаются серьезным испытаниям, увеличивающим риски нестабильности. С одной стороны, это заставляет по-новому взглянуть на проблему их отношений с государством. От него ждут таких действий, которые помогают управлять ситуацией в важных сферах жизни, решать экономические, политические, социальные и другие важные вопросы. С другой стороны, эти изменения требуют активизации теоретических и практических исследований социологов изменений в политической культуре во взаимосвязи с процессом формирования общей гражданской идентичности. Этой цели посвящена данная статья. Представленный в ней материал продолжает авторское исследование современных тенденций в российской политической культуре в контексте текущей ситуации. Методы, использованные в исследовании, включают в том числе и вторичный анализ данных опросов некоторых социологических центров, таких как ВЦИОМ и др.

Ключевые слова: политическая культура, общегражданская идентичность, социальная стабильность, взаимосвязь политической культуры и социальной стабильности

Для цитирования: Вдовиченко Л.Н. Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 277–287. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-277-287

The role of political culture in the formation of a common civic identity

Larisa N. Vdovichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vdlarissa45@yandex.ru*

Abstract. In the current political situation, the role of political culture as an important factor in the process of forming a common civic identity is growing. Maintaining the necessary stability in society and keeping its integrity depends on it. The article deals with studying such aspects of political culture that are related to the formation of a common civil identity of Russians. In recent years, there have been some changes in the priorities of the political culture of Russians, whose consciousness and life are being seriously tested, increasing the risks of instability. On the one hand, it forces a fresh look at the issue of their relations with the state. It is expected to take such actions that help managing the situation in important areas of life, solve economic, political, social and other important issues. On the other hand, those changes require from sociologists the intensification of theoretical and practical research of changes in political culture in line with the process of forming a common civic identity. The article is dedicated to that goal. The material presented in it continues the author's study of modern trends in Russian political culture in the context of the current situation. The methods used in the study include, among other things, a secondary analysis of the survey data from some sociological centers, such as Russian Public Opinion Research Center, etc.

Keywords: political culture, common civic identity, social stability, relationship between political culture and social stability

For citation: Vdovichenko, L.N. (2023), "The role of political culture in the formation of a common civic identity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 277–287, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-277-287

Введение

Политическая культура изучается различными науками (политической социологией, социальной философией, политологией, культурологией и др.), каждая из которых имеет свой ракурс ее рассмотрения. Обычно под политической культурой понимается совокупность существующих в рамках определенной политической системы норм, традиций, ценностей, ориентаций, навыков

и стереотипов политического поведения¹. Политическая культура – это, с одной стороны, исторический опыт, «память» социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, проявляющаяся в их знаниях, чувствах, оценках политики и ее участников. А с другой стороны, существующие в настоящее время побудительные мотивы к определенному политическому поведению различных участников политических отношений (отдельных людей, их групп, организаций, государственных институтов). Историческая составляющая политической культуры в обобщенном, преобразованном виде содержит знания, впечатления и предпочтения людей в сфере внутренней и внешней политики. На формирование политической культуры людей оказывает влияние как общая культура, так и политическая система, в рамках которой формируются их взгляды и навыки политического поведения.

Современное понимание политической культуры в социологии. Термин «политическая культура» вошел в систему социологических понятий в 60-е гг. XX в. с работами американских социологов Г. Алмонда и С. Вербы. Они понимали политическую культуру как особый тип ориентаций на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы [Алмонд, Верба 1992]. Политическую культуру за рубежом также изучали А. Боднар, Ф. Бро, Л. Пай, В. Розенбаум, Л. Халман, С. Хантингтон, Р.-Ж. Шварценберг, П. Эстер и др. К первым российским исследователям политической культуры можно отнести Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, Э.Я. Баталова, В.Р. Иванова, М.М. Назарова, Ю.С. Пивоварова, В.О. Рукавишникова и других. Попытки осмыслить отдельные проблемы предпринимались также В.Н. Ивановым, В.О., Е.Б. Шестопал, Ю.В. Ирхиным и другими. В их работах рассматривались как современные западные концепции политической культуры, так и анализировались проблемы политической культуры в России.

Важной характеристикой политической культуры конкретного общества является степень ее гомогенности или однородности. Среди причин, вызывающих ее неоднородность, – гетерогенность – можно назвать социальную полярность гражданского общества и неоднородность участников политических процессов. Они порождают широкий разброс интересов и ориентаций различных социальных групп и личностей, которые, в свою очередь, по-разному формируют их политическую культуру.

¹Вдовиченко Л.Н. Политическая социализация // Политическая социология: Учеб. для академического бакалавриата / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Юрайт, 2018. С. 441.

Удовлетворенность государственной политикой – не менее важный показатель политической культуры. В конце 2022 г. было исследовано всероссийское общественное мнение и выявлены показатели удовлетворенности внешней и внутренней политикой². Внешней политикой были в среднем удовлетворены 59% россиян. Пик пришелся на март–апрель 2022 г. (63–64%), а расчетный индекс за этот период составил 61 пункт. В последующие месяцы доля положительных оценок колебалась в диапазоне от 57 до 61%. Однако к концу года, в ноябре, значения вновь вернулись к январским (54 vs. 52% соответственно). Индекс удовлетворенности внешней политикой опустился в сравнении с весенними показателями на 10 пунктов (ноябрь 2022 г. – 51 п.). Но он был выше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (ноябрь 2021 г. – 45 п.). Более ощутимые положительные изменения наблюдались в отношении внутренней политики. Показатель значительно вырос в феврале и в марте 2022 г. Если в январе внутренней политикой были удовлетворены меньше трети россиян (30%), то к середине года – уже каждый второй (48% в июле). В сентябре расчетный индекс достиг годового максимума (56 пунктов), вдвое превысив январские значения (28 пунктов). Индексы удовлетворенности политикой показывают, насколько россияне в целом согласны с курсом внутренней и внешней политики властей страны.

Политическая культура основывается не только на знаниях людей о внутренней и внешней политике, но и на оценках деятельности политиков и политических партий. Данные одного из последних исследований общественного мнения в 80 регионах РФ³ выявили, что показатель одобрения деятельности президента в августе 2023 г. составил 73,6%, уровень положительной оценки работы премьер-министра – 50,7%, а деятельности всего Правительства России – 48,0%. На прямой вопрос о доверии Владимиру Путину положительно ответили 77,6% респондентов, Михаилу Мишустину – 60,2%. На этом фоне контрастировали оценки доверия со стороны россиян другим политикам – лидерам парламентских

²ВЦИОМ 2022. Аналитический обзор: Итоги года – 2022: политика. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/TASS_39562871.jpg (дата обращения 2 октября 2023).

³ВЦИОМ 2023. Аналитический обзор: Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reit- ingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-01092023#> (дата обращения 2 октября 2023).

партий. В частности, уровень поддержки партии «Единая Россия» составил 37,7%, КПРФ – 10,4%, ЛДПР – 9,2%, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» – 4,9% и «Новые люди» – 4,5%.

Эти данные свидетельствуют о неоднородности политической культуры в современной России. Дифференциация политических культур вплоть до их поляризации вытекает из социальных, национальных, региональных, общекультурных и других различий участников политических процессов. Поляризованные политические культуры отличаются несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности, отсутствием согласия относительно целей общественного развития. Анализ социологической информации показал, что в российском обществе возросло разнообразие политических ориентаций и политических убеждений. Современная российская политическая культура имеет сложносоставной, гетерогенный характер. Для нее характерно наличие различных политических ценностей: державнических, авторитарных, консервативных, либерально-демократических, социалистических, коммунистических, националистических и др. Наряду с доминирующей и официальной политической культурой в современной России имеется множество субкультур: этно-национальных, региональных, местно-территориальных, социальных, половозрастных (например, молодежных субкультур).

Понимание общей гражданской идентичности

В Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. с внесенными в нее изменениями (в 2018 г.) общероссийская гражданская идентичность понимается как осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, приверженность базовым ценностям российского общества.

Общегражданская идентичность должна включать в себя представления о многонациональном характере российского населения, социальной и исторической общности входящих в него народов. Общегражданская идентичность выступает основой группового самосознания, объединяет население страны и является важным фактором обеспечения общественной стабильности и патриотизма, выражающегося в готовности работать на благо своей страны и отстаивать ее интересы.

В августе 2023 г. ВЦИОМ провел всероссийское исследование общественного мнения, как россияне относятся к России, данные

которого отражают их гражданскую идентификацию с ней⁴. Для этого гражданам России задавалось несколько вопросов. В частности, считают ли они Россию лучше других стран. С этим утверждением сейчас согласны шесть из десяти россиян (57%), за пять лет показатель вырос на 5%. (2018 г. – 52%). Не согласны с этим треть опрошенных сограждан (32%, уменьшение на 8% к 2018 г.), каждый десятый не ответил на этот вопрос (10%, +5% к 2018 г.).

Как можно охарактеризовать россиянина, который согласен с тем, что Россия лучше других стран? Это чаще всего женщина (59% опрошенных в сравнении с 53% среди мужчин), старше 60 лет (74%), с хорошим материальным положением (66%), проживающая в селе (66%), предпочитающая смотреть телевизор (78%). Иными характеристиками обладает россиянин, который не согласен с тем, что Россия лучше других стран. Это чаще всего мужчина (35% респондентов по сравнению с 30% среди женщин), до 25 лет (57%) или 35–44 лет (44%), с незаконченным высшим или высшим образованием (41%), с плохим материальным положением (43%), житель Москвы или Санкт-Петербурга (45%), активный пользователь Интернета (47%).

Второй вопрос касался поддержки России. Больше половины россиян сегодня согласны с тем, что патриоты всегда должны поддерживать Россию, даже если она не права – 55%, не согласен с этим утверждением каждый третий – 36%. В 2018 г. мнения разделялись практически также: 54% поддержали тезис, 40% не поддержали.

Основные различия в ответах на эти вопросы носят поколенческий характер. Чем старше россияне, тем чаще они соглашались с этими утверждениями. В старших возрастных когортах согласие выражают 67% опрошенных, что в три раза выше, чем у молодежи до 25 лет (21%).

Таким образом, можно предположить, что общегражданская идентичность по-разному проявляет себя в различных возрастных группах россиян. Например, каждый третий в старшей когорте (60+) соглашается с тезисами о России как лучшей стране и о патриотизме – 36% (для сравнения, всего лишь 21% среди всех россиян и 9% в группе 18–24 лет), а среди молодежи до 25 лет каждый третий не согласился ни с одним из этих высказываний – 34% (по сравнению с 20% несогласных среди всех россиян и 10% в группе 60+).

Возрастным водоразделом между уровнями самоидентичности с Россией и изменением взглядов на нее предположительно

⁴ВЦИОМ 2023. Аналитический обзор: Россияне – о России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii> (дата обращения 2 октября 2023).

является возраст 45 лет. Эти поколенческие различия, возможно, связаны с тем, что становление граждан моложе 45 лет проходило уже в постсоветский период, а политическая социализация граждан старше 45 лет осуществлялась в советское время. Поэтому и гражданскую идентичность они оценивают по-своему.

Формированию общих ценностей и целей развития российского общества может способствовать современная политическая культура. Политические ориентации, ценности и установки, являясь важной частью политической культуры, стимулируют людей к конкретным действиям по защите интересов страны. Важно, чтобы информация о таких действиях регулярно и адекватно освещалась в средствах массовой информации.

Участие в таких действиях характеризует не только уровень развития общегражданской идентичности, но и осмысленности, глубины понимания и практического воплощения политической культуры. В конечном счете общегражданская идентичность проявляется через участие людей в реализации политических решений, как на федеральном и региональном уровнях, так и в органах местного самоуправления. Неслучайно академик В.А. Тишков писал об общей для граждан нашей страны идентичности как о «государственно-территориальной, политико-правовой общности на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-нравственных характеристик» [Тишков 2009, с. 108]. Российские социологи, проводящие исследования общегражданской идентичности, чаще всего под ней понимают комплекс разделяемых представлений, образов, конструируемых в процессе социализации институтами общества, государства, семьей, сферой образования, СМИ, интернет-ресурсами [Дробижева, Рыжова 2021, с. 42].

По результатам эмпирических исследований были выделены факторы, которые, по мнению российских респондентов, в наибольшей степени обеспечивают общегражданскую идентичность. Их иногда называют консолидаторами. В ходе опросов, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН и ВЦИОМ с 2018 по 2022 г., респондентов просили назвать, что их больше всего объединяет со всеми гражданами России. Полученные результаты дали основания выделить пять основных консолидирующих факторов, набравших наибольший процент ответов. К ним были отнесены прежде всего общее государство – 56%, русский язык – 46%, родная земля (общая территория проживания) – 40%, историческое прошлое – 38%, культура – 34%. В интервью с экспертами в регионах присутствовали такие нарративы, обосновывающие ведущую роль государства:

...это признание себя равноправными гражданами (специалист в сфере межэтнических отношений, г. Москва);

Государство люди видят объединяющим потому, что они живут по законам этого государства (специалист-эксперт в области права, г. Москва) [Дробижева, Рыжова 2021, с. 46].

Осознание и гарантии реализации политических прав и свобод создали основу для участия широких масс людей в развитии и функционировании политических отношений. И какой бы важной ни была роль политического руководителя любого ранга, без активного включения других людей в осуществление его масштабных замыслов и программ они не будут реализованы. Этот вывод особенно актуален в настоящее время быстрых перемен и технологических инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества. Для активного участия граждан в определении настоящего и политического будущего своей страны и мира необходимо осознание ими своих прав, обязанностей и возможностей личного участия в политических процессах. Иногда отдельные представители властных органов под лозунгом обеспечения политической стабилизации предпринимают попытки ограничить политическую деятельность людей или направить ее в аполитичное русло. Однако такое отстранение людей от участия в политической жизни чревато серьезными последствиями возрастания недоверия к институтам политической системы и ее представителям.

Вторым по значимости консолидатором общегражданской идентичности оказался, по данным указанных выше опросов, русский язык, который назвали 46% респондентов. Русский язык в пилотажных исследованиях выделился самостоятельным фактором. Это во многом объясняется тем, что в нашей стране общение людей разной национальности на русском стало повседневной практикой.

Формирование общегражданской идентичности человека зависит от многих факторов: а) макросреды – государства, нации, международных отношений, политической культуры, социального статуса, средств массовой информации и т. п.; б) микросреды – семьи, школы, социальных связей и т. п.; в) индивидуальных особенностей человека. В настоящее время возрастающее влияние на этот процесс оказывают средства массовой информации (особенно электронные, такие как Интернет). При этом с развитием глобальных процессов политическая идентификация, особенно молодежи, активно пользующейся Интернетом, проходит под сильным воздействием международной среды. Активное распространение Интернета, увеличение контактов с представителями других стран, расширение спектра зарубежных фильмов в кинотеатрах и другие

тенденции увеличили роль внешних факторов в процессе политической идентификации российской молодежи. Влияние этих процессов, начавшихся в 90-е гг., на формирование общегражданской идентичности требует особого осмысления социологов.

Важным фактором формирования общегражданской идентичности остается территория, на которой проживает человек. Поэтому неслучайно на третьем месте среди консолидирующих факторов общегражданской идентичности, по частоте выбора респондентов, идут: «территория, родная земля, природа» – 40%. Часто территория распространяется на всю страну, в которой проживает опрашиваемый: «Я россиянин... гражданин страны, я же живу на территории России» (журналист, г. Москва); «Я идентифицирую себя со своей страной в ее границах, с ее природой» (преподаватель вуза, г. Казань). Однако в последнее время респонденты все чаще под родной землей понимают регион (область), город или поселок, где они родились или проживают.

На четвертом месте среди консолидаторов общегражданской идентичности высказываются представления об историческом прошлом – 38%, а также чуть меньше процентов, но в этой же группе консолидаторов указываются культура и обычаи.

Вместе с тем два из семи предложенных консолидаторов общегражданской идентичности не получили высоких процентов. Только 27% респондентов отметили фактор ответственности за дела в стране и еще меньше – символы государственной власти – флаг и герб.

Таким образом, формирование общероссийской гражданской идентичности – это сложный, многоступенчатый и многогранный процесс, не получивший пока глубокого социологического анализа и определения своего места в исследовании интеграционных тенденций во взаимоотношениях россиян с обществом и государством.

Нужно отметить, что социологические исследования значимости основных консолидаторов общегражданской идентичности несколько различаются у русских и представителей других национальностей, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные опроса ВЦИОМ 2019 г. [Дробижева, Рыжова 2021, с. 46].

Данный опрос был общероссийским. В опросах с выборкой 2 тыс. человек были репрезентативно представлены русские граждане. А граждане других национальностей рассматривались в объединенном виде. Интересно, что общая государственность для нерусских граждан была оценена несколько выше (62%), чем для русских (55%). В национальных республиках Российской Федерации общее государство оценивалось важным индикатором российской идентичности.

В современной России неразработанность постоянно действующего механизма укрепления общегражданской идентичности мешает формированию устойчивых политических ориентаций, способствует эрозии исторической памяти и ответственности за дела в стране, а также приводит к другим негативным последствиям. После некоторого оживления интереса к политике у части молодых людей наблюдается отрешенность от происходящего на политической сцене и снижение интереса к политическим событиям. Оживление политической активности в начале 90-х гг. и в первом десятилетии XXI в. сменилось падением числа активных участников политической жизни, так как их эмоциональные порывы и желания проявить себя в политической жизни для многих не были реализованы.

Опросы общественного мнения, проводимые ВЦИОМ и другими социологическими центрами в режиме мониторинга, показывают, что условия и стимулы для активизации политической активности сохраняются, но при этом идет значительное размежевание в политических предпочтениях. Этот тренд в определенной степени можно объяснить современной ситуацией в России. В основе размежевания политических позиций, особенно в ходе предвыборных кампаний, скорее проявляются конъюнктурные факторы. Поэтому нужно более активно развивать политическую культуру для стимулирования процесса формирования общероссийской гражданской идентичности.

Литература

- Алмонд, Верба 1992 – Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122.
- Дробизева, Рыжова 2021 – Дробизева Л.М., Рыжова С. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2. С. 39–52.
- Тишков 2009 – Тишков В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестник Российской нации. 2009. № 1. С. 107–117.

References

- Almond, G.A. and Verba, S. (1992), “Civil culture and stability of democracy”, *Polis. Political studies*, no. 4, p. 122.
- Drobizheva, L. and Ryzhova, S. (2021), “All-Russian identity in the sociological dimension”, *Bulletin of Russian nation*, no. 1-2, pp. 39–52.
- Tishkov, V.A. (2009), “National Identity (About Meaning of Debates)”, *Bulletin of Russian nation*, no. 1 (3), pp. 107–117.

Информация об авторе

Лариса Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vdlarissa45@yandex.ru

Information about the author

Larisa N. Vdovichenko, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vdlarissa45@yandex.ru

УДК 316.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи

Ольга В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgakryshst@yandex.ru*

Наталья Н. Мещерякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.tib@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос социальной структуры современного российского общества в представлениях молодежи. Выдвигается предположение, что четкое представление о категориях высших, средних и низших страт, доверие к возможности подняться вверх по социальной лестнице легитимными способами, получить заслуженное вознаграждение за усилия, – создают положительную установку на продвижение по карьерной лестнице, уверенность в своем будущем, представление о справедливости сложившихся в обществе порядков. Дезориентация в социоструктурном пространстве, отказ ему в легитимности ведут к замене социальной мобильности эскапизмом и желанием эмигрировать. Сравнительный анализ результатов двух этапов опроса показал, что молодежь России дезориентирована в ее социоструктурном пространстве. В сознании респондентов укоренено представление только о среднем классе, но и он не имеет четких признаков и критериев принадлежности. Молодежь не видит законных способов подняться наверх, называет сложившийся социальный порядок несправедливым, желание двигаться вверх по социальной лестнице вытесняется у нее стремлением уехать, эмигрировать. Для респондентов характерно состояние аномии – апатии, отчуждения.

Ключевые слова: социальная структура, социальная идентификация, мобильность, аномия, субъективная стратификация

Для цитирования: Крыштановская О.В., Мещерякова Н.Н. Современное социоструктурное пространство России в представлениях молодежи // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 288–299. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

© Крыштановская О.В., Мещерякова Н.Н., 2023

The modern socio-structural space of Russia in the views of young people

Olga V. Kryshstanovskaya

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,
olgakryshst@yandex.ru*

Nataliya N. Meshcheryakova

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,
natalia.tib@mail.ru*

Abstract. The article deals with the issue of social structure of modern Russian society in the perceptions of young people. It is suggested that a clear idea of the categories of higher, middle and lower strata, trust in the possibility to climb up the social ladder by legitimate means, to receive deserved rewards for their efforts – create a positive attitude to career advancement, confidence in their future, the idea of fairness of the established orders in society. Disorientation in the socio-structural space and denial of its legitimacy lead to the replacement of social mobility with escapism and the desire to emigrate.

The comparative analysis of the two stages results of the survey showed that young people in Russia are disoriented in its socio-structural space. The idea of only the middle class is ingrained in the minds of respondents, but it does not have clear signs and criteria of belonging. Young people do not see legal ways to move up, they call the existing social order unfair, and their desire to move up the social ladder is replaced by the desire to leave or emigrate. The respondents are characterized by the state of anomie – apathy, alienation.

Keywords: social structure, social identification, mobility, anomie, subjective stratification

For citation: Kryshstanovskaya, O.V. and Meshcheryakova, N.N. (2023), “The modern socio-structural space of Russia in the views of young people”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 288–299, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-288-299

Введение

Вопросы социальной структуры и стратификации являются центральными в социологии, поскольку позволяют соединить функциональными связями, отношениями власти и подчинения различные социальные единицы от индивидов до институтов. В обсуждение проблематики структуры и стратификации органично входят темы дифференциации, неравенства, справедливости,

иерархии, элитизма и прочие ключевые понятия научного анализа. В предлагаемой статье нас интересует, насколько ясные представления о социальной структуре общества, в котором человек живет, способствуют пониманию своих социальных возможностей, здоровым карьерным амбициям, мобильности, готовности соблюдать принятые в обществе нормы, играть по правилам? И может ли дезориентация в социоструктурном пространстве провоцировать аномию, замещать социальную мобильность эскапизмом и желанием эмигрировать?

В решении поставленной исследовательской задачи мы опираемся на понятие социальной идентичности в трактовке, близкой Дж. Тернеру и его коллегам [Turner et al. 1999], которые делали акцент на прогнозировании социального поведения. Оно зависит от субъективно воспринимаемой легитимности статусных различий и возможностей перехода из одной группы в другую, то есть перспектив социальной мобильности, например от представления о том, может ли член группы с более низким статусом перейти в более высокостатусную группу [Tajfel, Turner 1979]. Другими словами, деятельность человека в социальной среде связана не только с тем, какой статус он имеет и какие социальные роли исполняет, но и с ясным пониманием того, какая социальная мобильность ему доступна, разделяет ли он лично социально одобряемые смыслы жизни, считает ли их легитимными и подкрепленными достигаемыми средствами достижения.

Объектом изучения в исследовании выступает молодежь крупных городов России в возрасте от 17 до 35 лет. Эта возрастная и социальная группа будет определять завтрашний день российского общества. Нас интересует, как маркируют молодые люди социоструктурное пространство страны, какие перспективы видят для себя с точки зрения карьерного роста, социальной мобильности.

Эмпирической базой для статьи послужили данные двух исследований: 1) «Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры» (2012 г.); 2) «Легитимация социальной стратификации в России» (2023 г.). Объект – городская молодежь, методы – глубинное интервью и фокус-группы. В обоих исследованиях есть повторяющиеся батареи вопросов, связанных с жизненными планами, перспективой политической карьеры, возможностью вхождения во властные структуры, желанием/намерением переехать/эмигрировать.

На этапе 2012 г. исследование затронуло респондентов семи федеральных округов, $n = 232$ человека, проведены 31 фокус-группа и 15 глубинных интервью. Исследование 2023 г. проходило в раз-

личных возрастных когортах. Для сравнения были привлечены данные трех молодежных фокус-групп (респонденты от 18 до 35 лет), проведенных в трех федеральных округах.

Обзор литературы

Одним из ведущих специалистов по социальной стратификации в России является Н.Е. Тихонова. Кроме объективной картины структуры общества автора интересует модель субъективной стратификации, отражающая представления респондентов о своем месте в социальном пространстве. Автор полагает, что субъективное представление о реальности влияет на социальное самочувствие и поведение больше, чем реальный уровень жизни. Также эти настроения определяют оценки легитимности существующей власти и влияют на социально-политическую стабильность в стране [Тихонова 2021]. Но представления россиян о реальной и идеальной структурах общества слабо коррелируются друг с другом, с оценками собственного социального статуса и удовлетворенностью им [Тихонова 2021, с. 27]. Н.Е. Тихонова полагает, что в обществе наблюдается запрос на общество социальной однородности, усиливаются антимеритократические настроения.

Субъективная стратификация перекликается с понятием социальной идентификации как самоопределением по отношению к социальным группам и стратам более высокого порядка. В исследовательской литературе хорошо проработан вопрос кризиса идентичности в условиях социальных трансформаций. Он заключается прежде всего в чувстве несоответствия желаемому социальному статусу [Андреева 2011; Ольховская 2021]. В указанных работах затрагиваются преимущественно психологические аспекты этого кризиса, то есть его значение для личности. Что можно сказать о нем как о факторе общественной жизни?

Остановимся на работе В.А. Ядова, которая была написана в 1990-х гг. и исследовала проблему социальной идентификации в транзитивном обществе. Как отмечал автор, имел место кризис перехода от одного типа общественной системы к принципиально иной, и

...происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа («мы – это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся») к групповым солидарностям «постмодернистского» типа, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было вектора,

называемого социальным прогрессом [Ядов 1994, с. 36]. Ядов писал, что социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные и непривычные воздействия, ослабление гражданской солидарности и рост социальной дезинтеграции. Но человек не перестает чувствовать потребность принадлежать к сообществам себе подобных, разрушение одних идентичностей ведет к формированию других.

Вопросы социальной мобильности рассматриваются в нашей работе и в общем ключе в постмодернистской интерпретации общества Дж. Урри как мира сетей и потоков в эластичном пространстве времени [Урри 2012, с. 494], и с применением конкретных теорий, которые могут помочь найти ответы на поставленные в исследовании вопросы. Например, туннельный эффект А. Хиршмана и М. Ротшильда подразумевает, что чем выше уверенность населения в возможности осуществления восходящей социальной мобильности, тем более терпимо оно к социальному неравенству [Hirschman, Rothschild 1973]. Российские авторы В.Е. Гимпельсон и Г.А. Монусова на материале межстрановых исследований доказывают это теоретическое предположение и обосновывают, что значение для общественного сознания имеют способы достижения более высоких статусных позиций. Легитимируются только те, что считаются честными. Население в более коррумпированных странах менее склонно терпеть неравенство, чем в менее коррумпированных [Гимпельсон, Монсурова 2014, с. 244].

А.Ф. Филиппов рассматривает мобильность как феномен производства новой солидарности за пределами малых групп. Он полагает, что в эпоху ослабления национальных государств солидарность в форме институционализированных обязательств по отношению к членам одного сообщества исчезает. Что появится на ее месте в обществе, где перемещения становятся одной из основных характеристик социальной жизни? – ставит вопрос исследователь [Филиппов 2011, с. 11].

Рассматривая проблему аномии как состояния безнормия, разрушения основ солидарного существования, российские авторы обращают внимание на «нормальность» аномии в постоянно усложняющемся мире и утопичность надежд на стабильность. Но рост аномии сопряжен с увеличением числа рисков и уязвимостей социума [Василенко 2018; Кравченко 2014]. Н.Н. Мещерякова подчеркивает рост рефлексивности социальных акторов, которые себя самих считают «мерилом всех вещей», что также повышает уровень неопределенности общественной жизни [Meshcheryakova, Vasilenko 2023].

Очерченный круг научной литературы раскрывает отдельные стороны процесса фрагментации социального мира. Человек теряется в социальном пространстве. Утрата безусловности социального статуса – тяжелое испытание. Лишившись ориентиров, личность плохо понимает, как ей действовать дальше. Вместе со статусом исчезают социально приемлемые модели поведения. Утрата определенности толкает людей к восприятию радикальных взглядов и идей.

Социальная идентификация

В ходе исследований 2012 и 2023 гг. были выявлены некоторые тенденции в социальном самоопределении молодежи. Опрос 2012 г. продемонстрировал трудности с самоидентификацией, отсутствие устоявшегося видения структуры российского общества и своего места в нем. Вопрос «К какой социальной группе вы себя относите?» вызвал немалое затруднение. Многие отвечали: «Я обычный человек» или «Я типичный житель России», или «Я простой работник». В 2023 г. в молодежной когорте менее размытые формулировки, но в 100% ответов самоидентификация проводится по ведущему социальному статусу, связанному с профессией (учитель, преподаватель, эксперт и др.) или роду занятости (студент, самозанятый, предприниматель).

Молодежь не мыслит номинальными группами, когда говорит о своем социальном статусе. В 2023 г. половина респондентов использовала категории классовой стратификации, говоря о статусе родителей. Но только средний класс легитимирован их сознанием как достойный того, чтобы к нему принадлежать. Все статусы измеряются через близость к среднему классу, и если люди очевидно не дотягивают до среднего класса, то используются номинации «низший средний класс», «почти средний класс», «средний рабочий класс». Последнее определение выводит нас на понимание еще одной тенденции. Рабочие не только перестали быть классом-гегемоном, но и потеряли как социальная страта свое собственное место в социальной структуре общества. В целом социальное картирование чрезвычайно пестрое, респонденты называют тех, кто находится в пределах жизненного маршрута: продавцы, айтишники, учителя, государственные служащие, подрабатывающие студенты, пенсионеры, инвалиды, алкоголики и т. д.

Несмотря на то что себя и своих родителей респонденты относят к среднему классу, пятая часть опрошенных в 2023 г. не только

указала, что высший класс (богатые) и низший (бедные) также есть, но и дала соотношение классов в структуре российского общества: «немного средний, немного богатых, много низший», «пропасть увеличивается между супер-богатыми и бедными людьми». Дается территориальный разрез некоторых страт: «интеллектуальный класс в Москве и Петербурге, в регионах мало», «рабочий класс в регионах».

Итак, общественным сознанием молодежи легитимирован только один класс общества – средний. Предполагаем, это объясняется многолетним муссированием в СМИ, с политических трибун и в научной полемике, что средний класс – это хорошо, это фундамент общества, это класс с предсказуемым электоральным поведением и пр. Эта мантра и закрепилась в сознании в том числе далеких от науки людей. Но критерии принадлежности к нему у респондентов неопределенные. Научная интеллигенция указывается как «почти средний класс», рабочий и продавец – как средний. На прямо поставленный вопрос «Кого бы Вы отнесли к среднему классу?» респонденты 2023 г. определили рамки денежного дохода от 12 до 150 тыс. руб. в месяц. Среди значимых материальных признаков называются жилье или возможность без особого урезания других потребностей его снимать или платить ипотеку, автомобиль, возможность путешествовать.

Советская модель общества – два класса плюс слой интеллигенции – безвозвратно ушла в прошлое, но и представления о классовой структуре с характерным для нее делением на высший, средний и низший класс по весьма характерным и измеримым признакам в российском обществе не закрепились. Люди, которые определяют себя через средний класс, не понимают значение этого термина. Лексический анализ фокус-групп показал, что в целом понятие «средний класс» соседствует с понятиями «богатство» и «состоятельность». «Средний класс» для них совсем не «средний» в буквальном смысле слова. Скорее то, что российская молодежь понимает под «средним классом», соответствует западному «высшему среднему классу» (upper middle class).

Подобная стратификационная несовместимость может порождать девиантное поведение [Bohlke 1961] и, как мы полагаем, является проявлением общего состояния аномии. Когда люди теряются в социальном пространстве, они не могут двигаться вверх и вперед, поскольку не имеют ясной системы координат. Зачем стремиться вверх, если ты ожидаешь высокого дохода уже здесь, на среднем уровне, и при этом испытываешь чувство фрустрации, поскольку его не получаешь.

Потенциальная эмиграция

Социальная мобильность – это поиск путей для саморазвития, желание продвигнуться в карьере. Если общество находится в состоянии аномии, человек с высокими мотивами достижения успеха сталкивается с проблемой самореализации. Молодые люди ищут стабильности и «жизненного маршрута», они хотят представлять свой будущий путь. Маршрутизация жизни прямо связана с их представлениями о социальном устройстве. Чтобы двигаться вперед и вверх, надо различать верх и низ, перспективу и ретроспективу. Если социальная структура общества не прояснена, не видны социальные лифты, молодой человек находится в замешательстве, что приводит к масштабным фрустрациям. Не возникает туннельного эффекта, неравенство не легитимизируется сознанием, поскольку люди не видят нормативных способов подняться по социальной лестнице. Не найдя путей для развития, человек сублимирует идею социального восхождения к мобильности географической, к мечте об эмиграции.

Как показывают наши исследования 2012 и 2023 гг., молодые люди в подавляющем большинстве не считают российское общество справедливым. Главными факторами в 2023 г. назывались несправедливая оплата труда и растущее социальное неравенство, при котором богатые становятся еще богаче, а большинство беднеет. На третьем месте расположились беззаконие и коррупция. При таком отношении к сложившимся социальным порядкам, когда «в России труднее, не работают социальные лифты, сложно продвигнуться в карьере, увеличить достаток», – в молодежной среде мы фиксируем настроения эскапизма.

Стремление к эмиграции существенным образом отличается от простого желания путешествовать. Ценность путешествий высока во всех молодежных группах и вполне естественна. Любознательность, жажда новых впечатлений, новых знаний и опыта толкает людей на поездки в другие страны. Знание о том, что где-то можно получить лучшее образование, влечет молодых людей в города и страны, которые дают эталонные образцы. Эта мотивация построена на интересе, а не на конфликте. Стремление к эмиграции свидетельствует о глубокой внутренней драме, о накопленных обидах, о фрустрации. Человек стремится покинуть родину, потому что ему плохо, он не смог реализовать себя, вошел в конфликт с окружением. Он считает себя загнанным в угол, из которого есть единственный выход – переменить место жительства, вырваться тем самым из жестких тисков обстоятельств. Эмигрант уходит навсегда, путешественник едет на время. Именно эта потенциальная безвозвратность эмиграции делает ее драматическим выбором.

Заключение

То, что молодые люди не ориентируются в классовой структуре современного общества, не страшно само по себе. Маститые социологи пишут о том, что классы – это группы «на бумаге», сформулированные для удобства изучения социального пространства [Бурдые 2007]. Но тот же П. Бурдые считал капитал, даже символический, вполне реальным, а его наличие определяющим в системе господства, подчинения и местоположения агента в структуре социального поля [Бурдые 2004].

Молодежь не столько не понимает законов формирования социальной структуры, сколько отказывает существующей социальной структуре в легитимности и не видит своего места в ней. Лифты социальной мобильности оказываются закупоренными, массовое образование не конвертируется в престижный статус и хороший доход, желание двигаться вверх по социальной лестнице вытесняется стремлением уехать, вплоть до эмиграции.

Для молодежи характерно состояние аномии – апатии, отчуждения. Оно возникает в условиях социальной дезорганизации, отсутствия четких, принимаемых большинством правил игры, социальных взаимодействий. Молодые люди в большинстве политически индифферентны, поскольку не видят выразителей своих интересов в политической жизни и не доверяют власти и тем, кто в нее стремится. С одной стороны, такая индифферентность определяет вялость протестных движений, что может устраивать какие-то политические силы, но с другой – это снижает возможность коллективных действий, что затрудняет прорывное развитие страны, о котором много говорят с политических трибун.

Литература

- Андреева 2011 – Андреева Г. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 4 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 14 сентября 2023).
- Бурдые 2004 – Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
- Бурдые 2007 – Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- Василенко 2018 – Василенко Л.А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 45–56.

- Гимпельсон, Монусова 2014 – *Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А.* Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Кравченко 2014 – *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.
- Ольховская 2021 – *Ольховская С.С.* Переживание кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 3. С. 222–247.
- Тихонова 2021 – *Тихонова Н.Е.* Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 38 с.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
- Филиппов 2011 – *Филиппов А.Ф.* Мобильность и солидарность // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2011. С. 4–20.
- Ядов 1994 – *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Bohlke 1961 – *Bohlke R.H.* Social Mobility, Stratification Inconsistency and Middle Class Delinquency // *Social Problems*. Vol. 8. Iss. 4. Spring 1961. P. 351–363.
- Hirschman, Rothschild 1973 – *Hirschman A., Rothschild M.* The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. № 4. P. 544–566.
- Meshcheryakova, Vasilenko 2023 – *Meshcheryakova N.N., Vasilenko L.A.* The New Social Developments of Durkheim and Merton Theories on Anomie in Modern Society // *Social Evolution and History*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 102–122.
- Tajfel, Turner 1979 – *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
- Turner 1999 – *Turner J.C.* Some current issues in research on social identity and self-categorization theories. *Social Identity* / Ed. by N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.

References

- Andreeva, G.M. (2011), “On an issue of identity crisis amid the social transformations”, *Psychological studies*, no. 4 (20), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 14 September 2023).
- Bohlke, R.H. (1961), “Social Mobility, Stratification Inconsistency and Middle Class Delinquency”, *Social Problems*, vol. 8, iss. 4, pp. 351–363.
- Bourdieu, P. (2004), “Forms of capital”, Radaev, V.V. (ed.), *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western economic sociology. A textbook of modern classics], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 519–536.

- Bourdieu, P. (2007), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space. Fields and practices], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Fillipov, A.F. (2011), "Mobility and Solidarity", *Russian Sociological Review*, no. 10 (3), pp. 4–20.
- Gimpelson, V. and Monusova, G. (2014), "Perception of Inequality and Social Mobility", *HSE Economic Journal*, vol. 18, no. 2, pp. 216–248.
- Hirschman, A. and Rothschild, M. (1973), "The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no. 4, pp. 544–566.
- Kravchenko, S.A. (2014), "'Normal anomie'. Contours of Conception", *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 8, pp. 3–10.
- Meshcheryakova, N.N. and Vasilenko, L.A. (2023), "The New Social Developments of Durkheim and Merton Theories on Anomie in Modern Society", *Social Evolution and History*, vol. 22, no. 1, pp. 102–122.
- Olkhovskaya, S.S. (2021), "Social identity crisis in early adulthood", *Psychology in Education*, vol. 3, no. 3, pp. 222–247.
- Tajfel, H. and Turner, J.C. (1979), "An integrative theory of intergroup conflict", Austin, W.G.; Worchel, S. (eds.), *The social psychology of intergroup relations*, Brooks/Cole, Monterey, CA, pp. 33–47.
- Tikhonova, N. (2021), *Sub"ektivnaya stratifikatsiya rossiiskogo obshchestva: sostoyanie, dinamika, klyucheveye problemy: analiticheskii doklad* [Subjective Stratification of Russian Society. State, Dynamics, Key Issues. Analytical Report. Analytical report], NIU VShE, Moscow, Russia.
- Turner, J. (1999), "Some current issues in research on social identity and self-categorization theories", Ellemers, N., Spears, R. and Doosje, B. (eds.), *Social Identity*, Blackwell, Oxford, pp. 6–34.
- Urry J. (2012), *Mobul'nosti* [Mobilities], Praxis, Moscow, Russia.
- Vasilenko, L.A. (2018), "'Normal anomie'. Transformation of institutions in a complex society", *Research Result. Sociology and Management*, no. 4 (3), pp. 45–56.
- Yadov, V.A. (1994), "Social Identification in a Crisis Society". *Sociological Journal*, no. 1, pp. 35–52.

Информация об авторах

Ольга В. Крыштановская, доктор социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olgakrysht@yandex.ru

Наталья Н. Мещерякова, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.tib@mail.ru

Information about the authors

Olga V. Kryshstanovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgakryshst@yandex.ru

Nataliya N. Meshcheryakova, Dr. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; natalia.tib@mail.ru

Диалектика культурного наследия
и современных культурных процессов
как условие сохранения
межнационального согласия

Альбина А. Гизитдинова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

albikharis@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы многоаспектности диалектики культурного наследия и современных культурных процессов. Предпринимается попытка изучить, как культурное наследие влияет на самореализацию того или иного народа, как культурное наследие может стать регулятором вопросов межнационального взаимодействия, сохранения мира, согласия. Межнациональное взаимодействие является важнейшим направлением в вопросе диалектики современных культурных процессов и культурного наследия. Диалектика культурного наследия и культурных процессов рассматривается в нескольких аспектах. Это обусловлено разнонаправленностью исторических и социокультурных процессов, состоянием сегодняшней национальной культуры и влиянием государственной политики на современный социокультурный контекст. Диалектический метод исследования социальных явлений позволяет понять закономерности развития противоречивых тенденций и процессов современности. В исследование включены аспекты диалектики культурного наследия и современных культурных процессов, относящиеся к межнациональному взаимодействию и больше всего влияющие на него.

Ключевые слова: культурное наследие, современные культурные процессы, национально-культурная идентичность, экология культурного наследия, глобализация, межнациональное взаимодействие, народ (этнос), самобытность народов

Для цитирования: Гизитдинова А.А. Диалектика культурного наследия и современных культурных процессов как условие сохранения межнационального согласия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 300–310. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-300-310

Dialectics of cultural heritage and modern cultural processes as a condition for maintaining interethnic harmony

Albina A. Gizitdinova

*Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
albikharis@gmail.com*

Abstract. The paper deals with the issues of multidimensionality of the dialectics of cultural heritage and modern cultural processes. An attempt is made to study how cultural heritage affects the self-realization of an ethnic group, how cultural heritage can become a regulator of issues of interethnic interaction, peace and harmony. Interethnic interaction is the most important direction in the issue of dialectics of modern cultural processes and cultural heritage. The dialectics of cultural heritage and cultural processes is considered in several aspects. The reason is the multidirectionality of historical and socio-cultural processes, the state of today's national culture and the impact of state policy on the modern socio-cultural context. The dialectical method of studying social phenomena makes it possible to understand the patterns in development of the modern contradictory processes and trends. The study includes aspects of the dialectics of cultural heritage and modern cultural processes related to and most affecting interethnic interaction.

Keywords: cultural heritage, modern cultural processes, national and cultural identity, ecology of cultural heritage, globalization, interethnic interaction, nation (ethnos), distinctness of the nation

For citation: Gizitdinova, A.A. (2023), "Dialectics of cultural heritage and modern cultural processes as a condition for maintaining interethnic harmony", *RSUH/RGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 300–310, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-300-310

Введение

Одним из важнейших на сегодняшний день вопросов общественной дискуссии и приоритетом государственной политики является вопрос сохранения межнационального согласия и мира. Обсуждение данного вопроса включает темы культурной идентичности и самореализации, толерантности, влияния глобализации на локальные культурные миры, ответная реакция локальных (национальных) культур на глобализационные процессы и пр. Один из акторов межнационального взаимодействия, являющийся яркой характеристикой той или иной локальной культуры, – это

культурное наследие. Вопросы трансляции культурного наследия, его взаимодействие с сегодняшними культурными реалиями и социокультурными процессами становятся предметом современной философской рефлексии, приоритетными вопросами на общественном и государственном уровне. Межкультурное взаимодействие (главным образом на межкультурном уровне) является важнейшим направлением в вопросе *диалектики современных культурных процессов и культурного наследия*. Культурные процессы, позитивные и негативные, на протяжении всей истории оказывали влияние на самореализацию и идентификацию национальных культур, на экологию, трансляцию и сохранение культурного наследия. В российской истории были периоды запрета самореализации народов, шла борьба с историческим, культурным наследием. На современном этапе главной угрозой является унификация всей мировой культуры посредством глобализационных процессов.

*Современные культурные процессы
и культурное наследие
в контексте сохранения
межнационального согласия*

Первый аспект целесообразно назвать этноинтегрирующим. Если рассматривать доминанты культурных процессов, способствующих единению нации, в число первостепенных войдут сохранение и трансляция культурного наследия. Это обусловлено тем, что «главный субъект, движитель истории – народ. Не институты, включая государство, не социальные, политические или культурные агенты (элиты, классы, партии, религиозные общины и т. д.), а народ, который понимается в духе традиции классической политической философии: как противоположность массы, как способная к коллективному волеизъявлению, обладающая общей волей группа людей [Соловей 2008, с. 83]. Именно народ (этнос), с одной стороны, объединяет социум, с другой – является актором межнационального взаимодействия:

...народ как целостность изначально существует в этническом качестве, и это внутреннее единство сохраняется над (или под) всеми социальными, политическими, религиозно-культурными, идеологическими и иными барьерами и размежеваниями. Этничность не только онтологична, она более фундаментальный фактор истории, чем экономика, культура и политика [Соловей 2008, с. 83].

Важнейшей скрепой в функционировании и трансляции культурного наследия выступают преемственность и традиция:

...традиция выступает саморазвивающимся механизмом передачи социокультурного опыта от поколения к поколению, а преемственность – как механизм усвоения новыми поколениями элементов культурного наследия прошлого [Копсергенова 2008, с. 8].

Указанные особенности традиции и преемственности позволяют им транслировать культурное наследие в современный культурный мир, являясь в данном случае важнейшим этнокультурным компонентом общества.

Многоуровневость и многоаспектность связи прошлого и настоящего традиция объединяет в спектр разноплановых отношений, «прошлое одновременно является источником настоящего, продолжает свою онтологию в современности, но не связано с ней сущностно, и именно традиции выступают продолжением прошлого, они есть “длющееся настоящее”» [Малахова 2010, с. 76]. Традиции и преемственность характеризуют культурно-ценностное и языковое единство, культурную и духовную консолидацию этносов и отдельных людей в контексте современных культурных процессов.

Исследователи выделяют следующий тезис:

...в настоящее время этнокультурный компонент образования приобретает этноинтегрирующий характер, который служит основой формирования в единстве общечеловеческих, этнических и этнокультурных ценностей благодаря преемственности и неразрывной генетической связи с культурно-историческим прошлым этноса [Копсергенова 2008, с. 9].

Этнокультурный компонент особенно важен в формировании ценностных установок современного человека, подверженного воздействию глобальных культурных процессов. Сохранение идентификационных этнических архетипов позволяет найти созидательный потенциал как для изучения особенностей собственной национальной культуры, так и для диалога и взаимодействия с мировым этнокультурным наследием.

В контексте вопроса сохранения межнационального согласия этноинтегрирующий аспект следует рассматривать как возможность разных народов и этносов к диалогу, взаимодействию на уровне трансляции культурного наследия и традиционных ценностей. Необходимость сохранения своего материального и духовного культурного многообразия, желание транслировать тра-

диционные ценности в модернистский мир способствуют диалогу национальных культур, следовательно, и самих народов. Указанная необходимость создает условия для культурной самореализации, появляется многомерность взаимодействия. Диалектика культурного наследия и современных культурных процессов заключается в избегании проблем и рисков мультикультурализма, сохранении межнационального единства и мира. Культурное наследие должно выступать проводником в мир соседствующих национальных культур, знакомить с традициями и тем, как традиция того или иного народа живет в современном мире. Открытость, готовность к диалогу способствуют снижению рисков мультикультурализма. Этнокультурный компонент полиэтнического общества выступает элементом поддержания преемственности между поколениями, подтверждается тезис о том, что в культурном наследии есть объединяющий фактор общества, способствующий диалогу национальных культур.

Следующий аспект диалектики культурного наследия и культурных процессов вытекает из актуальности вопроса экологии культурного наследия. Вопросы национально-культурной идентичности являются не только предметом изучения исследователей, но и стратегическими направлениями на государственном уровне. Это вызвано углублением и расширением процессов глобализации и универсализации, процессами внутренней варваризации, которые оказывают огромное воздействие на культурные процессы. Указанный аспект способствует формированию необходимой для решения проблем экологии культурного наследия культурной политики государства. Культурно-ценностное единство нации зависит от того, способно ли общество решить задачи, продиктованные современными культурными процессами. Этнокультурный аспект экологии культурного наследия следует рассматривать в рамках изучения и сохранения культурной и исторической памяти и в связи с потребностью обращения к традиционным культурным ценностям, необходимостью трансляции культурного наследия в глобальный культурный мир.

Современная политическая система многих стран в части культурной политики ставит вопрос сохранения культурного наследия в число приоритетных направлений, которое реализуется через нормативно-правовые механизмы. Важнейшей составляющей культурной политики является

...внедрение в общество мировоззрения о бережном отношении к культурному наследию и его сохранению посредством внедрения в сознание молодежи понимания того, что через памятники культуры,

несущие в себе идейные черты своей эпохи, обладающие общечеловеческим содержанием и художественными достоинствами, устанавливается связь с будущим [Исмоилова 2015, с. 39].

Мировоззрение современного человека должно быть направлено на осознанное сохранение культурной и исторической памяти, объектов культурного наследия, государственная политика предоставляет механизмы формирования у общества созидательного мировоззрения.

Созидательное мировоззрение невозможно без толерантного отношения к культурному многообразию, без согласия и мира между народами. Уважительное отношение должно проявляться к культурному наследию других народов, материальному и духовному. Особое место данный вопрос занимает в молодежной среде, более восприимчивой к изменениям, мобильной и активной. На межгосударственном уровне вопросы толерантности регулируются следующими нормативными актами: Декларации принципов толерантности, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма и др. Внушительный список международных нормативных актов не помогает избежать фактов проявления нетерпимости, жестокости, ксенофобии, экстремизма. Причина в том, что указанные нормативные документы, как и вся мировая политика по данному вопросу, работают не на предупреждение, имеют репрессивный характер. Мировое сообщество обращается к данным документам уже после возникновения конфликтов. Эффективной нормативной базой на мировом уровне станут документы, провозглашающие баланс сил в глобальном культурном пространстве, и создадут условия для культурной самореализации локальных культур.

Важным остается вопрос воспитания принципов толерантности у молодых людей. Молодое поколение, являясь наиболее уязвимым к изменениям, «впитывает» в себя современный культурный контекст, задача воспитания – преподнести молодым людям созидательный культурный контекст, основанный на принципах толерантного отношения. Принципы толерантного отношения политики в области образования и воспитания должны способствовать улуч-

шению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости к культурному, религиозному и языковому многообразию.

Толерантные отношения – это продукт взаимодействия двух акторов: действующий субъект и объект, на которого направлено действие. Воспитательный, карательный процессы направлены в основном на действующий субъект. Но в вопросе сохранения мира и согласия важны действия и объекта воздействия, в случае активного действия он выступает уже субъектом, транслирующим свои традиционные ценности. Трансляция своего духовного и материального культурного мира должна проходить методом «ненавязывания», а не пропаганды. Изучив нормативную базу РФ по вопросам толерантности, сохранения культурного наследия, приходим к выводу, что реализация указанных законодательных и нормативно-правовых документов, грантовой политики позволит сформировать у всех акторов культурного взаимодействия (субъектов и объектов) созидательное мировоззрение, направленное на изучение и сохранение историко-культурного достояния страны, исторических, культурных и этнических ценностей и традиций. Следовательно, позволит вывести вопрос сохранения межнационального согласия на мировоззренческий и ценностный уровень. Это обусловлено тем, что формирование личностных установок происходит в конкретной национально-культурной среде, путем интеграции историко-культурного наследия в современный социокультурный мир, адаптации отечественных национальных культурных традиций к современным рыночным реалиям.

Деятельность политических институтов направлена на решение задач, продиктованных современными культурными процессами, как внешними, так и внутренними. Современные культурные процессы, такие как глобализация и унификация культурных моделей, нередко несут разрушительный характер для национальных культур. Главной целью культурной политики государства в этой связи является грамотная интеграция и адаптация историко-культурного достояния страны в современный социокультурный контекст с целью сохранения согласия и мира.

С современными социокультурными процессами связан третий аспект диалектики культурных процессов и культурного наследия. Обусловлено это тем, что культурное наследие выступает актором межкультурного взаимодействия на международном уровне и противостоит подчинению процессам глобализации. Современный мир сложно представить изолированным и не подверженным процессам западной интеграции, унификации экономической и культурной сфер. Глобализация способствует диалогу этносов и традиций, взаимодействию национальных культур, но в то же

время глобализация ставит под угрозу сохранение национальной идентичности, самобытности народов. Особое влияние глобализация оказывает на духовную сферу, на нематериальное культурное наследие.

Многонациональный мир не может не противостоять процессам глобализации. Самым разрушительным ответом на процессы глобализации в мире являются экстремистские волнения, терроризм. По мнению исследователей,

...феномен террора является реализацией дезинтеграционного потенциала деформированного глобализацией развития культуры на современном этапе, и ее перехода со стадии системно-локальных культур (то, что было в классических культурах) к стадии, когда культура становится частью глобально-коммуникационного пространства, когда все культуры как бы помещаются в единый информационный мешок [Миронов 2010].

Баланс сил и равноправный диалог возможен при условии соблюдения принципов терпимости. Умение воспринимать «культурные различия и этническое многообразие» [Миронов 2010] национальных культур является основой выстраивания гуманных взаимоотношений между представителями разных наций и этносов. Принятие этнического многообразия возможно в современном мире через трансляцию культурного многообразия, созданного этим многообразием культурного наследия. Трансляция в модернистский мир культурного наследия означает проникновение в современную культуру и принятие ею религиозных, этнических, национальных, исторических и иных компонентов культуры. Принятие означает отсутствие конфликта, обратное же приводит к экстремистским волнениям. Борьбу с экстремизмом исследователи видят в изучении современных культурных процессов, которое приводит к формированию государством необходимой для предотвращения экстремизма нормативно-правовой базы, к выстраиванию обновленной политики в области образования и воспитания.

Процесс глобализации, ведущей тенденцией которого является интеграция мирового сообщества в единое целое, включил механизм сопротивления традиционных локальных культур против достаточно серьезной вероятности этнической, национальной, индивидуальной и других типов культурной дезинтеграции, которая связана с распадом, разложением и даже исчезновением некоторых культур [Миронов 2010].

Культурное наследие, его сохранение и экология выступают как противостояние воздействию глобализации, следовательно, такой компонент многонационального мира, как «культурное наследие», вступает в противостояние с межнациональными конфликтами. Главным механизмом в этой борьбе выступает культурная идентичность и самобытность. Понимая важность изучения и сохранения культурного наследия,

...личность отождествляет себя с культурными образцами общества, сложившимися культурными характеристиками. Общество, и самое главное – личность, принимает соответствующие культурные нормы и образцы поведения, ценностные ориентации и язык и... национально-культурную идентичность [Усков 2009, с. 122].

Самобытная, впитавшая ценностные ориентации личность смело проявляет себя в современном мире, не ассимилируясь, а участвуя в диалоге культур, транслируя свою уникальность. Диалектика культурного наследия и современных культурных процессов выносит на арену модернистского мира созидательную культурную личность, со своей национально-культурной идентичностью. Именно такая личность, противодействуя слепому копированию «ценностей» глобализации, на первое место ставит созидательную деятельность, сохранение мира и согласия. Созидательная личность отрицает разрушительные идеи экстремистов, в основе ее деятельности лежит самоутверждение через трансляцию своего культурного богатства на мировом культурном пространстве, устанавливая баланс сил в культурном мире.

Проблемы межкультурного взаимодействия и толерантности на сегодняшний день являются неисчерпаемым полем для исследований, актуальность и практическая значимость которых стремительно возросли в связи с глобализацией процессов в экономической, политической, социальной сферах, а также стремлением человечества к созданию общепланетарной цивилизации и нарастанием региональных и локальных конфликтов на этноконфессиональной почве [Малахова 2010, с. 14].

Диалектика культурного наследия и современных культурных процессов взаимоувязана с глобализационными процессами и рисками, которые несет «общепланетарная цивилизация» национальным культурам. Культурное наследие ведет борьбу с унификацией культурных основ, при этом препятствуя возникновению межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Заключение

Культурное наследие, созданное национальной культурой, которое включает все многообразие национально-культурной идентичности, является важнейшим элементом системы ценностей, которая противостоит негативным социокультурным процессам современного общества. Культурное наследие следует определять как многоуровневое образование, «включающее в себя и память о прошлом» [Малахова 2010, с. 76], и характеристику национально-культурной идентичности, способствующее отстаиванию национальной самобытности народов и общества в противовес глобализации. Вопросы экологии культурного наследия формируют направленность современных культурных процессов, и в этом заключается диалектика культурного наследия и современных культурных процессов.

Литература

- Исмоилова 2015 – *Исмоилова Д.Б.* Культурное наследие в условиях социально-экономических трансформаций: наследие и наследование // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (45). С. 39–43.
- Копсергенова 2008 – *Копсергенова А.А.* Культурное наследие: философские аспекты анализа: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.
- Малахова 2010 – *Малахова О.В.* Философия толерантности в контексте межконфессионального диалога // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 14–18.
- Миронов 2010 – *Миронов В.В.* Философское обоснование противодействия терроризму и экстремизму: Выступление на II Всерос. научно-практ. конф. в МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–14 октября 2010 г. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/mironov-vv-filosofskoe-obosnovanie.html> (дата обращения 20 марта 2022).
- Соловей 2008 – *Соловей В.Д.* «Кровь» и «почва» русской истории. М.: Рус. Мирь, 2008. 473 с.
- Усков 2009 – *Усков А.С.* Роль культурного наследия в процессах национально-культурной идентификации личности // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 6. С. 117–128.

References

- Ismoilova, D. (2015), "Cultural heritage under the conditions of socio-economic transformations. Heritage and inheritance", *Scientific notes of Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences*, no. 4 (45), pp. 39–43.

- Kopsbergenova, A. (2008), *Cultural heritage. Philosophical aspects of analysis*, Abstract of Ph.D. dissertation, Stavropol State University, Stavropol, Russia.
- Malakhova, O. (2010), "Philosophy of tolerance in the context of interfaith dialogue", *Central Russian Journal of Social Sciences*, no. 4, pp. 14–18.
- Mironov, V. (2010), "Philosophical justification for countering terrorism and extremism", *Vystuplenie na II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v MGU im. M.V. Lomonosova. Moskva, 13–14 oktyabrya 2010 goda* [Speech at the II All-Russian Scientific and Practical Conference at Lomonosov Moscow State University, Moscow, October 13–14, 2010], available at: <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/mironov-vv-filosofskoe-obosnovanie.html> (Accessed March 20, 2022).
- Solovey, V. (2008), *Krov' i pochva russkoi istorii* ["Blood" and "soil" of Russian history], Rus. Mir, Moscow, Russia.
- Uskov, A. (2009), "The role of cultural heritage in the processes of national and cultural identification of a person", *News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing*, no. 6, pp. 117–128.

Информация об авторе

Альбина А. Гизитдинова, аспирант, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия; 450076, Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; albikharis@gmail.com

Information about the author

Albina A. Gizitdinova, postgraduate student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; bld. 32, Zaki Validist Street, Ufa, Russia, 450076; albikharis@gmail.com

Политическая карьера женщин в России и Германии: опыт сравнительного анализа

Марина Ю. Милованова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru*

Екатерина А. Золотых

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zolotykhk@yandex.ru*

Аннотация. Проведено исследование механизмов «социального включения» женщин – политической карьеры как целостного феномена общественной жизни, ключевого маркера равных шансов политического участия, движения общества к достижению гендерного равенства в обществе. Женщины в политике продолжают быть недостаточно представленными, поэтому проведение комплексного и сравнительного анализа актуально и востребовано. Используется компаративный метод для оценки возможностей для политической карьеры женщин в России и Германии. Данный подход позволил, привлекая сопоставимую статистическую и социологическую информацию, решить задачу определения национальной специфики социально-культурного пространства каждой из стран, влияющего на карьерные траектории женщин в политике. В качестве важных факторов институционального характера представлены социальные и правовые основы построения политической карьеры в указанных странах. Отмечено, что международные документы значительно повлияли на политику стран в вопросах гендерного равенства и поспособствовали прогрессу в положении женщин в обществе, при этом есть принципиальные особенности в законодательных актах России и Германии. Биографии конкретных современных женщин-политиков и их карьерный путь проанализированы по параметрам: причастность к правящей элите; уровень образования; опыт работы в политике; баланс между семейной жизнью и работой; производительность выполнения должностных обязанностей, что позволило подтвердить и конкретизировать основные выводы исследования.

Ключевые слова: политическая карьера, гендерное равноправие, социальный конфликт, женщины, компаративный метод, биографический анализ, Россия, Германия

© Милованова М.Ю., Золотых Е.А., 2023

Для цитирования: Милованова М.Ю., Золотых Е.А. Политическая карьера женщин в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 311–323. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-311-323

The political career of women in Russia and Germany: the experience of comparative analysis

Marina Yu. Milovanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
m_milovanova@mail.ru*

Ekaterina A. Zolotykh

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zolotykhk@yandex.ru*

Abstract. The authors carried out a study of the mechanisms of “social inclusion” of women – political career as an integral phenomenon of public life, a key marker of equal chances of political participation, the movement of society to achieve gender equality in society. Women in politics continue to be under-represented, so conducting a comprehensive and comparative analysis is relevant and in demand. A comparative method is used to assess the opportunities for women’s political careers in Russia and Germany. Such an approach made it possible, using comparable statistical and sociological information, to solve the issue of determining the national specifics of the socio-cultural space for each country that affects the career trajectories of women in politics. The social and legal foundations of building a political career in the mentioned countries are presented as important factors of an institutional nature. It is noted that international documents have significantly influenced the policy of countries in matters of gender equality and contributed to progress in the status of women in society, while there are fundamental distinctions in the legislative acts of Russia and Germany. Biographies of certain modern women politicians and their career path are analyzed according to the following parameters: involvement in the ruling elite; level of education; experience in politics; balance between family life and work; the performance of job duties, which allowed to confirm and concretize the main conclusions of the study.

Keywords: political career, gender equality, social conflict, women, comparative method, biographical analysis, Russia, Germany

For citation: Milovanova, M.Yu. and Zolotykh, E.A. (2023), “The political career of women in Russia and Germany: the experience of comparative analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 311–323, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-311-323

Введение

Политическая карьера – продвижение по звеньям политической иерархии, приобретение власти и увеличение политического влияния. Теоретический подход к изучению политической карьеры предложил М. Вебер [Вебер 2018]. По мнению Р. Дарендорфа, «формы ... дискриминации» превращают «женщин в граждан второго сорта» [Дарендорф 2002, с. 25–26].

Особое значение для политической карьеры женщин имеют институциональные основы – правовая база реализации гендерного равноправия, определяющая механизмы достижения результатов женщин в политике. Эволюция институциональных изменений наиболее полно показана в книге «Гендерная реконструкция политических систем» [Гендерная реконструкция 2003], принципиальные изменения в динамике последних двух десятилетий проанализированы нами [Березкина и др. 2023]. Имеют значение уникальные черты поведения женщин, их мотивация и модели попадания в высшие эшелоны власти и региональную власть [Чирикова 2009; Чирикова 2010], особенности моделей политики на Востоке и Западе [Баканова 2022]. Гендерная асимметрия карьерного роста женщин как общая проблема ставится в работах Г.Г. Силласте [Силласте 2004] и О.В. Поповой [Попова 2013], О.Д. Натсак [Натсак 2022], специфика современной партийно-политической системы Германии представлена в работе Е.П. Тимошенко [Тимошенко 2020], сравнительные исследования положения женщин России и Германии проведены Н.Н. Пирожук [Пирожук 2021].

Методика исследования

Отбор персон для биографического анализа действующих женщин-политиков России и Германии проведен по критерию занимаемых постов в органах власти на общегосударственном уровне по параметрам: причастность к правящей элите; уровень образования; опыт работы в политике; баланс между семейной жизнью и работой; производительность выполнения должностных обязанностей (эффективность принятия решений, упоминание в СМИ). Для типологии карьерного роста за основу взяты две базовые категории: меритократическая и стратократическая. В чистом виде сложно провести классификацию по указанным категориям, поэтому мы вводим типологию смешанного типа построения политической карьеры.

Политическая карьера женщин в России и Германии

Женщины в России в 1917 г., в Германии в 1918 г. были наделены политическими правами – избирать и быть избранными, получив «входной билет» в политику [Дарендорф 2002]. В современном мире в 26 странах из 193 (13,47%) главой государства или правительства является женщина, в 13 из 193 стран (6,74%) не менее 50% женщин входят в состав национального кабинета, в 6 из 193 стран (3,1%) не менее 50% женщин занимают места в национальных парламентах¹. Согласно типологии гендерно-страновых анклавов Г.Г. Силласте [Силласте 2019], Германия отнесена в четвертый анклав, с мягкой демографической гендерной асимметрией в пользу женщин – примерно 51% (42,5 млн) женщин, 49% (41,5 млн) мужчин. Россия – в шестой анклав, с резкой гендерной асимметрией в пользу женщин – 53,5% (77,9 млн) женщин, 46,49% (67,7 млн) мужчин). Степень занятости населения в России на 2022 г. составляет около 65%, в Германии – 74%². Уровень занятости мужчин в России – 75,8%, женщин – 64,5%³, в Германии – 77,3 и 71,2% соответственно⁴.

Раскол Германии и образование двух новых государств после Второй мировой войны разделили и женское движение. Основной закон Германии⁵ принят в 1949 г., лишь пять женщин-депутатов приняли участие в создании Конституции ФРГ, им удалось прописать в ней гендерную повестку, выраженную определенными статьями об охране материнства, о равных правах между мужчинами и женщинами в области гражданского права⁶. Серьезной

¹ Индекс власти женщин. URL: <https://www.cfr.org/article/womens-power-index> (дата обращения 12 июля 2023).

² The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (дата обращения 12 июля 2023).

³ Рабочая сила, занятость и безработица в России: Стат. сборник М.: Росстат, 2022.

⁴ Federal Statistical Office of Germany // Statistisches Bundesamt (Destatis). URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html (дата обращения 12 июля 2023).

⁵ Германия, Конституция Федеративной Республики Германии // Правовая библиотека legalns.com. URL: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-германии>.

⁶ Федеральный закон «Закон о равных правах» от 18 июня 1957 г. № BGBl. I p. 609. 2022 г. – с изм. и допол. в ред. от 2006. URL: <https://deru.abcdef.wiki/wiki/Gleichberechtigungsgesetz> (дата обращения 12 июля 2023).

либерализации законодательство Западной Германии подверглось в 1977 г., когда был решен вопрос с правами женщин на свободное трудоустройство без разрешения супруга, семейный быт обозначался как сфера деятельности двух полов. В Восточной Германии (ГДР) права женщины получили сразу, были прописаны все нюансы, касающиеся декрета, отпусков, детских садов и школ. Но политического участия, участия в управлении страной для женщин не было и в ГДР. Особенно остро вопрос касался партийности. В высшие эшелоны партии практически не допускались женщины, в парламенте же женщин было менее трети. После объединения Германии в октябре 1990 г. в Конституции были закреплены права и свободы женщин и мужчин как равных во всех вопросах, в том числе в доступе к участию в политической жизни общества. Общий закон о равном обращении в Германии (2006 г.)⁷ усилил равноправие между женщинами и мужчинами во всех сферах жизни. В правление А. Меркель (2005–2021 гг.) шла проработка гендерных вопросов со стороны женских бизнес-сообществ, в 2015 г. появились «Закон о равноправном участии женщин и мужчин на руководящих позициях в частном и общественном секторах» и «Закон о квотах». Европейский закон о квотировании женщин Германия поддержала в 2021 г. Принятые решения трансформируют корпоративную культуру, сбалансированность женщин и мужчин в советах директоров компаний, в бизнес-структурах. В 2013 г. в России подобная законодательная инициатива вносилась парламентской фракцией «Справедливая Россия», но поддержки не получила. Отклонение законопроекта противоречило реальному состоянию эмансипации женщин в России: доля женщин, имеющих профессиональное образование выше, чем мужчин, соответственно 1,533 млн (56%) женщин, 1,185 млн (44%) мужчин⁸.

Российская практика политики гендерного равноправия характеризуется как гендерно нейтральная. В Конституции РФ закреплены равные естественные права мужчин и женщин. В 2001 г. в законе «О политических партиях» появился пункт о создании условий мужчинам и женщинам, являющимся членами политической партии, иметь

⁷Общий закон ФРГ «Закон о равном обращении» от 14.08.2006 № BGBl. I S. 1897 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/agg/BJNR189710006.html#BJNR189710006BJNG000100000> (дата обращения 4 июня 2023).

⁸Доклад о человеческом развитии 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/en/countries/profiles/RUS> (дата обращения 4 июня 2023).

...равные возможности представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления⁹.

Однако в ФЗ № 20 «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» нормы гендерного представительства внесены не были. Главной целью разнообразных структур в законодательных и исполнительных органах власти в 1990-е и в начале 2000-х становилось не достижение гендерного равенства, а «улучшение положения женщин». Названный подход отражен в ряде «национальных планов» и Национальных стратегий действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.¹⁰, 2023–2030 гг.¹¹

Политическая представленность в выборных органах и партийных структурах выглядит следующим образом. Соотношение мужчин и женщин среди кандидатов в депутаты Госдумы: в 2011 г. – женщин 18%, мужчин 82%, в 2016 г. – 22 и 78% соответственно, в 2021-м – 21 и 79% соответственно¹². Недопредставленность женщин на этапе избирательных списков влияет на количественный гендерный состав депутатского корпуса. В Государственной Думе VII созыва 74 женщины – 16,3% от общего числа депутатов¹³. В избирательных списках ЕДГ в сентябре 2023 г. из 117 кандидатов лишь 11 женщин – 9,4%. В Германии на данный момент доля женщин в Нижней Палате составляет 35%,

⁹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О политических партиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/0488c5b2484415a8eac169354b3a89160f6217f5/ (дата обращения 30 апреля 2023).

¹⁰ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. // Официальный сайт Министерства труда РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/5> (дата обращения 20 мая 2023).

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436691/ (дата обращения 20 мая 2023).

¹² Крохмаль А. В российской политике поднимается тема гендерной диспропорции // Аргументы недели. 2022. 28 авг. URL: <https://argumenti.ru/society/2022/08/786882> (дата обращения 19 мая 2023).

¹³ Состав Государственной Думы седьмого созыва // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/> (дата обращения 20 мая 2023).

в Верхней Палате – 41%¹⁴. Анализ составов правительств РФ за 1991–2023 гг. показал, что лишь 17 женщин дошли до вершин исполнительной власти, 9 женщин занимали губернаторский пост. Политические партии, как в России, так и в Германии, являются действующим механизмом «социального включения» в большую политику. В России процент женщин в парламентских фракциях: «Новые Люди» – 20%, «Единая Россия» – 19%, КПРФ – 13%, «Справедливой России – За правду» – 11,1%, у ЛДПР нет женщин в составе парламентской фракции. Подрастают количественные значения уровня женщин в ЗАКСах – у ЕР – 460 депутатов, у КПРФ – 89, ЛДПР – 31, СР-ЗП – 39, Новые люди – 11¹⁵. В Германии статистика доли женщин среди членов партии: у социал-демократов, крайне левой партии “Linke” и «Зеленых» есть квоты, 40% их партийных должностей зарезервированы за женщинами. У других партий нет квот, хотя в сентябре 2022 г. съезд ХДС одобрил предложение о заполнении половины должностей в партии женщинами к 2025 г. По состоянию на 2021 г. доля женщин в Социал-демократической партии Германии составляет 45%¹⁶, в партии «Зеленых» – 59%¹⁷, в Левом альянсе¹⁸ – 54%, в Свободной демократической партии Германии – 24%¹⁹, в партии «Альтернатива для Германии» – 13%²⁰.

Женщины-политики в Германии чаще обладают профильным (политическим, юридическим) образованием или образованием в смежной области, в России имеют одно или более высших образования или ученую степень. Непрофильное образование зачастую компенсируется встроенностью в комсомольско-партийную элиту

¹⁴ Gender Quotas Database // International IDEA URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-view/92/35> (дата обращения 20 мая 2023).

¹⁵ Авторский подсчет.

¹⁶ List of notable members of the SPD // Wikipedia URL: https://dees.abcdef.wiki/wiki/Liste_prominenter_Mitglieder_der_SPD (дата обращения 19 мая 2023).

¹⁷ Alliance 90. The Greens // Wikipedia. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Alliance_90/The_Greens (дата обращения 19 мая 2023).

¹⁸ The Left (Germany) // Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Left_\(Germany\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Left_(Germany)) (дата обращения 19 мая 2023).

¹⁹ Free Democratic Party (Germany) // Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Free_Democratic_Party\(Germany\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Free_Democratic_Party(Germany)) (дата обращения 19 мая 2023).

²⁰ Alternative for Germany // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alternative_for_Germany (дата обращения 19 мая 2023).

для старшего поколения политиков, партийную и бюрократическую вертикали власти для рожденных в конце 1960–1970-х гг. Немки начинают карьеру довольно рано, что сравнимо с комсомольской юностью политиков старшего поколения в России. В российской политике федерального уровня фиксируется меньшая сменяемость поколений политиков, чем в Германии. Способ финансирования политических партий в России не содержит стимула к активному включению женщин в избирательные списки. Женщинам, желающим достичь высоких позиций в политике, требуется приложить гораздо больше усилий, чем мужчинам.

Современная гендерная повестка концептуально строится на том, как достичь баланса между занятостью, построением карьеры и выполнением родительских и семейных обязанностей. Рождение детей рассматривается тормозящим, но не препятствующим фактором для успешной карьеры женщины, дети и семья являются источником вдохновения и опоры для женщин-политиков. Принципиальное расхождение в определении основ семейной политики обозначилось для России и Германии в том, что в России в 2020 г. на референдуме принимается конституционная норма о защите института брака как союза мужчины и женщины²¹, создании условий для достойного воспитания детей в семье, для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях, а немецкий парламент принимает 30 июня 2017 г. «Закон о введении права на заключение брака для лиц одного пола»²². Появление примеров трансгендерных женщин и мужчин в политике фиксируется в Германии как норма, в России – как аномалия.

Политическое долгожительство в политической элите России В.И. Матвиенко (вице-премьер, губернатор, председатель верхней палаты парламента) дает определенные возможности продвижения женщин в политику благодаря специальным курируемым лично ею программам подготовки («Лидеры России, Мастерская «Сенеж»). А. Меркель стала «ролевой моделью» в статусе ведущего мирового лидера, олицетворением образа скорее «не мужчины в юбке, а женщины в брюках». Меркель трансформировала традиционные

²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d-26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/ (дата обращения 10 июля 2023).

²² Gesetz zur Einführung des Rechts auf Eheschließung für Personen gleichen Geschlechts), был принят немецким парламентом 30 июня 2017 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Однополые_браки_в_Германии (дата обращения 10 июля 2023).

концепции лидерства и управления: видимое доминирование, высокомерие, самовосхваление, способность публично унижать или угнетать других, став катализатором активного вхождения молодых женщин в профессиональную политику. В Германии женщины-политики демонстрируют успешность и компетентность в сфере политики, сравнимую с мужчинами, менее подвержены скандалам. В России уровень эффективности женской политики пока не настолько высок, как уровень мужской, а вот упоминание в СМИ различных скандалов достаточно высоко.

Заключение

Современные женщины в России и Германии могут строить политическую карьеру как внутри партийных структур, так и на государственном уровне. Успешные карьерные траектории женщин в политике показательны и маркируют равные шансы политического участия независимо от пола, свидетельствуют о движении общества от гендерного неравенства в сторону более сбалансированной и справедливой представленности интересов и потребностей женщин и мужчин как равных. Правовая база России и Германии в вопросах гендерного равенства определяется международными документами. Европейское законодательство динамично эволюционирует, закрепляет признание проблемы гендерного неравенства, интеграцию гендерной темы в другие программы развития, принятие особых мер для улучшения положения женщин. В России сложилась гендерно-нейтральная правовая система, процесс вхождения женщин в политику носит ограниченный и декларативный характер. Барьеры, часто неформального свойства, при получении должности в политике остаются нерешенными. В России преобладают стратократический и смешанный типы политической карьеры, в Германии – меритократический и смешанный. Как для России, так и Германии, несмотря на высокий уровень поддержки и гарантированности юридической защиты, меры, предпринимаемые государством, не всегда достаточны. Реальная ситуация в области гендерного равенства определяется не в официальных документах, а в практической реализации отдельных прав мужчин и женщин. Имеют значение различия механизмов вхождения женщин-политиков в странах Запада и Востока. Социальные связи имеют самое высокое влияние в любом из механизмов, носят сетевой характер. На Востоке преимущественно работают семейные, клановые связи, на Западе – образовательные и корпоративные. В России «на плаву» женщины-политики, прошедшие комсомольско-партийную

советскую кадровую школу, фактор встроенности в высокие политические, экономические или элитные круги в последние два десятилетия имеет тенденцию к усилению и закрытости. Для выборных должностей эффективное продвижение и политическое участие женщины зависит от того, каковы у потенциальной участницы избирательного процесса личностный, социальный и политический капиталы, капитал финансовый (личный, партийный, корпоративный) является лишь подтверждением названных трех [Милованова 2021]. В политической карьере выявляется индивидуальный стиль и подход в работе женщин-лидеров. В России ограничения по признаку пола для женщин в политике продолжают существовать, что обусловлено стереотипами и политическим режимом. Для обеих стран общим является то, что сферы политики и управления для доказательства компетентности и профессионализма от женщины-лидера требуют большего усердия, чем от их коллег-мужчин. Преваляющим в общественном мнении является тезис о том, что политическая карьера должна зависеть не от пола, а от определенных качеств, которые важны для всех людей, вне зависимости от их пола. Россия следует образцам западной политики, но имеет свои национальные характеристики.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Национальная модель гендерного равноправия: междисциплинарный и экспертный подход (конкурс “Проектные научные коллективы РГГУ 2023”)».

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the Russian State University for the Humanities (RSUH) project “National Model of Gender Equality. Interdisciplinary and Expert Approach” (competition “RSUH Project Research Teams”).

Литература

Баканова 2022 – Баканова М.В. Женское лицо российской политики: Между Востоком и Западом // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 345–351.

- Березкина и др. 2023 – *Березкина Е.Ю., Великая Н.М., Милованова М.Ю., Родионова М.Е.* Политика гендерного равенства в европейских странах: рекомендации Совета Европы и опыт реализации // Гендерное равенство XXI века: Глобальные вызовы и локальные ответы. М.: Ключ-С, 2023. С. 99–108.
- Вебер 2018 – *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-классик, 2018. 292 с.
- Гендерная реконструкция 2003 – Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2003. 991 с.
- Дарендорф 2002 – *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
- Милованова 2021 – *Милованова М.Ю.* К вопросу о женском участии в публичной политике и «женской доле» в политике // Женщины в политическом пространстве России и зарубежных стран. М.: Издательские решения, 2021. С. 35–40.
- Натсак 2021 – *Натсак О.Д.* Барьеры в политической карьере женщин: обзор современных практик в зарубежных странах // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1-2 (25). С. 296–305.
- Пирожук 2021 – *Пирожук Н.Н.* Россия и Германия: сравнительный анализ уровней гендерного равноправия в их образе жизни // Гендерные ресурсы современного мира – 2021. Гендерный калейдоскоп – 2021: Сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2021. С. 178–187.
- Попова 2013 – *Попова О.В.* Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 21–30.
- Силласте 2004 – *Силласте Г.Г.* Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–133.
- Силласте 2019 – *Силласте Г.Г.* Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе 2019. № 3. С. 4–13.
- Тимошенкова 2020 – *Тимошенкова Е.П.* Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.). М.: Ин-т Европы РАН, 2020. 148 с.
- Чирикова, Лапина 2009 – *Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: Ин-т социологии РАН, 2009. 72 с.
- Чирикова 2010 – *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 270 с.

References

Bakanova, M. (2022), “The Female Face of Russian Politics: Between East and West”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 1, part 3, pp. 345–351.

- Berezkina, E.Yu., Velikaya, N.M., Milovanova, M.Yu. and Rodionova, M.E. (2023), “Gender equality policy in European countries. Recommendations of the Council of Europe and the implementation experience”, *Gendernye ravenstvo XXI veka: Global'nye vyzovy i lokal'nye otvety* [Gender equality of the 21st century. Global challenges and local responses], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Darendorf, R. (2002), *Sovremennyyi social'nyi konflikt* [Modern social conflict. An essay on the politics of freedom], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Chirikova, A.E. and Lapina, N.Yu. (2009), *Zhenshchina na vysshikh etazhakh vlasti. Rossiiskie praktiki i frantsuzskii opyt* [A woman on the highest levels of power. Russian practices and French experience], Institut Sotsiologii RAN, Moscow, Russia.
- Chirikova, A.E. (2010), *Regional'nye elity Rossii* [Regional elites of Russia], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Milovanova, M.Yu. (2021), “On the issue of women’s participation in public politics and the ‘female share’ in politics”, *Zhenshchiny v politicheskom prostranstve Rossii i zarubezhnykh stran* [Women in the political space of Russia and abroad], Izdatel'skie resheniya, Moscow, Russia, pp. 35–40.
- Natsak, O.D. (2021), “Barriers in women’s political careers. A review of current practices in foreign countries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 2, pp. 296–305.
- Pirozhuk, N.N. and Sillaste, G.G. (2021), “Russia and Germany. Comparative analysis of the levels of gender equality in their lifestyle”, *Gendernye resursy sovremennogo mira – 2021 Gendernyi kaleidoskop – 2021*: Sb. nauch. st. [Gender resources in the modern world], Fond nauki i obrazovaniya, Rostov/Don, Russia.
- Popova, O.V. (2013), “Gender aspects of the political career of the Russian sub-federal elite. Expert opinions”, *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 21–30.
- Sillaste, G.G. (2004), “Gender asymmetry as a factor of women’s career growth”, *Higher education in Russia*, no. 3, pp. 122–133.
- Sillaste, G.G. (2019), “The country’s gender landscape as a factor in the formation of a new gender order, its social risks”, *Woman in Russian society*, vol. 3 pp. 4–13.
- Stepanova, N.M. and Kochkina, E.V. (eds) (2003), *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Timoshenkova, E.P. (2020), *Partiino-politicheskaya sistema Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [A party and political system in Germany at the time of Angela Merkel’ chancellorship (2005–2017)], In-t Evropy RAN, Moscow, Russia.
- Weber, M. (2018), *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a vocation and profession], Ripol-klassik, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Марина Ю. Милованова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; m_milovanova@mail.ru

Екатерина А. Золотых, магистр социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zolotykhk@yandex.ru

Information about the authors

Marina Yu. Milovanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; m_milovanova@mail.ru

Ekaterina A. Zolotykh, Master of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zolotykhk@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 3, часть 2
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 09.02.2024
Выход в свет 15.02.2024
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1910

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru